

ЛУИ НИЛЬСОН

Террорчар
раздзора

СТАЛЬ И ВИНОГРАД

Луи Нильсон

**Терруар раздора:
Сталь и виноград**

«Автор»

2026

Нильсон Л.

Терруар раздора: Сталь и виноград / Л. Нильсон — «Автор»,
2026

Стефания Валуа привыкла держать удар — как на фехтовальной дорожке, так и в жизни. Но когда семейное наследие, легендарные виноградники Прованса, уходит с молотка, её мир рушится. Покупатель — Леон де Вильер, безжалостный бизнес-хищник, превративший аукцион в личную расправу. Он предлагает Стефании сделку, от которой невозможно отказаться, превращая её из наследницы в ценный актив своей империи. В этом противостоянии, где бизнес напоминает дуэль, а чувства — выдержанное вино, Стефании предстоит решить: продолжать оборону или позволить врагу подойти на расстояние удара в самое сердце. Сможет ли их союз стать великим винтажом или обернется крахом?

© Нильсон Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Позиция защиты	5
ГЛАВА 2: Дистанция атаки	11
Глава 3: Ритуал взвешивания	17
Глава 4: Первый выпад	24
Глава 5: Зона клинча	30
ГЛАВА 6: Маскировка намерений	37
Глава 7: Вкус терруара	43
ГЛАВА 8: Параметры сделки	49
ГЛАВА 9: Нарушение баланса	56
Глава 10: Глухое эхо	63
Глава 11. Анализ дефектов	70
Глава 12: Прямой выпад	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Луи Нильсон

Терруар раздора: Сталь и виноград

Глава 1: Позиция защиты

Пятый поясничный позвонок напоминает о себе тупой, вкрадчивой болью каждые десять минут. Это цена, которую я плачу за идеальную осанку, за этот невидимый корсет, который мой отец затягивал на мне годами, еще до того, как я впервые взяла в руки рапиру. Стой ровно, Стефания. Если ты рухнешь, мир должен запомнить только то, как красиво ты летела вниз. Сейчас я стою в главном зале нашего поместья, превращенном в импровизированный аукционный загон, и чувствую, как мои пятки врастают в паркет. Центр тяжести смещен чуть вперед, на подушечки стоп. Позиция низкой боевой готовности. Если кто-то из присутствующих решит сделать выпад, я буду готова уйти в контратаку, даже если моим единственным оружием останется этот ледяной взгляд и знание того, что у большинства дам в зале туфли из прошлогодней коллекции.

Воздух в зале пахнет пылью, старым деревом и плохо скрываемым злорадством. Это сложный букет с верхними нотами дешевого адреналина и тяжелым шлейфом чужого фиаско. Судебные приставы в своих казенных костюмах выглядят здесь как грибковое поражение на лозе: они методичны, серы и абсолютно равнодушны к эстетике момента. Один из них, с лицом цвета перезревшего баклажана, монотонно зачитывает номера лотов. Он не продает историю моей семьи, он ликвидирует активы.

- Лот номер сорок два. Коллекционное издание "Il Sangue della Terra", урожай 1985 года. Три магнума в оригинальной упаковке.

Я смотрю на эти бутылки и чувствую, как в горле закипает горечь, напоминающая слишком молодой Каберне Совиньон: агрессивная, неотесанная, вяжущая язык. Мой отец называл этот винтаж своим триумфом. В 1985-м лето было бесконечным, виноград набрал столько сахара и силы, что вино получилось почти бессмертным. Сейчас эти магнумы стоят на подиуме, обклеенные позорными инвентарными бирками, и я вижу, как тянутся руки тех, кто еще полгода назад рассыпался в комплиментах на наших приемах.

Маркиза де Вальдес, чье лицо после очередной подтяжки напоминает натянутый барабан, поднимает табличку. Она хочет это вино не для того, чтобы его пить. Она хочет обладать частичкой нашей катастрофы. Для нее это трофей, голова убитого зверя, которую можно повесить в своем погребке. Я фиксирую ее движение. Локоть слишком высоко, кисть дрожит. Она не уверена. Она боится переплатить за наше унижение.

- Пять тысяч, - раздается голос с первого ряда.

Это синьор Бруни. Бывший партнер отца. Человек, чье виноделие всегда напоминало мне промышленное производство уксуса. Он суетлив, его центр тяжести постоянно гуляет, он не умеет твердо стоять на ногах ни в жизни, ни в бизнесе. Я провожаю его взглядом, чувствуя, как мышцы спины каменеют. Мой внутренний критик, обладающий баритоном отца, сухо замечает: "Слишком медленная реакция, Стеф. Ты позволяешь им диктовать темп боя".

Я не позволяю. Я просто выжидаю. В фехтовании есть момент, когда противник думает, что ты выдохлась, и именно в эту секунду его защита становится максимально уязвимой. Но здесь у меня нет рапиры. У меня нет даже права голоса. Я здесь как предмет интерьера, как эта старинная консоль у стены, которую тоже скоро пустят с молотка.

Двери в конце зала распахиваются не просто громко, а как-то окончательно. Сквозняк пронесется по рядам, заставляя пламя свечей в канделябрах качнуться. Тишина наступает мгновенно, она падает на зал тяжелым бархатным пологом. Я не оборачиваюсь. Мне не нужно

видеть, чтобы понять, кто вошел. Я чувствую это кожей спины, тем самым местом между лопатками, которое всегда первым считывает угрозу.

Леон.

Его шаги тяжелые, размеренные, в них нет суеты. Каждый шаг - это захват территории. Он идет так, будто этот паркет уже принадлежит ему, хотя технически аукцион еще не закончен. Я чувствую, как его присутствие меняет плотность воздуха. Он останавливается в нескольких метрах позади меня, и я ощущаю исходящий от него холод, смешанный с запахом дорогой шерсти и зимнего ветра.

Я заставляю себя не оборачиваться. Мой позвоночник выпрямляется еще на пару миллиметров, достигая предела физиологической возможности. Если я сейчас пошевелюсь, я выдам свою слабость. А Леон - это хищник, который питается слабостью, как благородная плесень питается сахаром в ягодах рислинга, превращая их в нечто ценное, но безвозвратно испорченное.

- Продолжайте, - раздается его голос.

Он не кричит, он говорит почти тихо, но этот звук прорезает гул толпы, как остро заточенный нож прорезает фольгу на горлышке бутылки. У него голос человека, который привык, что тишина - это его естественная среда обитания, а слова - лишь досадная необходимость. В его интонациях нет ни капли тепла, только чистый, дистиллированный расчет.

Аукционист, мгновенно потерявший свою монотонную уверенность, сглатывает и возвращается к лоту.

- Пять тысяч пятьсот от синьора Бруни... Кто-нибудь даст больше?

- Десять тысяч, - бросает Леон, не глядя на аукциониста.

Он не торгуется. Он просто обрывает дистанцию одним мощным выпадом. Бруни дергается, его лицо заливается краской, он открывает рот, но тут же закрывает его под холодным взглядом Леона. Я чувствую, как Леон медленно обходит меня сбоку, входя в мое поле зрения.

Он выглядит так, будто сошел с чертежа идеального антагониста. Его костюм сидит на нем как броня, ни одной лишней складки, ни одного лишнего жеста. Его центр тяжести безупречен - он всегда в равновесии, всегда готов к атаке или защите. Его лицо - маска из гранита, на которой годы цинизма высекли морщины у глаз, но не те, что от смеха, а те, что от долгого наблюдения за чужими ошибками.

Он останавливается рядом со мной, но не смотрит на меня. Он смотрит на подиум, где стоят наши бутылки.

- Переоцененный винтаж, - произносит он так, чтобы слышала только я. - Слишком много танинов, слишком мало души. Как и все в этом доме, Стефания.

Я чувствую, как во мне просыпается та старая, спортивная злость, которая заставляла меня дожимать соперника на дорожке, когда легкие уже горели огнем.

- Вино не виновато в том, что у твоего рецепторного аппарата чувствительность как у асфальтоукладчика, Леон, - отвечаю я, не поворачивая головы. Мой голос звучит ровно, я тщательно контролирую выдох. - Это вино требует терпения. Того, чего у тебя никогда не было. Ты предпочитаешь брать все силой, но терруар не обманешь.

Он слегка поворачивает голову в мою сторону. Его глаза цвета крепкого эспresso, в них нет ни искры сочувствия.

- Терруар - это просто земля, Стефания. А земля принадлежит тому, кто за нее заплатил. Остальное - маркетинг для бедных романтиков.

- Десять тысяч раз, десять тысяч два... Продано синьору де Марко! - выкрикивает аукционист, и молоток бьет по столу, как выстрел в закрытом пространстве.

Я вижу, как приставы начинают упаковывать магnumy. Это мои воспоминания упаковывают в пузырчатую пленку. Тот вечер, когда отец открыл такую же бутылку на мое восемна-

дцатилетие. Тот вкус ежевики и старой кожи, который казался мне тогда вкусом вечности и стабильности. Теперь это просто "Лот номер сорок два".

Леон делает шаг вперед, к подиуму. Толпа расступается перед ним, как вода перед форштевнем корабля. В нем есть эта пугающая внутренняя сила, которая заставляет людей чувствовать себя мелкими, незначительными. Я иду за ним, хотя все мое существо кричит о том, что нужно бежать в противоположную сторону. Мои ноги двигаются механически, сохраняя ту самую дистанцию, которую я вымеряла годами тренировок. Два метра. Зона безопасности. Если он сократит ее, мне придется либо атаковать, либо признать поражение.

- А теперь, - говорит Леон, когда пристав протягивает ему одну из бутылок 1985 года, - перейдем к главному блюду.

Он обращается к залу, но его взгляд прикован ко мне. Он наслаждается этим моментом. Он знает, что я чувствую себя товаром, частью этого огромного лота под названием "Наследие семьи Бьянки".

- Лот номер сто один, - объявляет аукционист, и его голос заметно дрожит. - Последняя бутылка "Riserva di Famiglia", 1947 год. Личный запас основателя хозяйства. Единственный экземпляр в мире.

В зале становится так тихо, что слышно, как гудит старая проводка. Это не просто вино. Это святой Грааль нашего рода. Вино, которое мой прадед заложил в год окончания войны, как символ возрождения. Оно пережило заморозки, засухи, смену режимов и банкротство. Оно должно было остаться у меня. Это моя последняя линия обороны.

Я чувствую, как у меня немеют пальцы рук. Я сжимаю их в кулаки, пряча за спиной. Спина болит уже невыносимо, но я не позволяю себе даже малейшего движения. Леон смотрит на бутылку, покрытую благородной пылью десятилетий. На его губах играет едва заметная, почти призрачная усмешка.

- Пятьдесят тысяч, - произносит кто-то из глубины зала. Это представитель какого-то китайского консорциума.

- Сто, - коротко бросает Леон.

- Сто десять.

- Двести.

Он повышает ставки с такой небрежностью, будто речь идет о покупке газеты в киоске. Он не дает соперникам даже шанса на раздумья. Он подавляет их темпом. Это агрессивный стиль фехтования, когда ты не даешь противнику вздохнуть, осыпая его градом ударов, пока он не совершит ошибку.

- Триста тысяч, - голос китайца звучит уже не так уверенно.

- Пятьсот, - Леон даже не оборачивается.

Зал ахает. Пятьсот тысяч за одну бутылку вина - это безумие, даже для такого редкого экземпляра. Но я знаю, что Леон платит не за вино. Он платит за то, чтобы увидеть, как в моих глазах что-то сломается. Он хочет купить мое отчаяние.

Аукционист выдерживает паузу, оглядывая зал. Никто больше не решается поднять табличку. Леон стоит неподвижно, его центр тяжести идеально распределен. Он - воплощение контроля.

- Пятьсот тысяч раз... Пятьсот тысяч два... Пятьсот тысяч три. Продано!

Леон делает знак приставу. Тот аккуратно, почти благоговейно подносит ему бутылку. Леон берет ее одной рукой, за горлышко. Я вижу его длинные, сильные пальцы, которые сжимают темное стекло. Мое сердце бьется где-то в районе горла, оно мешает мне дышать, оно бьется быстро и неритмично, нарушая весь мой внутренний баланс.

Он поворачивается ко мне. Теперь мы стоим лицом к лицу. Дистанция сократилась до метра. Я чувствую жар, исходящий от него, несмотря на его ледяную манеру держаться. Это физиологическая реакция - мое тело распознает в нем смертельную опасность.

- Знаешь, Стефания, - говорит он тихим, вкрадчивым голосом, - твой отец всегда говорил, что это вино - душа вашего дома. Что пока оно в погребке, семья Бьянки непобедима.

Я молчу. Мои губы плотно сжаты. Я не дам ему услышать мой голос, если он будет дрожать. Я анализирую его позу. Он расслаблен, но это расслабленность взведенного курка.

- Красивая легенда, - продолжает он, разглядывая этикетку. - Но легенды плохо продаются в условиях дефицита ликвидности. Ты ведь так гордишься своим происхождением. Своей кровью, которая якобы так же благородна, как этот винтаж.

Он делает шаг ко мне. Теперь между нами меньше полуметра. Я чувствую запах его парфюма - что-то древесное, с нотами горького апельсина и стали. Мои мышцы натянуты как струны, я готова к защите, я жду его следующего слова как выпада.

- Но знаешь, в чем проблема старого вина? - он смотрит мне прямо в глаза, и я вижу в его зрачках свое отражение - маленькую, бледную женщину с неестественно прямой спиной. - Оно часто оказывается прокисшим. Время не щадит ничего, Стефания. Даже твои идеалы.

Я чувствую, как во мне закипает холодная ярость. Это не та ярость, что заставляет кричать, а та, что заставляет клинок находить единственную щель в доспехах противника.

- Это вино пережило людей, которые были гораздо сильнее и умнее тебя, Леон, - произношу я, и мой голос звучит на удивление твердо. - Оно переживет и твоё высокомерие. Ты можешь купить бутылку, но ты никогда не поймешь, что внутри. Для тебя это просто актив. Для меня - это жизнь. Ты банкрот в плане чувств, и никакие миллионы на твоих счетах этого не исправят.

Его глаза сужаются. Это попадание. Я вижу, как на мгновение его челюсть сжимается чуть сильнее. Он не привык к сопротивлению, особенно от тех, кого он уже считает своей собственностью.

- Жизнь, говоришь? - он усмехается, и в этой усмешке столько яда, что хватило бы на целый виноградник. - Давай проверим, чего стоит эта твоя жизнь.

Он медленно поднимает руку с бутылкой. Я смотрю на его движение как в замедленной съемке. В фехтовании это называется "подготовка к атаке". Я вижу, как перекачиваются мышцы под тонкой тканью его пиджака. Он держит бутылку над полом, прямо на границе между светом из окна и тенью зала.

- Нет, - выдыхаю я, прежде чем успеваю себя остановить.

Это была ошибка. Мой первый пропущенный удар. Я показала, что мне не все равно. Я выдала свою уязвимость.

Леон улыбается. Это не добрая улыбка, это оскал победителя, который только что нашел слабое место в защите врага.

- Смотри внимательно, Стефания. Смотри, как рушится твоя мифология.

Он разжимает пальцы.

Бутылка падает вечностью. Она летит, вращаясь в воздухе, и я вижу, как солнечный луч ловит пылинки на ее боках. В этот момент я чувствую физическую боль в коленях, будто это меня сбросили с высоты. Мой отец в моей голове кричит: "Держи блок! Не падай!".

Звук разбитого стекла напоминает взрыв. Гулкий, резкий, окончательный. Темно-красная, почти черная жидкость разлетается по паркету, пачкая подол моего платья, брызгая на лакированные туфли Леона. Зал взрывается общим вдохом ужаса и восторга. Это публичная казнь.

Запах ударяет в нос мгновенно. Это не запах прокисшего вина. Это аромат концентрированного лета 1947 года: засахаренная вишня, табак, трюфель, сухие травы и что-то неуловимое, что пахнет самой землей после дождя. Вино было живым. Оно было идеальным.

Я стою неподвижно, чувствуя, как капли вина стекают по моим щиколоткам. У меня такое ощущение, будто мне вскрыли вены. Мой центр тяжести плывет, но я заставляю себя остаться на месте. Я не опускаю взгляд на осколки. Я не дам ему этого удовольствия.

Леон смотрит на лужу у своих ног с видом человека, который только что провел удачный эксперимент.

- Надо же, - произносит он, переступая через осколок. - А оно не было прокисшим. Какая жалость. Оказывается, твои легенды имеют под собой почву. Но теперь это просто пятно на паркете, которое придется оттирать горничным.

Он подходит еще ближе, так что я чувствую его дыхание на своем лице. Он выше меня, и мне приходится чуть приподнять подбородок, чтобы не терять зрительный контакт. Это опасная позиция, мой затылок горит от напряжения.

- Твое наследство уничтожено, Стефания. У тебя не осталось ничего, кроме этой прямой спины и долгов твоего отца. Как думаешь, надолго ли тебя хватит?

Я чувствую, как по моей спине пробегает дрожь, но я трансформирую ее в энергию. Я не жертва. Я - фехтовальщица, которая только что пропустила серьезный укол, но бой еще не закончен.

- У меня осталось то, чего ты никогда не сможешь купить, Леон, - шепчу я, и мой голос звучит как шелест стали о сталь. - У меня осталось знание о том, какой ты на самом деле жалкий. Ты потратил полмиллиона только на то, чтобы произвести на меня впечатление. Ты так боишься моей силы, что тебе пришлось разбить бутылку, чтобы почувствовать себя выше. Ты не победитель. Ты просто вандал с чековой книжкой.

Его лицо на мгновение становится абсолютно непроницаемым. Мы стоим в клинче, так плотно, что любое движение одного приведет к падению другого. Его рука внезапно поднимается и касается моей щеки. Его пальцы холодные, как лед, но это касание обжигает меня сильнее, чем если бы он меня ударил. Это нарушение всех границ, это вторжение в мою личную зону комфорта, которую я защищала годами.

- Мы еще не закончили, - говорит он, и в его голосе появляется новая нота, что-то темное и вязкое, как этот разлившейся винтаж. - Это был только первый раунд. И поверь мне, Стефания, к концу боя ты будешь сама умолять меня разбить все, что тебе дорого, лишь бы я на тебя посмотрел.

Он убирает руку и разворачивается, уходя из зала так же стремительно, как и вошел. Его шаги стихают, оставляя после себя тяжелую тишину и невыносимый аромат погибшего вина.

Я стою среди руин своего прошлого, глядя в спину человеку, который только что объявил мне войну на уничтожение. Моя спина все еще прямая, но я чувствую, как внутри меня что-то начинает вибрировать. Это не страх. Это предвкушение.

Я опускаю взгляд на лужу вина. В ней, среди осколков, отражается люстра зала, разбитая на тысячи мелких огней. Я медленно приседаю - не от слабости, а чтобы коснуться пальцами этой пролитой крови моей земли. Вино теплое. Оно кажется живым.

Я подношу пальцы к губам. Вкус терпкий, сложный, с металлическим привкусом. Мой отец был прав - это вино было душой дома. И теперь эта душа на моих губах.

Я поднимаюсь, чувствуя, как боль в позвоночнике отступает, сменяясь холодной решимостью. Леон думает, что он захватил территорию. Он думает, что сломал мой блок. Но он забыл одно правило фехтования: самый опасный противник - это тот, кому больше нечего терять, кроме своей гордости.

Я смотрю на приставов, которые робко начинают приближаться к месту "аварии".

- Оставьте, - говорю я, и мой голос звучит так, что они замирают на месте. - Я сама это уберу.

Это моя битва. Мой паркет. Моя кровь.

Я провожаю взглядом последних гостей, которые расходятся, перешептываясь и оглядываясь на меня. Для них я - обломок бывшего величия, жалкое зрелище. Но я чувствую, как мой центр тяжести смещается в идеальную точку равновесия. Я больше не защищаюсь.

Я начинаю атаку.

Мысли о долгах, о потерянном имени, о позоре - все это превращается в сухие цифры в моей голове. Я начинаю анализировать активы Леона, его слабые места, его публичный образ. Он хочет игры сил? Он ее получит. Он думает, что он контролирует форму нашего союза, потому что у него есть деньги. Но я буду контролировать содержание. Я превращу его жизнь в такой сложный купаж, что он не сможет сделать ни одного глотка, не чувствуя горечи моего присутствия.

Я выхожу из зала, не оборачиваясь на разбитую бутылку. Завтра здесь будут другие люди, другие проблемы. Но сегодня я впервые за долгое время чувствую себя по-настоящему живой.

Стефания Бьянки не умеет проигрывать. Она умеет только делать тактический отступ, чтобы подготовить решающий выпад. И Леон де Марко только что сам предоставил мне для этого все условия.

Я иду по длинному коридору поместья, и звук моих каблучков по мрамору звучит как удары метронома. Раз, два. Дистанция. Три, четыре. Защита. Пять. Укол.

Где-то в глубине дома плачет старая экономка, но я не останавливаюсь. Сочувствие - это дефект вкуса, который я больше не могу себе позволить. Теперь только расчет, только холодные танины и безупречная сталь.

Я захожу в кабинет отца, где на столе все еще лежат счета и уведомления о выселении. Я сажусь в его кресло, чувствуя запах старой бумаги и дорогого табака. Я открываю ноутбук.

Первая строчка в моем новом отчете будет не о долгах. Она будет о Леоне.

- Начнем, - шепчу я темноте кабинета.

Мой внутренний критик молчит. Кажется, даже голос отца признал: сейчас на дорожку вышла та, кто не нуждается в советах.

Я смотрю на свои руки. На кончиках пальцев все еще темнеет пятно от вина 1947 года. Это моя метка. Мой контракт с самой собой.

Леон де Марко купил это поместье, но он еще не понял, что вместе с ним он приобрел нечто гораздо более опасное, чем долги. Он приобрел меня. А я - винтаж, который он не сможет проглотить, не захлебнувшись.

Я закрываю глаза и на мгновение позволяю себе почувствовать, как дрожит воздух. Это будет долгий бой. Но в фехтовании побеждает не тот, кто сильнее бьет, а тот, кто лучше чувствует дистанцию. А я чувствую ее как никто другой.

Вечер опускается на виноградники Бьянки, укрывая их сизым туманом. Где-то там, внизу, Леон, вероятно, празднует свою победу. Он еще не знает, что эта победа - лишь начало его самого крупного поражения.

Я открываю глаза и начинаю печатать. Мой выпад уже начался. И на этот раз я не промахнусь.

Спина больше не болит. Я в идеальной позиции.

В позиции атаки.

ГЛАВА 2: Дистанция атаки

Стекланный лифт ползет вверх по стене небоскреба с такой скоростью, что мои внутренние органы, кажется, остаются где-то на уровне лобби. Это неприятное ощущение в районе диафрагмы - потеря центра тяжести. В фехтовании это означает смерть. Если ты не чувствуешь, где твоя опора, противник сделает с тобой все, что захочет. Я смотрю на свое отражение в зеркальной панели: спина прямая, плечи развернуты, подбородок на той невидимой линии, которая отделяет уверенность от высокомерия. На мне серый пиджак с жесткими плечами - мой доспех. Я выгляжу как человек, у которого есть план, хотя на самом деле у меня есть только долги отца и пустая бутылка из-под вина сорок седьмого года, аромат которой до сих пор стоит в ноздрах, напоминая о том, что величие может превратиться в укус за одну ночь.

Офис Леона де Марко находится на сорок восьмом этаже. Здесь воздух пахнет не землей и дождем, как в наших виноградниках в Бьянке, а дорогим кондиционированным ничем. Стерильность. Если бы это место было вином, это было бы шабли из плохого года - холодное, пустое, с металлической кислотностью, от которой сводит зубы. Девушка на ресепшене - безупречная, как отполированный бокал - кивает мне и жестом указывает на массивную дверь из темного дерева.

- Господин де Марко примет вас через минуту. Пожалуйста, подождите в кабинете.

Я захожу. Дверь за спиной закрывается с глухим щелчком, который отзывается в моем позвоночнике. Это ловушка. Кабинет огромен, но из-за панорамных окон кажется, что ты висишь в пустоте над городом. Я не сажусь. Сесть - значит занять оборонительную позицию, позволить ему смотреть на себя сверху вниз. Я подхожу к окну и смотрю на крошечные машины внизу. Они похожи на муравьев, которые суетятся, не подозревая, что их мир может быть раздавлен чьей-то подошвой.

Минута превращается в пять. Пять - в десять. Классический прием подавления. Леон заставляет меня мариноваться в собственной тревоге, надеясь, что я начну потеть или поправлять прическу. Но он не знает, что я могу стоять в неподвижности часами. В спорте это называется замиранием перед выпадом. Я анализирую пространство. Его стол - массивная плита из черного мрамора. Никаких лишних бумаг. Никаких личных фотографий. Только тонкий ноутбук и папка, которая, я уверена, содержит описание моего имущества.

Я чувствую его приближение кожей спины еще до того, как слышу шаги. Воздух в комнате меняет плотность. Леон не идет, он перемещается, как тяжелый хищник, который точно знает, что жертве некуда деться. Я не оборачиваюсь. Я жду, когда он подойдет на дистанцию удара.

- Вы пунктуальны, Стефания. Редкое качество для вашей семьи, - его голос звучит низко, с той самой медлительностью, которая всегда меня бесила. В нем нет ни капли тепла, только сухой расчет, как в годовом отчете.

Я медленно поворачиваюсь, сохраняя баланс. Леон стоит у двери, засунув руки в карманы идеально сидящих брюк. На нем нет галстука, верхняя пуговица рубашки расстегнута, но это не делает его вид небрежным. Скорее, это выглядит как угроза: мне не нужно соблюдать правила, чтобы уничтожить тебя.

- Пунктуальность - это вежливость королей и обязанность должников, не так ли? - я слегка склоняю голову. - Мы оба знаем, в какой категории я сейчас нахожусь.

Он не улыбается. Его глаза - цвета пережженного сахара - сканируют меня, задерживаясь на моих руках. Я знаю, что он ищет: дрожь, неуверенность, следы страха. Но мои пальцы спокойны. Мышечная память фехтовальщицы держит кисть так, будто я сжимаю рукоять рапиры.

- Проходите, садитесь, - он проходит к столу, не дожидаясь моего ответа. Его движения экономны. Ни одного лишнего жеста. Он садится и открывает папку, которую я заметила раньше.

Я сажусь напротив него, но не откидываюсь на спинку стула. Мой позвоночник - это натянутая струна.

- Я просмотрел отчеты по вашим виноградникам, - начинает он, перелистывая страницы с раздражающей медлительностью. - Ситуация катастрофическая. Ваш отец умудрился заложить землю трижды. Почвы истощены, оборудование устарело на двадцать лет. С точки зрения бизнеса, Бьянка - это труп, который вы пытаетесь реанимировать с помощью ностальгии.

Внутри меня вспыхивает холодная ярость. Это не просто бизнес, это терруар, который создавался поколениями. Но я не даю эмоциям выйти наружу. Вместо этого я включаю режим анализа, как делала это сотни раз на дегустациях.

- С точки зрения краткосрочной прибыли - возможно, - мой голос звучит ровно. - Но вы забываете о потенциале. Наши лозы имеют уникальную генетику. Это не просто виноград, это история, запечатанная в бутылках. Если провести правильную реплантацию и обновить погреб, через пять лет стоимость актива вырастет вчетверо. Вы не покупаете землю, Леон. Вы покупаете бренд, который невозможно создать с нуля.

- Бренд, который сейчас ассоциируется с банкротством и позором, - он поднимает глаза от бумаг. - Стефания, давайте не будем играть в винных критиков. Я здесь не ради истории. Я здесь ради земли. Участок Бьянки идеально подходит под строительство элитного жилого комплекса. Вид на долину, уединенность, статус. Это принесет мне деньги уже через два года. А ваши лозы... их можно просто выкорчевать.

Слова - выкорчевать - бьют меня под дых. Я физически чувствую, как металл плуга разрывает корни, которые питались этой землей сто лет. Это как ампутация без анестезии. Мое тело напрягается, я чувствую, как мышцы бедер готовы к рывку, но я заставляю себя остаться на месте.

- Выкорчевать Бьянку - это как сжечь подлинник Караваджо, чтобы освободить место для плазменного телевизора, - я криво усмехаюсь. - Это варварство, Леон. И я знаю, что вы не варвар. Вы хищник, а хищники ценят редкую добычу.

Он молчит несколько секунд, изучая меня. Тишина в кабинете становится густой, почти осязаемой. Я слышу собственное дыхание, ровное и контролируемое. Леон откладывает папку в сторону и сцепляет пальцы в замок.

- Вы правы в одном: я ценю редкие вещи, - он делает паузу, и его темп речи замедляется еще сильнее. - Но я не альтруист. Чтобы сохранить ваши виноградники, мне нужно веское основание. Что-то более существенное, чем ваши лекции о терруаре.

- Какое именно основание? - я знаю, что сейчас начнется торг. Мой отец всегда говорил: в сделке проигрывает тот, кто первым называет цену.

- Мне нужно, чтобы эта земля стала моей юридически и фактически, без возможности оспаривания в судах, - Леон наклоняется вперед, и я чувствую запах его парфюма - кедр и холодный табак. - И мне нужно, чтобы вы, как наследница рода, легитимизировали это владение. Общественное мнение в нашем регионе очень чувствительно к традициям. Если я просто заберу землю, я буду захватчиком. Если я заберу ее вместе с вами - я буду спасителем.

Я замираю. Внутри что-то обрывается, как перекушенная струна. Мысли лихорадочно сменяют друг друга, как кадры в ускоренной перематке. Брак. Он говорит о браке. Это не предложение, это ультиматум, упакованный в дорогую обертку. Я чувствую себя лозой, которую не просто выкорчевывают, а пересаживают в чужую, соленую почву, где я обречена на медленное увядание.

- Вы предлагаете мне сделку, - мой голос не дрожит, хотя в горле стоит комок. - Фиктивный брак в обмен на сохранение Бьянки.

- Не фиктивный, Стефания, - он поправляет меня холодным тоном. - Контрактный. Со всеми вытекающими обязательствами. На три года. Я погашаю все долги вашего отца, инвестирую в модернизацию производства, а вы обеспечиваете мне нужный имидж и статус владельца империи Бьянки. Через три года мы разводимся, и вы получаете виноградники обратно - обновленными и прибыльными. Если, конечно, справитесь с управлением.

Это звучит как идеальный шахматный ход. Он берет меня в клинч, из которого нет выхода. Если я откажусь, завтра судебные приставы опечатают ворота поместья. Мой отец, чье сердце и так еле бьется после позора, этого не переживет. Я окажусь на улице с гордостью в кармане и нулем на банковском счету. Если я соглашусь, я продам себя человеку, который считает меня просто строчкой в отчете о прибылях и убытках.

- Почему я? - я смотрю ему прямо в глаза. - В этом городе сотни женщин, которые с радостью пойдут под венец с Леоном де Марко. Зачем вам эта головная боль в виде меня?

Леон медленно поднимается с кресла и обходит стол. Он останавливается совсем рядом, и я чувствую жар его тела. Он нарушает мою дистанцию, вторгается в мое личное пространство, как фехтовальщик, идущий в ближний бой.

- Потому что вы ненавидите меня, Стефания, - его голос звучит почти у самого моего уха. - А ненависть - это самая честная валюта в нашем мире. С вами мне не придется играть в любовь. Вы будете стараться уничтожить меня изнутри, а я буду наблюдать за вашими попытками. Это гораздо интереснее, чем скучная преданность. И к тому же, вы единственная, кто знает эти виноградники так, как будто они - часть вашего тела. Мне нужен эксперт, а не просто кукла.

Я чувствую, как по спине пробегает холод. Его цинизм не имеет границ. Он хочет владеть не только моей землей, но и моим сопротивлением. Он хочет превратить мою борьбу в свое развлечение. Мой внутренний критик - голос отца - сухо шепчет: Дистанция потеряна, Стефания. Делай выпад или уходи.

Но уходить мне некуда. Позади - пропасть.

- И если я откажусь? - я спрашиваю это просто чтобы услышать ответ, хотя уже знаю его.

Леон отходит к окну, поворачиваясь ко мне спиной. Он знает, что я смотрю на него, и это его преимущество.

- Если вы откажетесь, завтра утром Бьянка перестанет существовать. Бульдозеры уже зафрахтованы. Я не шучу, Стефания. Это не просьба о свидании. Это единственный способ для вас не оказаться на улице завтра утром. У вас есть десять минут, чтобы обдумать условия. Контракт на столе.

Он замолкает, и тишина в кабинете становится невыносимой. Я смотрю на папку. Белые листы бумаги выглядят как саван. Я вспоминаю запах подвала в Бьянке, вкус земли, которую я пробовала в детстве, морщинистые руки моего деда, когда он обрезал лозу. Все это сейчас висит на волоске. Я - последняя защита этой земли. Моя рапира сломана, и единственное оружие, которое у меня осталось, - это я сама.

Я подхожу к столу и беру ручку. Она тяжелая, из холодного металла. Мои пальцы сжимают ее так же, как я сжимала рукоять перед решающим уколом. В фехтовании есть момент, когда ты понимаешь, что атака неизбежна. Ты не можешь ее избежать, ты можешь только принять ее и попытаться обратить силу противника против него самого.

- Три года, Леон, - говорю я его спине. - И ни днем больше.

Он оборачивается. На его лице нет триумфа, только холодное удовлетворение игрока, чей расчет оправдался.

- Подписывайте. Юристы подготовят пресс-релиз к вечеру.

Я наклоняюсь над столом. Буквы контракта расплываются перед глазами, превращаясь в черные точки, похожие на тлю на листьях винограда. Я подписываю свою фамилию - имя, которое когда-то означало качество, а теперь стало ценой сделки.

Когда я ставлю последнюю точку, я чувствую странную легкость. Это не облегчение, это пустота, которая наступает после того, как ты проиграл бой, но остался жив. Я выпрямляюсь и смотрю на Леона. Он наблюдает за мной с тем же бесстрастным выражением, с каким, вероятно, наблюдает за котировками акций.

- Теперь я могу идти? - мой голос звучит сухо, как старое дерево.

- Вы можете идти в отель, - он делает акцент на слове - отель. - Вещи из Бьянки уже перевезены в мою резиденцию. С сегодняшнего дня ваш дом здесь.

- Вы не теряете времени, - я чувствую, как внутри закипает горечь. - Даже не дождалась моей подписи, чтобы начать перевозить вещи?

- Я не сомневался в вашей благоразумии, Стефания. Вы слишком любите эту землю, чтобы позволить ей умереть из-за вашей гордости.

Он подходит ко мне и протягивает руку. Я смотрю на его ладонь - широкую, с длинными пальцами. Это рука человека, который привык брать то, что хочет. Я не протягиваю свою руку в ответ.

- Мы заключили сделку, Леон. Не ждите от меня светских любезностей.

Он усмехается - впервые за все время. Это не добрая улыбка, это оскал волка, который загнал добычу в угол и теперь наслаждается ее бессильной злобой.

- Я и не жду. На самом деле, ваша ярость - это лучшее дополнение к этому контракту. Идите. Водитель ждет внизу.

Я выхожу из кабинета, не оглядываясь. В коридоре воздух кажется еще более разреженным. Мои ноги двигаются механически. Спина все еще прямая, но внутри я чувствую себя так, будто меня пропустили через пресс для винограда. Кожа, косточки, сок - все перемешано, все под давлением.

В лифте я снова смотрю в зеркало. Мое лицо кажется чужим. Это лицо женщины, которая только что продала свою жизнь за несколько гектаров земли. Но в глубине моих глаз - там, где Леон не смог разглядеть страх - горит огонь. Он думает, что купил меня. Он думает, что я - просто актив, который он будет использовать три года.

Но Леон забыл одну важную вещь о виноделии. Самое лучшее вино получается из лозы, которая страдала. Из лозы, которая росла на камнях, боролась за каждую каплю воды и выживала в самые суровые зимы. Такая лоза дает горький, но невероятно сложный вкус.

Я выхожу из здания на раскаленную улицу. Город обдает меня шумом и запахом бензина. Я сажусь в черный автомобиль, который ждет у входа. Водитель молча закрывает дверь.

Я смотрю на свои руки. Пятно от вина сорок седьмого года все еще там. Это мой якорь. Мой контракт с самой собой. Леон де Марко думает, что он захватчик. Но он не знает, что я - паразит, который выпьет его ресурсы досуха, чтобы вернуть свое.

Мы трогаемся. Я смотрю, как небоскреб исчезает в зеркале заднего вида. Это была моя дистанция атаки. Я позволила ему подойти слишком близко, но это был единственный способ нанести ответный удар.

В фехтовании есть понятие - клинч. Когда противники прижаты друг к другу так плотно, что не могут использовать оружие. В этот момент побеждает тот, кто лучше умеет использовать свое тело, свою массу и свое терпение.

Леон прижал меня к себе этим контрактом. Он думает, что контролирует ситуацию. Но в клинче я чувствую каждое его движение. Я чувствую его слабые места. И я обещаю себе: когда через три года я выйду из этого дома, от империи де Марко останется только пепел, на котором я посажу свои новые лозы.

Мой телефон вибрирует. Сообщение от отца: - Стефани, они приехали за вещами. Что происходит? -

Я печатаю ответ, чувствуя, как пальцы немеют от напряжения: - Все в порядке, папа. Бьянка спасена. Я просто нашла инвестора. -

Ложь на вкус как дешевый портвейн - сладкая и липкая. Но это цена спасения. Я закрываю глаза и представляю свои виноградники. Сизый туман над холмами, запах мокрой земли, тихий шелест листьев. Это единственное, что имеет значение. Все остальное - Леон, этот контракт, эта фальшивая жизнь - просто шум.

Я выдержу. Я буду идеальной женой, идеальным партнером, идеальным фасадом. Я буду играть по его правилам, пока не изучу их все. А потом я создам свои.

Автомобиль плавно поворачивает на главную улицу. Впереди - три года войны, замаскированной под брак. Я поправляю воротник пиджака. Спина не болит. Я в идеальной позиции. В позиции выживания.

Когда машина останавливается перед его резиденцией - старинным палаццо, которое он купил и переделал под свой холодный вкус - я не медлю ни секунды. Я выхожу из машины, не дожидаясь, пока водитель откроет дверь.

Перед входом стоят массивные вазы с цветами. Я провожу рукой по лепесткам. Они слишком идеальные, почти искусственные. Весь мир Леона - это декорация. Но я - живая. И я принесла с собой горечь настоящей земли.

Я захожу внутрь. Дворецкий кланяется мне, как будто я уже хозяйка дома. Это вызывает у меня тошноту, но я не подаю вида.

- Ваша комната готова, синьора, - говорит он, забирая мою сумочку.

- Спасибо, - отвечаю я, направляясь к лестнице. - И передайте господину де Марко, что я предпочитаю красное вино. Сухое. С высокой танинностью. Такое, которое оставляет долгое послевкусие.

Я поднимаюсь по лестнице, чувствуя, как каждый шаг отдается в коленях. Это длинный путь. Но я - марафонец в мире спринтеров. Я умею распределять силы.

Я захожу в свою новую комнату. Она огромная, в светлых тонах, с видом на парк. На кровати лежит шелковый халат - еще один подарок от моего тюремщика. Я не прикасаюсь к нему.

Я подхожу к окну и смотрю на заходящее солнце. Леон где-то там, в своем стеклянном офисе, празднует победу. Он еще не понял, что купил не только землю и мое имя. Он купил свою самую большую проблему.

Я - винтаж, который не терпит дилетантов. И Леон де Марко скоро узнает, что бывает, когда пытаешься приручить то, что принадлежит только земле.

Я снимаю пиджак и бросаю его на кресло. Мои плечи наконец расслабляются, но ум продолжает работать. Я анализирую каждый его жест, каждое слово, каждое движение глаз. Он не доверяет искренности? Отлично. Я буду самой искренней из всех его кошмаров.

Вечер опускается на город, и в комнате становится темно. Я не зажигаю свет. Я стою в тени, привыкая к своему новому пространству. Это моя крепость. Это мой плацдарм.

Завтра начнется новая игра. Но сегодня я позволю себе просто дышать. Без рапиры. Без маски. Только я и моя ненависть, которая греет лучше любого камина.

Леон де Марко, ты думаешь, что ты захватчик. Но ты всего лишь временный владелец территории, которую ты никогда не сможешь понять. Ты смотришь на цифры, а я смотрю на корни. И мы оба знаем, что в конце концов побеждает тот, кто глубже врос в землю.

Я ложусь на кровать, не раздеваясь. Сон не приходит, но это не важно. Я привыкла к бессонным ночам перед турнирами. Это время, когда ты прокручиваешь в голове все возможные варианты атаки противника.

Леон будет нападать через контроль. Он будет пытаться распоряжаться моим временем, моим телом, моими мыслями. Он будет использовать деньги как кнут.

Мой блок будет состоять из интеллектуального превосходства и саботажа. Я буду делать все, что он просит, но так, чтобы он жалел о каждой своей просьбе. Я превращу его идеальный дом в место, где он будет чувствовать себя чужим.

Это будет долгий бой. Но я чувствую дистанцию. И я знаю, когда нужно сделать выпад. Я закрываю глаза. Перед внутренним взором встают виноградники Бьянки. Они ждут меня. И я вернусь к ним. Чего бы мне это ни стоило.

Даже если ценой будет моя душа, которую Леон де Марко так самонадеянно решил купить по дешевке. Он еще не знает, что за некоторые вещи приходится платить всю оставшуюся жизнь. И я позабочусь о том, чтобы его счет был безлимитным.

Спина больше не болит. Я в идеальной позиции.

В позиции мести.

Глава 3: Ритуал взвешивания

Утро пахло старой бумагой, сыростью подвалов и дорогим парфюмом Леона, который пробивался сквозь запахи вековой пыли, как инвазивный сорняк. Я стояла на верхней ступени лестницы, вцепившись пальцами в резные перила, и смотрела, как в холл входят люди в серых костюмах. Они напоминали стервятников, которые заранее знают, что туша еще дышит, но уже не может сопротивляться. Пять человек. Трое с планшетами, двое с портативными сканерами. И Леон де Марко, идущий впереди них с таким видом, будто он не просто купил это поместье, а лично заложил каждый камень в его фундамент триста лет назад.

Я чувствовала его приближение задолго до того, как его подошвы коснулись мрамора. Это было физическое ощущение изменения давления в комнате. Мой позвоночник выровнялся автоматически, позвонок за позвонком, превращаясь в стальной стержень. Это была мышечная память из прошлой жизни, когда перед началом поединка ты замираешь в позиции ан гард, ожидая сигнала судьбы. Мой центр тяжести сместился чуть ниже, стопы плотно прижаты к полу. Я была готова к защите, хотя внешне просто стояла и ждала, когда меня начнут инвентаризировать вместе с мебелью.

- Доброе утро, Стефания, - сказал Леон, остановившись у подножия лестницы. Он не поднял голову сразу, сначала он посмотрел на свои часы, потом на команду юристов, и только после этого его взгляд зацепился за меня.

Его голос был как всегда ровным, лишенным всяких интонаций, кроме легкого налета скуки. Он не спрашивал разрешения войти. Он просто констатировал факт своего присутствия. Я оценила его позу: плечи расслаблены, вес распределен равномерно на обе ноги, руки в карманах брюк. Он не собирался нападать в открытую, он пришел занимать территорию.

- Вы привели всю инквизицию сразу? - я сошла на одну ступеньку вниз, сокращая дистанцию, но сохраняя преимущество высоты. - Я думала, мы начнем с кофе, а не с обыска.

- Это не обыск, - отозвался он, делая шаг навстречу. - Это аудит. Мы должны понимать, что именно переходит в собственность фонда. Каждая картина, каждая бутылка в погребе, каждое письмо в архиве. Ты ведь не хочешь, чтобы возникли недоразумения при подписании финальных актов?

Его юристы уже начали разбредаться по сторонам, как тараканы при включенном свете. Один из них подошел к напольным часам семнадцатого века и бесцеремонно открыл стеклянную дверцу, изучая механизм. У меня внутри что-то дернулось - резкий, неприятный спазм в районе диафрагмы. Эти часы заводил мой отец каждое воскресенье. Это был ритуал, священнодействие, к которому мне запрещалось прикасаться до десяти лет. А теперь какой-то человек в дешевом галстуке тычет в них пальцем, проверяя серийный номер.

- Мой отец не продавал вам эти часы, Леон, - сказала я, стараясь, чтобы голос звучал сухо, как старый херес. - В договоре указана недвижимость и производственные мощности. Семейные реликвии не входят в сделку.

Леон медленно поднял глаза. В его зрачках не было и тени сочувствия, только холодный расчет. Он начал подниматься по лестнице, не сводя с меня глаз. Каждая его ступенька была выверена. Он не спешил. Он давал мне время почувствовать, как он забирает мое пространство.

- В договоре, Стефания, указано полное описание имущества, находящегося в залоге, - он остановился на две ступени ниже меня, так что наши лица оказались почти на одном уровне. - Если ты внимательно читала приложение номер четыре, там есть пункт о движимом имуществе исторической ценности. Эти часы - часть интерьера, зафиксированного в описи.

Я почувствовала, как по коже спины пробежал холодок. Он подошел слишком близко. Я чувствовала тепло, исходящее от его тела, и это было хуже всего. Мое тело предательски

реагировало на его близость, считывая его как опасного хищника, к которому нельзя поворачиваться спиной.

- Вы решили забрать даже пыль с этих плитусов? - я приподняла бровь, пытаюсь вернуть себе маску иронии. - Какая мелочность для человека вашего масштаба.

- Это не мелочность, - он чуть склонил голову набок, изучая мое лицо, как будто искал на нем трещины. - Это порядок. Я люблю, когда вещи находятся на своих местах. И когда я плачу за что-то, я хочу получить это целиком. Без скрытых изъяний.

Он намеренно задел мое плечо своим, проходя мимо. Это не был случайный толчок. Это был тест на устойчивость, проверка дистанции. Я не шелохнулась, зафиксировав сустав, но внутри все сжалось в тугий узел. Он прошел в кабинет отца, даже не оборачиваясь, уверенный в том, что я последую за ним. И я последовала, потому что оставить его там одного было равносильно капитуляции.

- Мы начнем с погребов, - бросила я его спине. - Там самая сложная часть работы. Вашим мальчикам с планшетами придется померзнуть.

- Веди, - коротко бросил он.

Спуск в погреба всегда был для меня переходом в другое измерение. Здесь время замирало. Запах плесени, влажного дуба и ферментирующегося сока был ароматом моего детства. Но сегодня этот запах казался тяжелым, удушливым. Мы шли по длинному коридору, освещенному тусклыми лампами. Наши шаги гулко отдавались от каменных стен. Леон шел чуть позади, и я кожей чувствовала его взгляд, прикованный к моему затылку.

Я знала этот подвал до каждой трещины в камне. Здесь лежали бочки из французского дуба, каждая из которых стояла как неплохой автомобиль. Я подошла к первой секции и провела ладонью по шершавой поверхности дерева.

- Здесь урожай позапрошлого года, - начала я профессиональным тоном, в котором не было места эмоциям. - Каберне Совиньон. Процент содержания танинов сейчас идеален, вино проходит стадию стабилизации. Мы использовали обжиг медиум плюс, чтобы подчеркнуть ноты табака и кожи. Если ваши эксперты захотят проверить кислотность, я предоставлю лабораторные журналы.

Я говорила быстро, заваливая его терминами, как будто строила баррикаду из слов. Виноделие было моим щитом. Пока я говорю о терруаре, экстрактивности и фенольной зрелости, я остаюсь профессионалом. Я не жертва обстоятельств, я - эксперт, проводящий экскурсию для не слишком сообразительного инвестора.

Леон подошел к одной из бочек. Он не смотрел на журналы. Он просто положил руку на дерево, точно так же, как это делала я секунду назад. Его длинные пальцы медленно скользили по обручам.

- Вы держите его здесь слишком долго, - внезапно сказал он. Его голос в замкнутом пространстве погреба звучал глубже, вибрируя где-то у меня в груди. - Передержка в дубе убьет фруктовую основу. Вы пытаетесь сделать из него тяжелого монстра, который будет стоять в шкафах коллекционеров, но который невозможно пить.

Я замерла. Это был удар в уязвимое место. Откуда он мог знать? Леон де Марко считался финансовым гением, акулкой поглощений, но никто никогда не упоминал, что он разбирается в структуре вина.

- Виноделие - это искусство ожидания, Леон, - я развернулась к нему, сокращая дистанцию до критической. - Но я понимаю, что для вас это просто цифры в отчете. Скорость оборота капитала важнее, чем глубина вкуса, верно?

- Глубина вкуса бесполезна, если вино превращается в уксус из-за гордыни винодела, - он сделал шаг ко мне, и я оказалась прижата к бочке.

Я чувствовала за спиной холод дерева, а перед собой - его жар. Дистанция была нарушена полностью. В фехтовании это называется клинч. В этой позиции ты не можешь нанести удар, ты

можешь только почувствовать дыхание противника и ждать, когда судья даст команду разойтись. Но судьи не было.

- Мой отец никогда не ошибался в сроках, - прошипела я, глядя ему прямо в глаза. Я видела в них свое отражение - бледная, с пылающими глазами, слишком напряженная.

- Твой отец ошибся во всем, Стефания, - тихо произнес он. - Иначе мы бы сейчас здесь не стояли. Он поставил это поместье на кон в игре, которую не мог выиграть. И теперь я здесь, чтобы забрать выигрыш.

Он не отстранился. Его взгляд скользнул по моим губам, и на мгновение мне показалось, что он сейчас сделает что-то невыносимое. Но он просто усмехнулся - тонко, почти незаметно - и отошел, возвращая мне возможность дышать.

- Продолжим инвентаризацию, - сказал он, снова становясь холодным дельцом. - Покажи мне старые запасы. Семейный резерв.

Я повела его вглубь погреба, туда, где за кованой решеткой хранились бутылки, покрытые вековой пылью. Это было святилище. Здесь лежали вина, которые открывались только по особым случаям: рождения, свадьбы, похороны. Здесь была заперта история нашей семьи в жидком виде.

Юристы уже всю работу в верхней части подвала, слышались их приглушенные голоса и писк сканеров. Мы же оказались в зоне тишины. Я достала ключ и с трудом повернула его в заржавевшем замке. Решетка со скрипом отворилась.

- Здесь бутылки начиная с тысяча девятьсот двенадцатого года, - я указала на стеллажи. - Состояние пробок сомнительное, но содержимое бесценно. Это часть моей личной истории, Леон. Я надеюсь, у вас хватит такта не выставлять это на аукцион.

Он вошел внутрь, пригибая голову под низкими сводами. Он выглядел здесь чужим, слишком современным, слишком стремительным для этого царства медленного гниения и благородного старения.

- Такт - дорогое удовольствие, - заметил он, рассматривая этикетки. - Но я подумаю об этом. Если ты будешь сотрудничать.

- Сотрудничать? - я горько усмехнулась. - Я хожу за вами хвостом, открываю все двери и позволяю вашим ищейкам рыться в моем белье. Что еще я должна сделать? Сплясать на крышке гроба своей семьи?

Он внезапно остановился у небольшого стола в углу, где лежали какие-то старые бумаги, придавленные куском мрамора. Мое сердце пропустило удар. Я забыла про эти документы. Там были записи отца о последних месяцах перед банкротством, какие-то личные наброски, счета.

- Что это? - спросил он, протягивая руку к бумагам.

- Ничего важного, - я попыталась опередить его, но он был быстрее. Его рука перехватила мою в воздухе.

Его пальцы сжали мое запястье. Хватка была стальной, но не причиняла боли - скорее, она парализовала волю. Я замерла, глядя на его руку на своей коже. Его кожа была смуглой на фоне моей бледности. Я чувствовала пульсацию его крови через подушечки пальцев. Это было слишком интимно, слишком реально.

- Ты плохой игрок, Стефания, - прошептал он, не отпуская моей руки. - Твое тело выдает тебя раньше, чем ты успеваешь открыть рот. Если ты говоришь, что это неважно, значит, именно здесь зарыто самое интересное.

Он другой рукой взял верхний конверт. Он был пожелтевшим, с пятнами от вина и времени. На нем стояла печать, которую я узнала бы из тысячи. Печать его деда.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Мой центр тяжести окончательно рухнул. Это письмо... я видела его в руках отца за неделю до того, как он окончательно сдался. Он плакал, глядя на него, и это было единственное время в моей жизни, когда я видела его слезы.

Леон медленно отпустил мое запястье, но я не отодвинулась. Я не могла. Я смотрела, как он вскрывает конверт. Его лицо оставалось непроницаемым, но я заметила, как на его челюсти дернулся мускул.

- Это письмо моего отца твоему деду, - мой голос прозвучал надтреснуто, и я поспешила добавить в него яда. - Похоже, ваша семья начала уничтожать мою гораздо раньше, чем вы официально выкупили наши долги.

Леон читал быстро, его глаза скользили по строчкам, как сканеры его юристов. Он не произнес ни слова в течение нескольких минут. Тишина в погребке стала осязаемой, она давила на уши. Я видела, как его пальцы чуть сильнее сжали бумагу.

- Ты знала, что здесь написано? - спросил он, наконец поднимая взгляд. Его голос стал еще тише, и в нем появилось нечто новое. Не тепло, нет. Скорее, опасная концентрация внимания.

- Я знала, что после этого письма мой отец перестал бороться, - ответила я, выпрямляя спину. - Он просто опустил руки. Он сказал, что честной игры больше не будет. Что правила изменились, и мы в них больше не вписываемся.

Леон посмотрел на письмо, потом снова на меня. В его взгляде промелькнула какая-то тень, секундное колебание, которое он тут же подавил. Он сложил бумагу и убрал ее в карман своего пиджака. Не в папку к юристам, не на стол. К себе. Ближе к телу.

- Инвентаризация на сегодня закончена, - внезапно объявил он. - Выйдем на воздух. Здесь слишком мало кислорода для нормальных мыслей.

Мы вышли из погреба в полном молчании. Юристы, заметив своего босса, тут же начали собирать вещи. Они считывали его настроение мгновенно. Леон не смотрел на них. Он шел к выходу из дома, и я следовала за ним, чувствуя, как внутри меня растет напряжение. Это не был конец раунда. Это был переход к более жесткой фазе боя.

На крыльце он остановился. Солнце слепило, заставляя щуриться. Виноградники растлались перед нами, уходя к горизонту правильными рядами. Моя земля. Моя жизнь, упакованная в контракт.

- Твой отец был слабым человеком, Стефания, - сказал он, глядя на холмы. - Но он был прав в одном. Правила действительно изменились.

- И вы их автор, - я встала рядом, глядя в ту же сторону, что и он. - Вы и ваша семья. Вы создали мир, где побеждает тот, у кого нет сердца, а есть только калькулятор.

Он повернулся ко мне. На его лице не было иронии. Только сухая, деловая жесткость, за которой скрывалось нечто гораздо более сложное.

- Сердце - это лишняя деталь в механизме принятия решений, - он подошел ближе, снова нарушая мою дистанцию. - Оно создает помехи. Но ты... ты не просто строчка в моем отчете, Стефания. Хотя ты очень стараешься ею быть.

Он протянул руку и коснулся кончиками пальцев моей щеки. Это было так мимолетно, что я не успела отшатнуться. Его кожа была прохладной.

- Завтра мы обсудим детали твоего пребывания здесь, - сказал он, уже убирая руку. - И то, что я нашел в этом письме. Тебе лучше подготовиться. Это будет не самый приятный разговор в твоей жизни.

Он развернулся и пошел к своей машине, не дожидаясь ответа. Его люди потянулись за ним, как шлейф кометы. Я стояла на крыльце, чувствуя, как горят щеки там, где он коснулся меня. Моя спина все еще была прямой, но я чувствовала, как дрожат колени от перенапряжения.

Это был ритуал взвешивания. И я не знала, кто из нас оказался легче.

Я вернулась в дом, где тишина теперь казалась еще более зловещей. Юристы ушли, забрав с собой часть атмосферы старого поместья. Я прошла в кабинет отца и села в его кресло.

Оно было слишком большим для меня. Я чувствовала себя ребенком, играющим во взрослую жизнь.

Письмо. Что в нем было такого, что заставило Леона де Марко изменить свои планы на сегодня? Я знала только часть истории. Мой отец никогда не рассказывал подробностей их вражды. Он просто говорил, что де Марко - это люди, у которых вместо крови - желчь, а вместо души - вексель.

Я закрыла глаза и попыталась проанализировать ситуацию, как делала это перед турниром. Мой противник сделал неожиданный ход. Он обнаружил информацию, которая дает ему преимущество, но при этом он скрыл ее от своих же помощников. Значит, это личное. А личное в бизнесе - это слабость. Или, по крайней мере, зона турбулентности.

Моя защита была прорвана в нескольких местах. Он задел меня физически, он задел меня эмоционально, напав на качество моего вина. Он знает, как бить больно. Но он не знает одного: я привыкла фехтовать с превосходящим противником. Когда ты слабее физически, ты должен быть быстрее, хитрее и точнее.

Я встала и подошла к окну. Внизу, в погребках, осталось мое прошлое. А здесь, в этом солнечном свете, начиналось мое настоящее - странное, опасное сожительство с человеком, который хочет уничтожить мою семью, но при этом касается моей щеки так, будто я самая ценная вещь в его коллекции.

Я чувствовала, как в мышцах нарастает привычный тонус. Страх уходил, сменяясь холодной яростью и азартом. Он думает, что он захватчик? Пусть. Но даже самая мощная крепость может пасть изнутри, если захватчик забудет запереть ворота.

Я посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Дистанция определена. Клинок наточен.

Завтра он вернется. И я буду готова. Я не буду просто товаром в этой сделке. Я буду тем дефектом в его идеальном плане, который в итоге разрушит всю систему. Леон де Марко хотел порядка? Он получит хаос, упакованный в идеальное платье и безупречные манеры.

Потому что в этой игре, которую он начал, есть одно правило, которое он упустил: когда ты прижимаешь противника к стене, у него остается только один вариант - атаковать. И мой выпад будет смертельным.

Я отошла от окна и начала медленно, методично заводить напольные часы. Раз, два, три. Металлический щелчок механизма звучал как взведение затвора. Тик-так. Время пошло. И это время больше не принадлежало Леону. Оно принадлежало мне.

Каждая минута, которую он проведет в этом доме, будет стоить ему части его хваленного самообладания. Я видела, как он смотрел на меня в погребе. За его холодностью скрывался голод, который он сам боялся признать. И я буду кормить этот голод по чайной ложке, пока он не станет управляемым.

Я вспомнила голос отца: Никогда не показывай, что тебе больно, Стеф. Боль - это информация для врага. Используй ее, чтобы понять, куда он будет бить в следующий раз.

Теперь я знала. Он будет бить в мое наследие, в мою привязанность к этой земле. Но он нашел письмо. И это письмо стало моей новой рапирой. Я не знала его содержания, но я видела реакцию Леона. Это была реакция человека, который обнаружил, что его карта мира - фальшивка.

Я улыбнулась своему отражению в темном стекле шкафа. Это была не добрая улыбка.

- Ну что ж, Леон, - прошептала я. - Добро пожаловать на инвентаризацию моей души. Надеюсь, твой калькулятор выдержит нагрузку.

В ту ночь я спала без снов. Мое тело, привыкшее к нагрузкам, отключилось мгновенно, восстанавливая силы перед решающим боем. Я знала, что завтрашний день изменит все. И я была к этому готова.

Утром дом встретил меня тишиной и запахом свежего кофе. Марии, нашей экономки, не было видно, но завтрак уже стоял на столе. Я ела медленно, смакуя каждый глоток, как будто это был последний мирный завтрак в моей жизни.

В десять утра к воротам подъехал черный внедорожник. Без юристов. Без свиты. Только Леон.

Я вышла на крыльцо, поправляя воротник шелковой блузки. Моя спина была прямой, мой взгляд - холодным. Я была в позиции.

Он вышел из машины, держа в руке тот самый пожелтевший конверт. Его лицо было бледнее, чем вчера, а под глазами залегли тени. Похоже, он тоже не слишком много спал.

- Нам нужно поговорить, Стефания, - сказал он, даже не поздоровавшись. - Без свидетелей. Без контрактов. Просто ты и я.

- Я слушаю, Леон, - ответила я, не делая ни шага навстречу. - Но помните: в этом доме я все еще хозяйка, даже если в ваших бумагах написано обратное.

Он усмехнулся, но на этот раз в его усмешке не было высокомерия. Только странная, ломаная усталость.

- Хозяйка? - он покачал головой. - Ты даже не представляешь, насколько ты права. И насколько это все... - он неопределенно махнул рукой в сторону дома, - ...хуже, чем я думал.

Он начал подниматься по ступеням, и я почувствовала, как между нами снова натягивается невидимая нить. Дистанция сокращалась. Бой начинался.

Но на этот раз я не собиралась просто держать блок. На этот раз я готовила выпад.

- Пройдете в библиотеку, - сказала я, отступая в сторону и пропуская его внутрь. - Там удобные кресла для долгих признаний. И достаточно крепкий коньяк, если правда окажется слишком горькой.

Он прошел мимо, и я снова почувствовала запах его парфюма - смесь бергамота, сандала и опасности. Я закрыла дверь, и звук замка эхом разнесся по холлу.

Игра началась по-настоящему. И теперь на кону было не только поместье, но и нечто гораздо более важное. То, что нельзя измерить в гектарах или литрах вина.

Моя мышечная память подсказывала: сейчас будет атака. Но сердце, которое я так старательно пыталась превратить в калькулятор, твердило другое: сейчас будет откровение. И я не знала, что из этого страшнее.

Мы вошли в библиотеку, где пылинки танцевали в лучах утреннего света. Леон сел в кресло напротив окна, бросив конверт на низкий столик. Я осталась стоять, скрестив руки на груди.

- Читай, - коротко бросил он.

Я медленно подошла к столу. Мои пальцы коснулись бумаги. Она была теплой, как будто он грел ее в руках всю дорогу. Я достала письмо и начала читать.

С первыми строчками мир вокруг меня начал менять очертания. Слова отца, написанные неровным, дрожащим почерком, складывались в картину предательства настолько масштабного, что у меня перехватило дыхание. Но я не позволила себе показать слабость. Мой позвоночник оставался стальным.

Это не было письмо о долгах. Это было письмо о любви. И о том, как дед Леона использовал эту любовь, чтобы уничтожить нашу семью.

Я подняла глаза на Леона. Он смотрел на меня в упор, ожидая моей реакции.

- Теперь ты понимаешь? - спросил он. Его голос звучал как хруст сухого льда. - Теперь ты понимаешь, что мы оба - всего лишь пешки в игре, которая закончилась еще до нашего рождения?

Я медленно сложила письмо. Мой мозг лихорадочно анализировал новые данные. Центр тяжести сместился. Дистанция исчезла. Мы оказались в одном окопе, хотя секунду назад были по разные стороны баррикад.

- Я понимаю, что ваш дед был монстром, Леон, - сказала я, стараясь сохранить ровный тон. - Но это не отменяет того факта, что вы сейчас сидите в моем доме и пытаетесь забрать то, что осталось от моей жизни.

- Я здесь не для того, чтобы забирать, Стефания, - он встал и подошел ко мне так близко, что я видела золотистые искорки в его темных зрачках. - Я здесь для того, чтобы предложить тебе сделку, которой нет в официальных документах.

Он протянул руку и накрыл мою ладонь своей, прижимая ее к столешнице.

- Давай уничтожим их всех, - прошептал он. - Твоих призраков и моих демонов. Вместе.

Я смотрела на нашу соприкасающуюся кожу и понимала: это был самый опасный выпад в моей жизни. И я не была уверена, что хочу ставить блок.

Потому что иногда, чтобы победить, нужно позволить противнику подойти вплотную. И почувствовать его пульс под своими пальцами.

- Каковы условия? - спросила я, выпрямляя спину еще сильнее, до боли в позвоночнике.

Леон улыбнулся. И на этот раз это была улыбка хищника, который нашел себе равного напарника.

- Условие одно, - сказал он. - Ты перестанешь фехтовать со мной и начнешь фехтовать на моей стороне.

Я сделала глубокий вдох. Воздух в библиотеке был пропитан пылью и историей. Нашим общим прошлым, которое только что взорвалось, оставив нас на пепелище.

- Дистанция, Леон, - напомнила я. - Мы все еще не друзья.

- Дистанция - это иллюзия, Стефания, - он сжал мою руку сильнее. - Мы уже давно в клинче. И единственный способ из него выйти - это сделать шаг вперед.

Я посмотрела на него и поняла: игра действительно изменилась. Ритуал взвешивания закончился. Мы оба оказались слишком тяжелыми для этой жизни.

- Хорошо, - сказала я. - Я в деле. Но помни: если ты меня предашь, я не буду плакать. Я просто перережу тебе горло той самой папирой, которую ты так боишься.

Он рассмеялся - открыто, громко, пугая тишину старого дома.

- Я и не ждал другого ответа.

Мы стояли в библиотеке, окруженные тенями прошлого, и я чувствовала, как мое тело расслабляется впервые за многие месяцы. Не потому, что я сдалась. А потому, что я наконец нашла достойную цель для своей атаки.

И эта цель была гораздо масштабнее, чем просто сохранение поместья. Мы собирались переписать историю. И я была готова к каждому выпадку, который нам предстояло совершить.

Вместе.

Глава 4: Первый выпад

Зеркало в прихожей не лжет, оно просто констатирует факты, как беспристрастный судья на дорожке. Я смотрела на свое отражение и видела не женщину, готовую к романтическому ужину, а бойца перед выходом на финальный поединок. Мое платье было цвета запекшейся крови - густой, темный бордо, который в свете ламп уходил в глухую черноту. Ткань облегла тело так плотно, что я чувствовала каждое движение своих ребер. Это не наряд, это чехол для оружия. Отец всегда говорил, что в фехтовании главное - не клинок, а то, как ты держишь спину, когда клинок опущен. Мой позвоночник сейчас напоминал стальной трос, натянутый до предела. Один неверный жест, и он лопнет, хлестнув по всем присутствующим.

- Ты готова? - голос Леона раздался за моей спиной раньше, чем я услышала его шаги.

Он умел передвигаться почти бесшумно, несмотря на свой рост и внушительный разворот плеч. Я не обернулась. Я видела его в зеркале. Черный костюм, белая рубашка без галстука - расстегнутый ворот создавал иллюзию расслабленности, но я знала, что это ложь. Леон никогда не расслабляется. Его центр тяжести был смещен чуть вперед, он всегда был готов к движению, к захвату, к прыжку. Он стоял на той дистанции, которую в фехтовании называют опасной - когда для атаки не нужен шаг, достаточно просто выпрямить руку.

- Я была готова еще три года назад, Леон. Просто ждала подходящего повода, - я поправила невидимую складку на бедре. - Как я тебе? Достаточно убедительна в роли трофея?

- Ты никогда не будешь выглядеть как трофей, Стефания. Скорее как мина замедленного действия, которую неосторожно принесли на банкет.

Он подошел ближе. Я почувствовала запах его парфюма - горький ветивер, холодный кедр и что-то металлическое, напоминающее запах свежезаточенной стали. Моя кожа на затылке отозвалась мелкой дрожью. Мышечная память - это проклятие. Мое тело считывало его как угрозу, как противника, который ищет брешь в моей защите.

- Пошли, - сказал он, не дожидаясь моего ответа. - Машина ждет. Нам нужно появиться там ровно в восемь. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Пунктуальность - это вежливость королей и обязательство тех, кто хочет казаться сильнее, чем они есть.

В машине мы молчали. Я смотрела в окно на мелькающие огни города, но видела только отражение своих пальцев, сжимающих маленькую сумку. Пальцы побелели в суставах. Я заставила себя разжать их по одному, как делала перед каждым выходом на дорожку. Большой, указательный, средний. Расслабить кисть. Контроль. Если я потеряю контроль над телом, я потеряю контроль над ситуацией. А ситуация была дерьмовой, если называть вещи своими именами. Мы ехали в L-Atelier - место, где собиралась вся та сволочь, которая еще недавно вычеркивала фамилию моего отца из записных книжек. Это был наш первый официальный выход как пары. Первая презентация сделки, замаскированной под союз.

Ресторан встретил нас приглушенным светом и тем самым специфическим шумом, который издает очень дорогая толпа: звон хрусталя, приглушенный смех и шуршание шелка. Как только мы переступили порог, гул на секунду стал тише. Совсем чуть-чуть, на долю децибела, но я это зафиксировала. Это был звук падающего лезвия гильотины.

Леон положил руку мне на талию. Его ладонь была тяжелой и горячей, она ощущалась сквозь тонкую ткань платья как клеймо. Я не вздрогнула. Я выпрямилась еще сильнее, чувствуя, как лопатки сходятся к позвоночнику. Мы шли к нашему столику в центре зала - стратегически безупречная позиция. Нас видели все, мы видели всех.

- Улыбайся, Стефания, - тихо произнес Леон, едва шевеля губами. - Ты выглядишь так, будто собираешься кого-то зарезать прямо сейчас.

- Я просто выбираю жертву, - ответила я, растягивая губы в той самой улыбке, которой меня учила мать. Улыбка, которая не затрагивает глаза. Улыбка-маска.

Официант, похожий на вышколенного адъютанта, подскочил к нам мгновенно. Меню, вода с лимоном, безупречный поклон. Леон даже не взглянул в карту вин. Он смотрел на меня, и в его глазах я видела холодный исследовательский интерес. Так микробиолог смотрит на новую бактерию под микроскопом.

- Я заказал вино заранее, - сказал он, когда официант принес бутылку в ведерке со льдом. - Редкий экземпляр. Шардоне из небольшого хозяйства в Юре. Оксидативный стиль, 2011 год. Мне сказали, это твой любимый профиль.

Я посмотрела на этикетку. Мои брови непроизвольно дернулись. Юра? Оксидация? Это было вино для знатоков, для тех, кто понимает эстетику распада и сложную структуру. Но 2011 год у этого производителя был катастрофой. Я знала это, потому что отец когда-то хотел купить партию этого винтажа, но передумал после первой же дегустации.

Официант откупорил бутылку и налил немного Леону на пробу. Тот сделал глоток, покалтал жидкость во рту, глядя мне прямо в глаза, и кивнул.

- Разливайте.

Когда мой бокал наполнился золотистой, подозрительно темной жидкостью, я почувствовала первый тревожный звоночек. Аромат долетел до меня еще до того, как я поднесла бокал к лицу. Это не был аромат вина. Это был аромат поражения.

- Ну же, Стефания, - Леон откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. Его поза была расслабленной, но взгляд оставался острым, как кончик рапиры. - Ты ведь у нас эксперт. Дочь великого винодела, хранительница традиций. Расскажи мне, что ты думаешь об этом выборе. Мне важно твое мнение.

Это был вызов. Чистой воды провокация. Он знал. Или догадывался. Или просто проверял мою реакцию на заведомо дефектный продукт. В фехтовании это называется ложной атакой - движение, призванное заставить противника раскрыться.

Я взяла бокал за ножку. Мои пальцы были холодными, но рука не дрожала. Я медленно раскрутила вино, наблюдая, как оно лениво стекает по стенкам хрустала. Слишком плотное. Слишком тяжелое.

- Ты уверен, что хочешь услышать правду, Леон? - спросила я, вдыхая аромат.

- Правда - это единственное, за что я готов платить, - он чуть прищурился.

Я сделала вдох. Глубокий, профессиональный. Первая нота - сушеные яблоки, перешедшие грань съедобности. Вторая - грецкий орех, но не свежий, а залежалый, с отчетливой горечью старого масла. И, наконец, финальный аккорд, который невозможно скрыть - летучая кислотность. Уксус. Вино умирало, и оно умирало некрасиво.

- У этого вина есть структура, - начала я, и мой голос звучал ровно, как отчет аудитора. - Но эта структура напоминает мне заброшенный особняк, в котором прогнили перекрытия. Тыходишь в парадную дверь, видишь остатки былой роскоши, но с потолка на тебя сыплется труха.

Я сделала крошечный глоток. Жидкость обожгла язык ненужной агрессией. Баланс отсутствовал как класс. Спирт выпирал, как плохо забинтованная рана.

- Это вино дефектно, Леон. Здесь критический уровень летучих кислот. Оно не просто окислировано, оно больно. Brettanomyces съели всю фруктовость, оставив после себя запах потной лошади и старого седла. Это не оксидативный стиль, это технический брак, который пытаются выдать за авторское видение.

Я поставила бокал на стол. Звук соприкосновения хрустала и скатерти показался мне оглушительным. Соседние столики притихли. Я видела, как замер официант в паре метров от нас.

- Твой вкус, Леон, - продолжала я, понизив голос, но сделав его максимально отчетливым, - напоминает мне стратегию варвара, который ворвался в библиотеку и сжигает книги, чтобы согреться. Тебе сказали, что это престижно, и ты купил это, не удосужившись прове-

ритель, есть ли внутри хоть что-то, кроме пафоса. Это вино - метафора нашего сегодняшнего выхода. Дорого, претенциозно и абсолютно мертво внутри.

Я видела, как у него на скулах заходили желваки. Это была победа. Маленькая, тактическая, но победа. Я нанесла удар точно под маску, туда, где у него должна была быть гордость за свой статус ценителя.

Леон молчал несколько секунд. Тишина между нами стала плотной, почти физически ощутимой. Я чувствовала, как адреналин разливается по венам, привычное чувство перед контрасткой. Мое тело было в идеальном балансе. Я была готова к любому его слову, к любому жесту.

А потом он улыбнулся.

Это не была улыбка обиженного человека. Это была улыбка хищника, который обнаружил, что добыча умеет кусаться, и это его искренне развлекло. Он подался вперед, сокращая дистанцию до минимума.

- Bravo, Стефания, - его голос был тихим, вибрирующим. - Я не ошибся в тебе. Ты не просто умеешь отличать хорошее от плохого. Ты умеешь уничтожать красиво.

Он поднял руку, подзывая сомелье. Тот подлетел мгновенно, бледный и напряженный.

- Унесите это, - бросил Леон, даже не глядя на бутылку. - И принесите карту. Моя невеста выберет то, что мы будем пить сегодня. И я надеюсь, для вашего заведения это не станет приговором.

Когда сомелье исчез, Леон снова посмотрел на меня. В его взгляде не было гнева. Было что-то другое - опасное признание силы.

- Ты только что публично назвала меня невеждой, - констатировал он.

- Я назвала вещи своими именами. Если ты не справляешься с выбором дистанции, не удивляйся, что получаешь укол в плечо.

- Твоя проблема в том, Стефания, что ты считаешь это игрой на очки. Но в этой жизни очков не ставят. Здесь либо ты стоишь на ногах, либо лежишь на дорожке. И сейчас мы оба стоим. Но вопрос в том, как долго ты сможешь держать эту рапиру перед моим лицом.

- Пока у меня не закончатся силы. А у женщин моего рода они не заканчиваются никогда. Мы просто переходим в фазу глухой обороны.

Официант принес карту вин. Я открыла ее с тем же чувством, с каким открывают карту боевых действий. Мне нужно было не просто выбрать вино. Мне нужно было закрепить успех. Я искала что-то безупречное, что-то, что невозможно будет оспорить. Мой взгляд скользил по названиям - Бургундия, Бордо, Тоскана. Слишком предсказуемо. Слишком очевидно.

- Нам нужно что-то, что имеет стержень, но не кричит о нем, - сказала я, больше себе, чем ему. - Рислинг из Эльзаса. Гран Крю. 2017 год. Старые лозы. У него кислотность как лезвие бритвы, но при этом есть тело. Оно выдержит твой стейк и мою язвительность.

Леон усмехнулся.

- Рислинг? Ты хочешь добавить еще больше кислоты в наш вечер?

- Я хочу добавить ясности. Рислинг не умеет врать. В нем нет дуба, за которым можно скрыть огрехи винодела. Это вино в чистом виде. Как и я сейчас.

Вечер потек по другому руслу. Напряжение не исчезло, оно трансформировалось в высокочастотную вибрацию. Мы ели, перебрасывались короткими, рублеными фразами, и каждый раз это был обмен ударами. Он спрашивал о долгах отца - я отвечала цифрами урожайности и прогнозами на экспорт. Он пытался прощупать мою готовность к переезду в его дом - я парировала вопросами о юридической чистоте нашего контракта.

- Ты всегда такая? - спросил он, когда принесли основное блюдо.

- Какая "такая"?

- Наэлектризованная. Будто если я коснусь твоей руки, меня ударит током в десять тысяч вольт.

- Это называется "низкая боевая готовность", Леон. Мой тренер говорил, что если ты расслабишься хотя бы на секунду вне зоны отдыха, ты уже проиграл. Я не в зоне отдыха. Я на вражеской территории.

- Я тебе не враг, Стефания. Я твой единственный шанс не пойти с молотка вместе с вашими виноградниками.

- Это делает тебя покупателем, а не другом. А покупатель - это всегда потенциальный захватчик. Я просто защищаю периметр.

Я чувствовала, как мое тело начинает уставать от этой неподвижности. Спина болела, мышцы шеи окаменели. Мне хотелось встать, сделать выпад, разорвать эту удушающую дистанцию. Вместо этого я аккуратно разрежала кусок мяса. Мои движения были точными, почти хирургическими. Отец всегда гордился моей моторикой. "У тебя руки хирурга или убийцы, Стеша", говорил он, когда я в десять лет идеально откупоривала старые бутылки, не раскрошив пробку. Сейчас я использовала эти руки, чтобы не показать, как на самом деле мне страшно.

Страх был глубоко внутри. Он сидел под диафрагмой холодным комком. Страх того, что Леон увидит мою уязвимость. Что он поймет: вся эта моя интеллектуальная броня, все эти рассуждения о терруаре и кислотности - просто способ не сойти с ума от унижения. Моя семья обанкротилась. Мое имя - пустой звук для банков. Мое будущее зависит от человека, которого я презираю за его самоуверенность и одновременно боюсь за его силу.

- О чем ты думаешь? - его голос вырвал меня из внутреннего монолога.

- О том, что у этого рислинга феноменальное послевкусие, - соврала я. - И о том, что нам пора уходить. Мы создали достаточно инфоповодов для этого зала. Завтра все будут обсуждать, как Стефания де Монфор публично унизила Леона Варда. Это ведь то, что тебе было нужно? Публичность?

- Мне нужно было увидеть тебя в деле, - он допил свое вино и поставил бокал. - И я увидел. Ты великолепна в атаке, Стефания. Но ты совершенно не умеешь принимать подарки.

Он достал из кармана небольшую коробочку. Без лишних слов, без пафосных речей он пододвинул ее ко мне по скатерти.

- Что это? Очередной транш? - я не прикоснулась к коробке.

- Это часть твоего образа. Мы ведь пара. А у пары должны быть символы. Открой.

Я медленно потянула крышку. На черном бархате лежал браслет. Тонкая полоска белого золота, выполненная в виде переплетенных нитей, напоминающих защитную сетку фехтовальной маски. Никаких бриллиантов, никакой пошлой роскоши. Только холодный металл и идеальная геометрия.

Мое сердце не "ухнуло вниз", оно просто сбилось с ритма на долю секунды, как при осечке. Это было слишком точно. Слишком адресно. Он бил по самому больному - по моей идентичности.

- Это работа мастера, который делал оружие для олимпийской сборной шестидесятых, - тихо сказал Леон. - Я нашел его в частной коллекции. Тебе подходит. Металл к металлу.

Я смотрела на браслет и чувствовала, как моя защита дает трещину. Это не был подарок любовника. Это был дар признания. Он видел меня. Не ту куклу в бордовом платье, которую он привел в ресторан, а ту девочку с рапирой, которая привыкла побеждать через боль.

- Надень его, - приказал он. Не попросил, а именно приказал.

Я взяла браслет. Он был холодным, почти ледяным. Когда я застегнула его на запястье, я почувствовала странную тяжесть. Это не было украшение. Это были кандалы, которые выглядели как знак отличия.

- Спасибо, - выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

- Не благодари. Мы еще не закончили.

Мы вышли из ресторана под прицелом десятков глаз. Я чувствовала их кожей спины - любопытство, зависть, злорадство. Леон шел рядом, не касаясь меня, но я ощущала его при-

сутствие как силовое поле. Мы были идеальной парой для этого города: разорившаяся аристократка и хищник без родословной, но с бездонными карманами.

У машины он остановился и повернулся ко мне. Свет уличных фонарей падал на его лицо, подчеркивая резкие линии рта и глубокие тени под глазами.

- Сегодня ты победила в первом раунде, Стефания. Вино было действительно дрянным. Но помни: я позволил тебе победить. Мне было интересно посмотреть, как ты фехтуешь словами.

- Ты слишком высокого мнения о своем контроле над ситуацией, Леон. Иногда проигрыш - это просто проигрыш, а не тактический ход.

- Возможно. Но в моем мире даже проигрыш должен приносить дивиденды.

Он открыл мне дверь. Я села в машину, чувствуя, как мышцы спины наконец начинают ныть от перенапряжения. Дистанция была нарушена. Он вошел в мой ближний круг, и я не заметила, как это произошло. Браслет на моем запястье охлаждал кожу, напоминая о том, что игра только начинается.

- Куда мы едем? - спросила я, когда он сел за руль.

- Домой, Стефания. Тебе нужно отдохнуть. Завтра у нас встреча с юристами по поводу реструктуризации долгов твоего отца. И там мне понадобится твоя агрессия. Только направь ее на них, а не на меня.

Он завел мотор. Машина плавно тронулась с места. Я смотрела на свои руки и думала о том, что в фехтовании есть такой прием - "клинч". Это когда противники оказываются так близко друг к другу, что не могут нанести удар клинком. В этот момент судья дает команду "стоп" и разводит их.

Но в нашей жизни судьи не было. Мы были в клинче, прижатые друг к другу обстоятельствами и взаимной ненавистью, и никто не собирался нас разводить.

- Леон? - позвала я тихо.

- Да?

- Вино было действительно ужасным. Больше никогда так не делай. Мой отец перевернулся бы в гробу, если бы узнал, что я пила это больше минуты.

Он снова улыбнулся. На этот раз улыбка была другой - в ней промелькнуло что-то человеческое, какая-то сухая искра понимания.

- Обещаю. В следующий раз я позволю тебе выбрать яд самостоятельно.

Я откинулась на сиденье и закрыла глаза. Мое тело, привыкшее к постоянной борьбе, медленно сдавалось усталости. Я чувствовала ритм его дыхания, слышал шум города за окном и понимала: я не просто товар в этой сделке. Я - актив, который он намерен использовать на полную мощность. И самое страшное было не в этом. Самое страшное было в том, что мне это начинало нравиться. Эта ясность цели. Эта необходимость быть острой.

Мы проезжали мимо старых кварталов, где когда-то располагались наши склады. Теперь там были модные лофты и офисы. Моя история стиралась, переписывалась чужими руками. Леон был тем самым пером, которое вымарывало имя де Монфоров из реестров, чтобы вписать свое.

- Ты ведь ненавидишь меня, правда? - спросил он, не оборачиваясь.

- Ненависть - это слишком энергозатратное чувство, Леон. Я тебя классифицирую. Как вредителя, который пробрался в виноградник. Тебя нельзя просто ненавидеть, с тобой нужно бороться или использовать твою энергию для очистки почвы.

- Справедливо. Я тоже тебя классифицировал. Ты - редкий винтаж, который долго держали в сыром подвале. Тебе нужно много воздуха, чтобы раскрыться. И, возможно, немного жесткой декантации.

Я открыла глаза и посмотрела на него. Его профиль был неподвижен, как маска.

- Ты не винодел, Леон. Ты потребитель. Не путай эти понятия.

- Потребитель платит за то, чтобы винодел мог творить. Без меня твой замок превратится в груды камней через полгода. Так что давай договоримся: я обеспечиваю почву, ты - содержание. И постарайся больше не бить меня по рукам прилюдно. Это портит мой имидж "жесткого парня".

- Твой имидж ничто не испортит, кроме твоей собственной тишины. Она у тебя слишком громкая.

Мы подъехали к дому. Темный силуэт особняка казался спящим чудовищем. Я вышла из машины, не дожидаясь, пока он обойдет ее и откроет мне дверь. Я хотела восстановить дистанцию. Хотя бы на те несколько метров, что отделяли нас от входа.

На ступенях я остановилась и посмотрела на браслет. В свете луны он казался серебряной змеей, обвившейся вокруг моей руки.

- Спокойной ночи, Леон, - сказала я, не оборачиваясь.

- Спокойной ночи, Стефания. И не снимай браслет. Он напоминает тебе о том, кто ты есть.

Я вошла в дом, и звук захлопнувшейся двери отозвался в пустых коридорах как выстрел. Я была одна в этом огромном склепе, полном теней и долгов. Но теперь на моей руке был металл. И в моей памяти был его взгляд - взгляд человека, который впервые увидел во мне не просто инструмент, а равного противника.

Я поднялась в свою комнату, скинула туфли и подошла к окну. Машина Леона все еще стояла внизу. Красные огни габаритов напоминали глаза волка, затаившегося в кустах. Он ждал. Он всегда чего-то ждал.

Я прижала запястье к холодному стеклу. Мой пульс бился ровно под золотой сеткой браслета. Первый выпад был сделан. Я не знала, кто набрал больше очков в этом раунде, но я знала одно: я больше не боюсь его тишины. Я научилась слышать в ней музыку боя.

Мой отец всегда говорил: "В фехтовании, как и в жизни, самый опасный момент - когда ты думаешь, что захватил инициативу". Я смотрела на удаляющиеся огни его машины и понимала, что эта фраза сейчас актуальна как никогда. Леон Вард не был тем, кто отдает инициативу просто так. Он просто перестраивал фронт. И завтрашний день обещал быть еще более изнурительным.

Я легла в кровать, не снимая браслета. Его холод успокаивал. Это была моя новая точка опоры. Моя личная рапира, которую я буду держать наготове, даже если мне придется улыбаться ему на завтраке. Мы в клинче. И единственный способ выжить - это стать еще тверже, чем тот металл, который он мне подарил.

Я заснула, когда небо начало сереть, и мне снилось, что я стою на бесконечной фехтовальной дорожке, а напротив меня - пустота, пахнущая ветивером и старым вином. И в этой пустоте я должна была найти точку для решающего укола, зная, что если промахнусь - падать будет некуда.

Но я не промахнусь. Я дочь своего отца. И я эксперт по дефектам. А Леон Вард, при всей его мощи, был полон скрытых трещин. Мне просто нужно было время, чтобы найти их все и ударить точно в цель. Однажды. Но не сегодня. Сегодня я просто училась дышать в его присутствии, не сбивая ритма. И это уже была победа. Маленькая, горькая, как старый рислинг, но моя. Единственная вещь, которую он не смог у меня купить. Моя воля к сопротивлению, замаскированная под покорность сделки.

Я закрыла глаза окончательно, и последней мыслью было воспоминание о его улыбке в ресторане. Опасная, хищная, признающая. Она была лучшим комплиментом моей ярости, который я когда-либо получала. Мы действительно стояли друг друга. Два обломка разрушенных миров, пытающихся построить что-то новое на пепелище. И это новое обещало быть либо шедевром, либо окончательной катастрофой. В любом случае, это стоило того, чтобы досмотреть до конца. Без слез. Без жалости. Только с холодной сталью в руках и в сердце.

Глава 5: Зона клинча

Дверь захлопнулась с тяжелым, глухим звуком, который издают только очень дорогие вещи. Этот звук всегда напоминал мне падение гильотины, завернутой в бархат. Щелчок центрального замка отозвался где-то в районе четвертого позвонка. В фехтовании это называется клинч - ситуация, когда противники сближаются настолько плотно, что оружие становится бесполезным. Мы стояли слишком близко. Мы дышали одним и тем же кондиционированным воздухом, пропитанным ароматом его парфюма - тяжелым, с нотами выделанной кожи и холодного кедра, без намека на сладость. Леон не любил сахар ни в чем: ни в кофе, ни в вине, ни в людях.

Я прижалась лопатками к кожаной обивке сиденья. Моя спина оставалась прямой, как стальной клинок, прошедший закалку. Отец всегда говорил: Стеша, если ты согнулась, ты уже проиграла, даже если рапира еще у тебя в руке. Я не сгибалась. Мой позвоночник превратился в арматуру. Я чувствовала каждый шов на сиденье через тонкую ткань платья, словно это были неровности рельефа на поле боя.

Леон не спешил заводить мотор. Он сидел вполборота ко мне, положив одну руку на руль, а другую на подголовник моего кресла. Его пальцы находились в паре сантиметров от моих волос, и я ощущала исходящее от них тепло, как тепло от нагретого за день камня на винограднике. Это физическое присутствие давило сильнее, чем любая его фраза. Леон умел использовать тишину как рычаг. В виноделии есть термин - танинная структура. Это то, что дает вину скелет, что заставляет его вязать рот и обещать долгое старение. У Леона была избыточная танинность. Он был как нераскрытое Каберне Совиньон неудачного года: слишком много агрессии, слишком мало пространства для маневра.

- Ты вела себя непозволительно, - произнес он наконец. Его голос был тихим, ровным, без единой зазубрины. Так звучит приговор, который не подлежит обжалованию.

Я повернула голову, стараясь не менять положения корпуса. Расстояние между нашими лицами сократилось до критического. Я видела каждую пору на его коже, крошечный шрам у края брови, о котором никогда не спрашивала. Его глаза были как мутное стекло - за ними не было видно дна, только отражение моей собственной настороженности.

- Непозволительно для кого, Леон? - я выделила его имя, превращая его в короткий, резкий выпад. - Для декоративной жены, которую ты купил вместе с долгами поместья? Или для партнера по сделке, который знает цену своим активам?

- Для женщины, которая хочет сохранить остатки репутации своей семьи, - он сократил дистанцию еще на дюйм. - Твоя ирония за ужином была похожа на плохо очищенный самогон. Резко, дешево и оставляет дурное послевкусие. Ты пыталась уколоть Маркуса, но на самом деле выставила себя истеричкой.

Мои пальцы сжались на коленях. Мышечная память требовала сделать шаг назад, разорвать дистанцию, подготовиться к защите шестой позиции. Но отступать было некуда. Справа - дверь, слева - он. Клинч. В фехтовании в такой момент судья дает команду - разойтись. Но здесь не было судьи. Только мы двое в замкнутом пространстве немецкого седана.

- Маркус - дилетант, - отрезала я, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость, та самая, что помогала мне выигрывать финалы. - Он говорил о терруаре так, будто это рекламный слоган для йогурта. Если ты заставляешь меня сидеть за одним столом с людьми, которые не отличают оксидацию от мацерации, будь готов к тому, что я буду называть вещи своими именами. Это не истерика. Это дегустация реальности.

Леон медленно перевел взгляд на мои губы. Это не был взгляд мужчины, который хочет поцеловать. Это был взгляд оценщика, проверяющего подлинность клейма на золотом слитке.

Его близость вызывала у меня странную реакцию: тело не сжималось в комок, оно каменело. Мой центр тяжести сместился вниз, я физически ощущала опору в стопах, хотя сидела.

- Твоя проблема, Стефания, в том, что ты до сих пор считаешь, будто мы на турнире, - он заговорил еще тише, почти шепотом, и это было опаснее крика. - Ты ищешь уязвимые места, готовишь контратаки. Но ты забываешь, что я не твой противник на дорожке. Я твой владелец. По крайней мере, на ближайшие три года.

Слово - владелец - ударило под дых. Я не позволила себе сбиться с дыхания. У спортсменов есть навык: контролировать диафрагму даже в моменты предельного напряжения.

- Владелец акций, а не личности, Леон. Не путай бухгалтерский баланс с крепостным правом. Твои инвестиции покрывают мои долги, но они не дают тебе права на мой голос.

Он вдруг резко наклонился ко мне. Я не шелохнулась, хотя инстинкт самосохранения кричал о необходимости закрыться. Он не коснулся моей кожи, но я почувствовала движение воздуха от его жеста. Его рука скользнула мимо моего плеча. Я думала, он хочет схватить меня, но он просто вытянул мой телефон из бокового кармана двери, куда я его бросила, садясь в машину.

- Верни, - я протянула руку, но он легко отвел мой локоть. Его хватка была сухой и крепкой. Никаких пошлых романтических искр, только механическая сила.

- Ты весь вечер в него смотрела, - Леон рассматривал черный прямоугольник в своей руке так, словно это была улика. - Ждала сообщения? От кого? От того тренера по фехтованию, который до сих пор пишет тебе пьяные извинения? Или от юристов, которые пытаются найти дыру в нашем контракте?

- Это не твое дело. Это мое личное пространство.

- В этой машине нет ничего твоего, Стефания. Как и в том доме, куда мы сейчас поедем.

Я смотрела на его профиль, на жесткую линию челюсти. Мой отец выглядел так же перед тем, как официально объявить о банкротстве. Та же непроницаемость, та же готовность раздавить любого, кто встанет на пути к спасению остатков империи. Но Леон не спасал империю. Он ее строил на костях моей семьи.

- Ты боишься, Леон, - вдруг сказала я, и ирония в моем голосе стала острой, как бритва. - Ты боишься, что я могу контролировать хоть что-то, что не прописано в твоих таблицах. Тебе нужно тотальное доминирование, потому что в глубине души ты понимаешь: я - единственный актив, который ты не можешь полностью оцифровать.

Он наконец посмотрел на меня. В его глазах что-то изменилось. Стекло стены на мгновение дала трещину. Это была та самая секунда, когда противник теряет баланс после неудачного выпада. В фехтовании это время для рипоста. Ответной атаки.

- Ты слишком высокого мнения о своей непредсказуемости, - сказал он, но в его интонации проскользнуло нечто новое. Раздражение? Или интерес? - Ты предсказуема в своей гордости. Это делает тебя легкой мишенью. Ты всегда бьешь в лоб, никогда не используешь финты.

- Я предпочитаю чистую победу обману.

- Именно поэтому твой отец сейчас живет в съемной квартире на окраине, а не в своем поместье, - бросил он.

Это был удар ниже пояса. Не по правилам. Мои мышцы спины отозвались острой болью, я выпрямилась еще сильнее, если это вообще было возможно. Мой отец. Его падение было публичным, грязным, как разлитое на белую скатерть дешевое вино, которое невозможно вывести. Я помню вспышки камер, помню шепот соседей, которые еще вчера пили наш лучший Рислинг и хвалили его структуру, а сегодня называли нас мошенниками. Я видела, как отец старел на глазах, как его плечи, всегда прямые, начали опускаться, пока он не превратился в тень самого себя.

- Мой отец сохранил честь, - мой голос прозвучал как хруст льда. - То, о чем ты имеешь только теоретическое представление из словарей.

- Честь не платит по счетам, - Леон нажал на кнопку разблокировки телефона. Экран вспыхнул, освещая его лицо мертвенно-бледным светом. - А я плачу. И это дает мне право проверять, не затеваешь ли ты саботаж за моей спиной.

Я дернулась, чтобы забрать телефон, но Леон перехватил мою кисть. Его пальцы сомкнулись на моем запястье, как стальные наручники. Я почувствовала пульсацию своей крови под его кожей. Мой пульс был ровным. Я гордилась этим. Никакого страха, только расчет. В клинче важно не паниковать, а ждать, когда противник раскроется.

- Пусти, Леон. Ты ведешь себя как параноик.

- Я веду себя как человек, который не любит сюрпризов.

В этот момент телефон в его руке завибрировал. Короткий, настойчивый сигнал. Один раз, второй. На экране высветилось уведомление о новом сообщении.

Леон замер. Я видела, как его зрачки расширились. Он не смотрел на меня, его взгляд был прикован к тексту на экране. Я тоже видела его. В полумраке салона буквы казались неестественно яркими.

Номер был скрыт. Короткая фраза, которая заставила время внутри машины остановиться.

- Банкротство твоего отца не было случайностью. Вард знал о дефиците в бюджете за полгода до обвала. Ищи документы в архиве Гранд-Крю. -

Тишина стала абсолютной. Даже шум города за окном, приглушенный бронированным стеклом, казалось, исчез. Я чувствовала, как холод медленно поднимается от кончиков пальцев к плечам. Это был не тот холод, который я испытывала на фехтовальной дорожке перед боем. Это был холод пустоты.

Я посмотрела на Леона. Его лицо превратилось в каменную маску. Его рука все еще сжимала мое запястье, и теперь его хватка стала почти болезненной, но я не издала ни звука. Мое тело перешло в режим выживания. Мышечная память подсказывала: центр тяжести завален, защита пробита.

- Что это? - его голос стал еще тише, до едва различимого шелеста.

- Это ты мне скажи, Леон, - я нашла в себе силы заговорить, хотя гортань словно сжали невидимые пальцы. - Что это значит? "Вард знал"?

Он резко отпустил мою руку и отшвырнул телефон на приборную панель. Смартфон ударился о пластик с сухим стуком. Леон завел мотор. Двигатель отозвался низким, хищным рыком.

- Это значит, что кто-то пытается сорвать нашу сделку в последний момент, - Леон смотрел прямо перед собой, его руки сжимали руль так, что побелели костяшки пальцев. - Дешевая провокация. Ты же не собираешься верить анонимному сообщению?

Я смотрела на него, анализируя его реакцию. В виноделии есть такой дефект - пробка. Когда вино пахнет мокрой картонкой и плесенью. С виду бутылка идеальна, этикетка безупречна, но содержание отравлено. Сейчас от Леона исходил именно этот запах скрытого гниения. Он не выглядел удивленным. Он выглядел разъяренным. Но не тем гневом, который вызывает клевета, а тем, который рождается из-за угрозы разоблачения.

- Ты не ответил на вопрос, - я придвинулась ближе, игнорируя дистанцию. - Твой дед, твой отец... они вели дела с моим отцом десятилетиями. Вы были нашими главными партнерами. Если банкротство было подстроено, то кто, если не Варды, получил от этого самую большую выгоду?

Леон резко переключил передачу. Машина сорвалась с места, вжимая меня в сиденье. Мы летели по ночному городу, и огни фонарей сливались в длинные, размытые полосы, как следы от ударов рапирой на защитном костюме.

- Твой отец совершил ошибки, Стефания. Он был слишком романтичен для этого бизнеса. Он верил в традиции, в выдержку в дубовых бочках, в то время как рынок требовал обо-

готов и агрессивного маркетинга. Он сам вырыл себе яму. Моя семья просто не стала прыгать туда вместе с ним.

- Не прыгать - это одно. Но подтолкнуть? - я чувствовала, как во мне просыпается нечто, чего я не ощущала с момента финала чемпионата Европы. Жажда крови. Не физической, а той, что утоляется полным уничтожением противника. - "Ищи документы в архиве". Каком архиве, Леон?

- Замолчи, - отрезал он.

- Ты боишься, что я их найду? - я продолжала давить, нащупывая его слабую точку. - Ты боишься, что наша "сделка" превратится в судебный иск? Что твое благородное спасение моей семьи окажется просто попыткой замести следы преступления?

Он резко затормозил на светофоре. Ремень безопасности больно врезался мне в плечо. Леон повернулся ко мне, и в его глазах я увидела то, что он скрывал за маской циника. Это была не просто ярость. Это была тьма, которую не развеять никаким светом.

- Послушай меня внимательно, - он наклонился так близко, что его дыхание коснулось моей щеки. - Ты сейчас находишься в очень хрупком положении. У тебя нет ничего, кроме этого контракта и моей фамилии, которую ты скоро получишь. Если ты начнешь копать в прошлом, ты уничтожишь не меня. Ты уничтожишь то небольшое, что осталось от твоего отца. Его имя. Его достоинство. Ты хочешь, чтобы весь мир узнал, что он был не просто неудачником, а марионеткой в руках моего деда? Что он подписывал бумаги, не читая их, потому что доверял "старым друзьям"?

Я замерла. Это был удар в самое сердце моей травмы. Страх быть жалкой. Видеть отца жалким было еще невыносимее.

- Ты только что признал это, - прошептала я. - Ты признал, что твой дед манипулировал им.

- Мой дед строил бизнес. Твой отец играл в джентльмена. В этом мире выживает только один вид.

Он снова нажал на газ. Машина плавно вошла в поворот, направляясь к его загородному дому, который теперь должен был стать моим тюремным замком. Я смотрела на свои руки. Они слегка дрожали - мелкий, почти незаметный тремор. Физиологическая реакция на выброс адреналина.

В голове звучал голос отца: Стеша, никогда не показывай, что тебе больно. Противник питается твоей слабостью.

Я глубоко вдохнула, концентрируясь на запахе салона. Кожа, кедр, металл. И где-то глубоко - мой собственный аромат, смесь цитрусовых нот и стали. Я не была марионеткой. Я была бывшей фехтовальщицей, которая знала, что такое клинч. Это положение, из которого нельзя атаковать, но из которого можно выйти, сделав резкий рывок в сторону.

- Я найду эти документы, Леон, - сказала я, глядя в окно на проносящиеся мимо деревья. - И если там окажется хоть доля правды, твой контракт не будет стоить даже той бумаги, на которой он напечатан.

- Удачи, - его голос снова стал сухим и безэмоциональным. - Архив Гранд-Крю находится под круглосуточной охраной. И у тебя нет ключей.

- Ты забываешь одну вещь, - я повернулась к нему, и на моих губах появилась тень улыбки, которую он так ненавидел. Ироничная, холодная, бьющая точно в цель. - Я эксперт по дефектам. Я знаю, как находить скрытые трещины в самых прочных структурах. И твоя империя, Леон, звенит так, будто она уже треснула сверху донизу. Просто ты еще не слышишь этого звука.

Он ничего не ответил. Мы ехали в тишине, которая была плотной, как нефилтрованное сусло. Я чувствовала его присутствие кожей спины, считывала его движения, когда он пере-

хватывал руль. Мы были связаны этой сделкой, этой ложью и этим анонимным сообщением плотнее, чем любыми клятвами.

Когда мы подъехали к воротам его особняка, я уже знала, что не усну этой ночью. Мое тело было в состоянии низкой боевой готовности. Мышцы ног были напряжены, готовые к выпадку.

Леон остановил машину у главного входа. Он не вышел, чтобы открыть мне дверь, как он делал обычно на публике. Здесь, в тени его дома, маски были не нужны.

- Иди в дом, Стефания. Тебе нужно отдохнуть. Завтра тяжелый день. Подписание документов в фонде.

- Ты идешь? - спросила я, уже открывая дверь.

- Мне нужно сделать несколько звонков.

Я вышла из машины, чувствуя, как ночной воздух обжигает легкие своей свежестью после спертой атмосферы салона. Я не обернулась. Я шла по гравийной дорожке, и звук моих шагов казался мне ударами молота по наковальне.

Поднявшись в свою комнату - ту, что он выделил мне "до свадьбы", - я плотно закрыла дверь. Мой телефон лежал в сумочке. Я достала его и снова открыла сообщение.

"Ищи документы в архиве Гранд-Крю".

Кто мог это написать? Кто-то из старой гвардии отца? Или кто-то из окружения Леона, кто хотел его падения? В мире большого виноделия друзей не бывает, бывают только те, с кем выгодно пить в данный момент.

Я подошла к окну. Внизу, в свете фонарей, я видела черный силуэт машины Леона. Он не уезжал. Он сидел там, в темноте, и я знала, что он тоже думает об этом сообщении.

Мой позвоночник все еще был прямым, до боли в мышцах. Я знала, что завтра мне придется играть роль покорной невесты, подписывать бумаги, улыбаться камерам. Но внутри меня уже разворачивался другой план.

В фехтовании есть такой прием - ложная атака. Ты показываешь противнику, что собираешься ударить в одно место, заставляешь его раскрыться и бьешь в другое. Леон думал, что он контролирует форму нашего союза. Он думал, что купил мое молчание.

Я села на край кровати, чувствуя холод шелкового покрывала. Мой отец всегда говорил, что вино чувствует страх того, кто его делает. Если винодел боится, вино получится кислым и безжизненным. Я не боялась. Я чувствовала, как во мне просыпается азарт охотника.

Леон Вард был мощным противником. У него были деньги, власть и отсутствие сантиментов. Но у меня было то, чего у него не было никогда - знание терруара. Я знала эту землю, я знала эти подвалы, я знала каждый камень в архиве Гранд-Крю. И я знала, где спрятаны скелеты, потому что некоторые из них принадлежали моей семье.

Я легла в кровать, не раздеваясь. Сон не шел. Я слушала тишину дома, которая казалась мне обманчивой. Где-то внизу хлопнула дверь - Леон вошел в дом. Я слышала его шаги по лестнице. Они были тяжелыми, размеренными. Он прошел мимо моей двери и остановился.

Я замерла, задержав дыхание. Я чувствовала его присутствие через преграду из дуба и штукатурки. Клич продолжался. Мы были разделены стеной, но прижаты друг к другу обстоятельствами так плотно, что любое движение одного вызывало реакцию у другого.

Он постоял несколько секунд и ушел к себе. Его дверь закрылась с тем же звуком, что и дверь машины. Гильотина.

Я закрыла глаза и начала мысленно восстанавливать план архива. Гранд-Крю был старым зданием на окраине города, бывшее хранилище налоговой службы, которое Варды перекупили десять лет назад. Там хранились все записи о сделках, контрактах и аудиторских проверках за последние полвека.

Чтобы попасть туда, мне нужен был код или карта. И я знала, где Леон ее держит. В его кабинете, в верхнем ящике стола, рядом с коллекционным штопором XVIII века, которым он так гордился.

Это был риск. Если он поймает меня, сделка будет расторгнута, и мой отец окажется на улице буквально на следующий день. Но если я найду доказательства, правила игры изменятся навсегда.

Я вспомнила запах его парфюма в машине. Кожа и кедр. Запах надвигающейся грозы. В виноделии гроза - это всегда риск потери урожая. Град может уничтожить плоды за несколько минут. Но иногда, после грозы, вино получается особенно насыщенным, словно лоза впитала в себя электричество небес.

Я не была лозой. Я была рапирой. И я была готова к своему главному выпадку.

Утро началось с резкого стука в дверь. Это была горничная с завтраком, но за ее спиной я видела Леона. Он уже был в костюме, идеально отутюженном, холодный и собранный, как хирургический инструмент.

- Через час мы уезжаем, Стефания, - сказал он, не заходя в комнату. - Надеюсь, ты приняла правильное решение относительно того глупого сообщения.

- Я всегда принимаю правильные решения, Леон, - ответила я, глядя ему прямо в глаза через зеркало туалетного столика. - Тебе ли этого не знать.

Он кивнул и ушел. Я посмотрела на свой завтрак. Кофе был горьким, без сахара. Именно так, как он любил. Я выпила его до дна, чувствуя, как кофеин начинает разгонять кровь по жилам.

Мой центр тяжести был в идеальном балансе. Моя спина была прямой. Мой взгляд был сфокусирован.

Я была готова к пятому раунду. Клинч закончился, начиналась схватка на поражение. И на этот раз я не собиралась держать блок. Я собиралась атаковать.

Потому что в мире, где честь не платит по счетам, правда становится единственной валютой, которую невозможно подделать. И я собиралась обналичить этот чек, даже если для этого мне придется сжечь все мосты за собой.

Я встала, надела высокие каблуки - мое современное оружие, которое делало мой шаг громче и увереннее, - и вышла из комнаты. Леон ждал меня внизу. Он стоял у окна, глядя на свои виноградники, которые когда-то принадлежали нам. Его плечи были развернуты, он выглядел как хозяин мира.

Но я видела скрытую трещину. Она проходила прямо через его спокойствие. Он ждал удара. И он его получит. Просто не сегодня. И не так, как он ожидает.

Мы вышли к машине. Снова щелчок центрального замка. Снова запах кожи и кедра. Но теперь это не было тюрьмой. Это был мой транспорт в зону боевых действий.

Я села на пассажирское сиденье и первой заблокировала двери. Леон удивленно поднял бровь.

- Дистанция, Леон, - сказала я, пристегивая ремень. - Теперь я устанавливаю ее правила. Он усмехнулся - впервые за долгое время искренне, хоть и хищно.

- Посмотрим, Стефания. Посмотрим, насколько хватит твоего запала.

Машина тронулась. Мы выехали за ворота, оставляя поместье позади. Впереди был город, полный лжи, документов и теней прошлого. И где-то там, в глубине архива Гранд-Крю, ждала моя правда. Моя рапира. Мое возмездие.

Я смотрела в окно, и мое отражение в стекле казалось мне чужим и в то же время удивительно знакомым. Это была дочь своего отца, но с глазами женщины, которая больше не верит в джентльменские соглашения. Это была Стефания, эксперт по дефектам, и я только что нашла главный изъян в идеальной жизни Леона Варда.

Этот изъясн назывался "совесть", и я собиралась использовать его как рычаг, чтобы перевернуть весь его мир.

До подписания контракта оставалось пять часов. Пять часов, чтобы совершить невозможное. Пять часов, чтобы выйти из клинча победителем.

Я сжала сумочку, где лежал телефон с тем самым сообщением. Оно было моим приглашением на танец на краю пропасти. И я была готова танцевать. Без слез. Без жалости. Только с холодной сталью в руках и в сердце.

Мы въехали в город. Леон вел машину уверенно, агрессивно, прокладывая путь сквозь поток машин, как ледокол. Он не знал, что на борту его корабля уже начался бунт. Маленький, тихий, замаскированный под покорность невесты.

- Ты молчишь, - заметил он, не сводя глаз с дороги. - Это на тебя не похоже. Обычно ты пытаешься заполнить тишину своими выпадами.

- Я просто экономлю силы, Леон. Впереди долгий день. И еще более долгая ночь.

- Ты планируешь что-то особенное на нашу брачную ночь? - в его голосе прозвучала неприкрытая ирония.

- О да, - я повернулась к нему, и мой взгляд был твердым, как алмаз. - Я планирую сделать ее незабываемой. Для нас обоих.

Он промолчал, но я видела, как его пальцы на руле сжались чуть сильнее. Он чувствовал угрозу. Его инстинкты хищника кричали ему, что жертва больше не является жертвой.

Зона клинча осталась позади. Мы вышли на открытое пространство, где каждый маневр имел значение. И я уже начала свой флеш - стремительную атаку, от которой невозможно защититься, если ты не готов к тому, что противник пойдет ва-банк.

Я была готова. Моя мышечная память, закаленная годами тренировок, подсказывала: сейчас или никогда.

- Приехали, - Леон остановил машину у офисного центра из стекла и бетона, где находился фонд. - Выходи. Пора ставить точку в этой истории.

- Нет, Леон, - сказала я, выходя из машины и расправляя плечи. - Мы только что поставили двоеточие. Все самое интересное начинается прямо сейчас.

Я пошла к входу, не дожидаясь его. Ветер трепал подол моего платья, но я не чувствовала холода. Я чувствовала только ритм своего сердца - четкий, быстрый, как удары клинка о клинок.

Битва за Гранд-Крю началась. И я не собиралась оставлять пленных.

ГЛАВА 6: Маскировка намерений

Стеклянные двери бутика на Вандомской площади закрылись за нами с тихим, едва уловимым щелчком, который для моего слуха прозвучал как лязг засова в каземате. Здесь пахло озоном, дорогим парфюмом с нотами сандала и тем специфическим холодным ароматом, который источают только очень большие деньги. Кондиционеры работали на пределе, создавая атмосферу стерильного склепа, где время замерло где-то между эпохой Наполеона III и завтрашним обвалом котировок.

Я чувствовала Леона спиной. Его присутствие за моей левой лопаткой ощущалось как тяжелая тень, как невидимый груз, смещающий мой центр тяжести. Он не прикасался ко мне, но я кожей считывала ритм его дыхания. Ровное. Размеренное. Убийственно спокойное. Так дышит человек, который пришел забрать свое, заранее зная, что сопротивление бесполезно.

- Добрый день, месье Делакура. Мадемуазель, - консультант вынырнул из-за витрины так бесшумно, словно он состоял из того же серого бархата, которым были высланы планшеты для украшений.

Его улыбка была безупречной и абсолютно мертвой. В этом мире искренность считается признаком дурного тона или низкого кредитного рейтинга.

- Мы подберем что-то особенное, - голос Леона вибрировал у меня над ухом. - Подчеркивающее статус союза. И ценность активов.

Я заставила себя не обернуться. Мой позвоночник превратился в стальной стержень. В фехтовании это называется держать дистанцию, даже если противник подошел вплотную. Если я сейчас дернусь, он поймет, что его близость выбивает меня из колеи. А я не могла позволить ему эту роскошь. Не после того, как он превратил мое родовое поместье в разменную монету.

- Выбирай, Стефания, - Леон слегка подтолкнул меня вперед, едва коснувшись ладонью поясницы.

Этот жест был слишком властным для простого ухаживания. Он словно помечал территорию. Я сделала шаг к витрине, глядя на россыпь бриллиантов, которые под светом софитов казались осколками льда.

- Мне казалось, такие вещи выбирают вместе, исходя из вкуса, а не из объема капитализации, - я бросила это через плечо, стараясь, чтобы мой голос звучал так же сухо, как Шабли плохого года. Тонкий, кислотный, неприятно вяжущий на языке.

- Вкус - вещь субъективная, - Леон подошел вплотную, встав рядом. - А караты легко конвертируются. Нам нужно что-то, что будет видно из последнего ряда аукционного зала. Чтобы ни у кого не возникло вопросов, чья ты собственность.

Слово "собственность" он произнес с особенным нажимом. Я почувствовала, как внутри меня что-то хрустнуло. Это не была боль, скорее старая травма, которая ноет перед дождем. Я вспомнила отца в тот день, когда пришла бумага о банкротстве. Он сидел в своем кабинете, окруженный портретами предков, и выглядел как пустая бутылка, из которой выкачали весь воздух. Наше имя, наш терруар, наши виноградники, которые пережили филлоксеру и две мировые войны, вдруг стали просто строчкой в долговом реестре.

И вот я здесь. В самом дорогом магазине Парижа. Работаю живой витриной для человека, который купил мои долги вместе с моей жизнью.

- Вот этот, - Леон указал на кольцо, которое лежало на отдельном постаменте.

Массивный бриллиант изумрудной огранки. Чистый, холодный, вульгарно огромный. Он выглядел как кирпич, вырезанный из антарктического ледника. В нем не было души, не было игры света, только глухая, тяжелая мощь.

- Слишком агрессивно, - заметила я, не глядя на кольцо. - Это вино с избытком дуба. Оно забивает все рецепторы, не оставляя места для нюансов. В нем нет структуры, только претензия.

- Мне не нужны нюансы, - Леон кивнул консультанту, чтобы тот достал украшение. - Мне нужен результат. Это кольцо говорит о стабильности. О том, что у "Делакруа и Ко" достаточно ресурсов, чтобы поглотить любое сопротивление.

Консультант, чье имя на бейдже я так и не удосужилась прочитать, с благоговением извлек кольцо. Оно блеснуло в его руках, как лезвие рапиры перед началом боя. Салют. Защита. Ответный выпад.

- Позвольте, мадемуазель, - Леон взял мою правую руку.

Его пальцы были холодными и твердыми. Он не просто взял меня за руку, он зафиксировал мое запястье, лишая возможности отстраниться. Моя мышечная память тут же отозвалась: я почувствовала, как напряглись мышцы предплечья, как пальцы сами собой сложились бы вокруг эфеса, если бы он был у меня в руке. Но в руке не было оружия. Только пустота и предчувствие поражения.

Он медленно надел кольцо на мой безымянный палец. Оно оказалось тяжелым. Холод металла мгновенно передался коже, и мне показалось, что этот холод проникает глубже, в самую кость, замораживая кровоток. Леон не отпускал мою руку. Он сжал ее чуть сильнее, чем требовали приличия. Его большой палец надавил на мою ладонь, прямо в ту точку, где обычно остается мозоль от фехтовальной перчатки.

Я подняла глаза и встретила с ним взглядом. Леон смотрел на меня не как на невесту, а как на удачную инвестицию, которую он проверяет на наличие скрытых дефектов. В его глазах не было ни капли тепла, только расчетливый интерес энтомолога, прищипливающего редкую бабочку к картонке.

- Тебе идет, - сказал он тихо. - Знак того, что ты больше не принадлежишь себе.

- Кольцо - это всего лишь кусок углерода под давлением, Леон, - я не отвела глаз. - Его можно расплавить. Или потерять. Или продать, когда конъюнктура рынка изменится.

- Это кольцо нельзя потерять, Стефания. Оно застраховано на сумму, которая превышает стоимость твоего годового урожая в Мерсо. Если ты его снимешь, сработает сигнализация в моей голове. А ты ведь не хочешь, чтобы я начал беспокоиться?

Его спокойствие бесило меня больше, чем если бы он кричал. Это было высокомерие высшей пробы, выдержанное в подвалах эгоизма. Он считал, что купил мое молчание этим камнем. Но он не понимал одной вещи: вино, которое долго держат под давлением, в итоге вышибает пробку с такой силой, что может убить.

- О, месье, это идеальный выбор! - консультант всплеснул руками, его восторг был таким же фальшивым, как позолота на дешевой бижутерии. - Мадемуазель, вы выглядите потрясающе. Самая красивая пара этого года, без сомнения. Какая гармония, какой блеск!

Я посмотрела на наше отражение в зеркальной стене. Мы действительно выглядели как пара из глянцевого журнала: он - воплощение успеха и жесткости, в безупречном костюме, который сидел на нем как броня; я - бледная, с прямой спиной и этим ледяным булыжником на пальце. Но если присмотреться, в зеркале было видно, как мои пальцы побелели от его хватки.

Мы испепеляли друг друга взглядами, пока этот человечек в сером бархате разливался соловьем о нашей "любви". Это был сюрреализм в чистом виде. Клич, из которого нет выхода.

- Мы берем его, - бросил Леон, не сводя с меня глаз. - Оформите все. И подготовьте документы для страховки на имя мадемуазель.

- Конечно, месье Делакруа. Желаете ли вы шампанского, чтобы отпраздновать? У нас есть "Крюг" девяносто пятого...

- Нет, - отрезала я. - У "Крюга" девяносто пятого слишком высокая кислотность для этого утра. Он оставляет неприятное послевкусие. Как и вся эта процедура.

Леон усмехнулся. Это была не добрая улыбка, а короткий оскал хищника, который доволен тем, что добыча еще подает признаки жизни. Ему нравилось, когда я огрызалась. Это подтверждало, что он купил породистую лошадь, а не покорную клячу.

- Стефания всегда очень придирчива к качеству, - сказал он консультанту, доставая черную карту. - Это ее лучшая и худшая черта.

Пока он расплачивался, я отошла к окну, стараясь унять дрожь в коленях. Мое тело предавало меня. Мышцы требовали движения, выпада, защиты "кварт", хоть чего-то, что позволило бы сбросить это напряжение. Вместо этого я стояла и смотрела на суетливую толпу на Вандомской площади. Люди спешили по своим делам, не подозревая, что прямо здесь, за пуленепробиваемым стеклом, происходит медленное убийство одной старой фамилии.

Кольцо давило на палец. Оно казалось мне кандалами. Я представила, как пытаюсь его снять, и как оно сдирает кожу вместе с мясом, оставляя рваную рану. Это была не просто сделка. Это была аннексия.

Я вспомнила голос отца: "Стеф, в виноделии главное - баланс. Если танины слишком жесткие, вино никогда не станет великим. Оно просто умрет в бутылке". Сейчас мои "танины" были настолько жесткими, что я едва могла дышать.

Леон подошел сзади. Я почувствовала тепло его тела, которое диссонировало с холодом камня на моей руке.

- Пошли, - сказал он. - У нас еще встреча с юристами. Нужно обсудить детали брачного контракта.

- Контракта? - я обернулась. - Ты уже надел на меня ошейник. Зачем еще и цепь?

- Чтобы ты не сорвалась с поводка в самый неподходящий момент. Ты ведь знаешь, я не люблю риски. Особенно когда речь идет о Гранд-Крю.

Мы вышли из бутика. Солнце Парижа ударило в глаза, заставляя зажмуриться. На улице было шумно, пахло бензином и жареными каштанами. Обычный день для всех, кроме меня.

Леон вел меня к машине, крепко держа под локоть. Его пальцы впивались в мою кожу через тонкую ткань платья. Я шла, стараясь сохранять ритм, не сбиваться с шага, не показывать, как сильно мне хочется вырваться и бежать, пока не кончится воздух.

- Ты ведешь себя так, будто я веду тебя на эшафот, - заметил он, когда мы сели в салон. - Большинство женщин отдали бы правую руку за такое кольцо.

- Большинство женщин не знают, каково это - когда твою руку покупают вместе с землей твоих предков, - ответила я, глядя в окно на мелькающие фасады зданий. - Для тебя это просто инвестиция, Леон. Для меня - капитуляция.

- Капитуляция подразумевает конец войны, - он завел двигатель. Машина глухо заурчала, готовая к прыжку. - А у нас с тобой война только начинается. И поверь, Стефания, я намерен насладиться каждой битвой.

Я посмотрела на свою руку. Бриллиант вспыхнул ядовитым огнем, отражая солнечный луч. Он был безупречен. И он был отвратителен.

- Ты проиграешь, Леон, - сказала я тихо, почти шепотом. - Потому что ты считаешь, что контролируешь почву. Но ты забываешь, что виноград делает не тот, кто владеет землей, а тот, кто знает ее характер. А мой характер тебе не по зубам.

Он ничего не ответил, только сильнее сжал руль. Его костяшки побелели. Я видела, как на его челюсти заиграли желваки. Это была маленькая победа, крошечный укол рапирой, который не наносит раны, но заставляет противника нервничать.

Мы ехали по набережной Сены. Вода была мутной и быстрой. Я думала о том, что сейчас, в этот самый момент, на моих виноградниках в Бургундии лоза тянется к солнцу. Ей плевать на долги, на контракты, на бриллианты весом в целое состояние. Она просто живет. И я буду жить. Даже если мне придется носить этот лед на пальце до конца своих дней.

- Кстати, - Леон нарушил тишину, когда мы остановились на светофоре. - Ужин с моими родителями в субботу. Надень это кольцо. И постарайся не выглядеть так, будто ты только что выпила бокал уксуса.

- Я постараюсь, - я выдавила из себя подобие улыбки. - Но не обещаю, что уксус не превратится в яд, если твоя мать снова начнет рассуждать о "чистоте крови" и "социальном лифте".

Леон коротко рассмеялся. В этом смехе не было веселья, только признание силы противника.

- Моя мать тебя боится, Стефания. Она чувствует в тебе то, чего нет у нее - настоящую породу. Ту, которую не купишь ни за какие деньги. Именно поэтому я тебя и выбрал.

- Ты выбрал меня, потому что тебе нужен был трофей, который умеет огрызаться, - я отвернулась к окну. - Но трофеи имеют свойство разбиваться, Леон. Особенно если их слишком сильно сжимать.

Машина тронулась с места. Мы ехали навстречу юристам, контрактам и новой жизни, в которой я была обязана играть роль счастливой невесты. Моя спина болела от напряжения, а кольцо казалось свинцовым.

Я закрыла глаза и представила себе запах погребя. Запах сырости, грибка и старого дуба. Там, в темноте, вино созревало, менялось, набирало силу. Оно не торопилось. Оно знало, что его время придет.

Я тоже не торопилась.

Когда мы приехали к офису юристов, Леон вышел первым и открыл мне дверь. Он подал мне руку, и я вложила свою ладонь в его, чувствуя, как бриллиант впивается в кожу.

- Готова? - спросил он, глядя мне прямо в глаза.

- Я родилась готовой к бою, Леон, - ответила я, выходя из машины. - Главное, не забудь: в фехтовании побеждает не тот, кто сильнее бьет, а тот, кто точнее наносит удар.

Мы вошли в здание. Стеклопакеты двери снова закрылись, отсекая нас от остального мира. Впереди были часы скучных обсуждений пунктов контракта, раздела имущества, которое еще не стало общим, и условий развода, который был предопределен еще до свадьбы.

Юрист, пожилой мужчина с лицом, похожим на сушеный чернослив, встретил нас в приемной.

- Месье Делакура, мадемуазель... Поздравляю. Какое великолепное кольцо. Сразу видно - серьезные намерения.

- Серьезнее некуда, - подтвердил Леон, увлекая меня в кабинет.

Я шла за ним, глядя на его широкие плечи. Он был уверен в своей победе. Он считал, что запер меня в золотой клетке и выбросил ключ. Но он не учел одного: я была не птицей. Я была лозой. А лоза умеет разрушать даже самый крепкий фундамент, если ей не дают расти.

Мы сели за длинный стол из полированного красного дерева. Перед каждым лежала папка с документами. Нас было двое против целой армии параграфов и подпунктов.

- Итак, - начал юрист, поправляя очки. - Раздел пять: управление активами поместья Гранд-Крю в случае...

Я перестала слушать. Я смотрела на свою руку, на которой сиял этот проклятый камень. Пять карат холода. Пять карат моего позора. Пять карат моей новой брони.

Я чувствовала, как внутри меня закипает холодная, расчетливая ярость. Та самая, которая помогала мне выигрывать поединки, когда противник был вдвое сильнее. Я знала его слабые места. Я видела, как он реагирует на мои слова, как он пытается контролировать каждый мой вздох. Он был одержим контролем. А одержимость - это всегда уязвимость.

Леон что-то отвечал юристу, его голос звучал уверенно и властно. Он распределял мои виноградники так, словно это были фишки в казино.

- Мадемуазель, вы согласны с этим пунктом? - юрист посмотрел на меня поверх очков.

Я медленно подняла голову.

- Мое согласие включено в стоимость кольца, не так ли? - я перевела взгляд на Леона.
- Или мне нужно еще раз подтвердить, что я продала свою душу за этот прекрасный кусок углерода?

Леон сузил глаза. Наступила тишина, такая плотная, что ее можно было резать ножом. Юрист заерзал на стуле, не зная, куда деть глаза.

- Стефания имеет в виду, что она полностью доверяет моему решению, - произнес Леон сквозь зубы.

- Конечно, - я улыбнулась самой обворожительной из своих фальшивых улыбок. - Доверяю так же, как филлоксера доверяет корням винограда. До полной аннигиляции.

Я видела, как его пальцы, лежащие на столе, непроизвольно сжались в кулаки. Первый выпад достиг цели. Он был раздражен. Его идеальный план начал давать трещины еще до того, как высохли чернила на первой странице.

- Продолжайте, месье Дюпон, - Леон кивнул юристу, игнорируя мою реплику. - Мы ограничены во времени. У нас еще примерка платья и фотосессия для "Фигаро".

Фотосессия. Еще одна маскировка. Еще одна попытка убедить мир, что мы - идеальная пара. Я представила, как буду стоять рядом с ним, улыбаясь в камеру, пока это кольцо будет выжигать мне клеймо на пальце.

Мы просидели в кабинете еще три часа. Три часа юридического ада, где каждое мое воспоминание о детстве, проведенном среди лоз, превращалось в пункт договора о наследовании. Леон был неумолим. Он вырезал из моей жизни все, что могло дать мне хоть каплю независимости.

Когда мы наконец вышли на улицу, вечер уже начал опускаться на город. Небо стало цвета перспелой сливы, глубоким и тяжелым.

- Ты доволен? - спросила я, когда мы подошли к машине.

- Вполне, - Леон открыл мне дверь. - Все прошло по плану.

- Твои планы всегда такие... стерильные? - я села на сиденье, чувствуя опустошение. - В них совсем нет места для жизни. Только для цифр.

Леон сел рядом и на мгновение задержал руку на ключе зажигания. Он повернулся ко мне, и в полумраке салона его лицо казалось высеченным из камня.

- Жизнь - это хаос, Стефания. А хаос ведет к банкротству. Твой отец жил эмоциями, и посмотри, к чему это привело. Я даю тебе структуру. Я даю тебе шанс сохранить то, что ты любишь, пусть и такой ценой.

- Ты даешь мне клетку, Леон. И называешь это шансом.

- Все мы в чем-то заперты, - он завел мотор. - Разница лишь в том, что твоя клетка сделана из золота и бриллиантов. Большинство сочли бы это привилегией.

- Я не большинство, - отрезала я.

Мы ехали по вечернему Парижу, и огни города отражались в гранях моего кольца. Оно сверкало, как маяк в тумане, указывая путь к моему новому статусу. Статусу мадам Делакура. Женщины, у которой есть всё, кроме нее самой.

Я смотрела на свои руки и думала о том, что через несколько месяцев я буду стоять у алтаря. Я надену белое платье, которое скроет синяки на моей душе, и произнесу "да" человеку, которого я ненавижу так сильно, что это почти похоже на страсть.

И в этот момент, глядя на мелькающие огни Сены, я поняла одну важную вещь. Если Леон хочет играть в эту игру, я буду играть по его правилам. До поры до времени. Я буду его идеальной невестой, его трофеем, его аксессуаром. Я буду носить его кольцо и его фамилию.

Но под этой маской я буду медленно, капля за каплей, превращать его идеальный мир в то самое вино, которое он так боится - непредсказуемое, опасное и способное свалить с ног даже самого сильного противника.

- Мы приехали, - Леон остановился у моего дома.

Он не вышел, чтобы открыть мне дверь. Он просто смотрел на меня, и в его взгляде я впервые увидела тень сомнения. Словно он вдруг понял, что купил не просто землю и имя, а нечто гораздо более опасное.

- До субботы, Стефания, - сказал он. - И не забудь про кольцо.

- Я его никогда не забуду, Леон, - ответила я, выходя из машины. - Оно теперь часть моей кожи.

Я вошла в подъезд, не оборачиваясь. Мои шаги гулко отдавались в пустом холле. Я поднялась в свою квартиру, заперла дверь и только тогда позволила себе расслабиться. Мои плечи опустились, спина наконец-то согнулась.

Я подошла к окну и посмотрела на свою руку. Бриллиант издевательски блестел в свете уличного фонаря.

Я попробовала снять кольцо. Оно шло туго, застревая на суставе. Я потянула сильнее, чувствуя боль. Кожа покраснела, натянулась, но металл не поддавался. Оно действительно сидело как влитое. Словно оно было создано специально для того, чтобы никогда не покидать это место.

Я оставила попытки и просто прижалась лбом к холодному стеклу.

Завтра будут газеты. Завтра весь мир узнает о нашем союзе. Завтра я стану "самой счастливой женщиной Парижа".

А сегодня я была просто Стефанией, которая проиграла битву, но еще не закончила войну.

Внизу, на улице, взвизгнули шины - Леон уехал. Его присутствие еще ощущалось в воздухе, как запах грозы, которая прошла мимо, но оставила после себя выжженную землю.

Я прошла на кухню, достала бутылку старого вина, которое хранила для особого случая, и плеснула себе в бокал. Никаких дегустаций. Никакой оценки танинов и кислотности. Мне просто нужно было заглушить этот холод в груди.

Вино было терпким и горьким. Оно обжигало горло, напоминая о том, что жизнь - это не только цифры в контракте, но и боль, которую ты чувствуешь, когда у тебя отнимают самое дорогое.

Я подняла бокал, салютуя своему отражению в темном окне.

- За нас, Леон, - прошептала я. - За нашу прекрасную, лживую жизнь.

Бриллиант на моем пальце вспыхнул в последний раз и погас, когда я выключила свет. В темноте я чувствовала только его вес. Тяжелый, неоспоримый вес моего будущего, которое я не выбирала, но которое теперь принадлежало мне.

Или я принадлежала ему.

Разница была лишь в дистанции. А я всегда умела ее сокращать в самый неожиданный момент.

Я легла в постель, не снимая кольца. Оно холодило простыни, напоминая о том, что теперь я никогда не буду одна. Со мной всегда будет этот кусок льда, этот немой свидетель моей капитуляции и моей будущей мести.

Сон пришел не сразу. Мне снились виноградники, залитые кровью, и Леон, который пытался поймать меня своей рапирой, но каждый раз натыкался на пустоту. Я смеялась, и мой смех превращался в звон разбитого хрустала.

Продавец в бутике был прав. Мы были самой красивой парой года.

Красивой, как крушение поезда в замедленной съемке.

И я не собиралась отводить взгляд, когда мы наконец достигнем точки столкновения.

Глава 7: Вкус терруара

Пробуждение в четыре утра - это не привычка, это симптом. Мое тело, вымуштрованное годами утренних тренировок в фехтовальном зале, отказывается признавать право на отдых, даже если накануне я подписала контракт о продаже собственной жизни. Кольцо на пальце за ночь никуда не исчезло. Оно давило на фалангу, напоминая о себе тупой, ноющей тяжестью. В темноте спальни бриллиант казался черным глазом, который следит за каждым моим вдохом. Я стянула его и положила на прикроватную тумбочку. Звук соприкосновения металла с деревом прозвучал как сухой щелчок затвора.

Я оделась быстро, по привычке проверяя эластичность ткани брюк. Если я не могу дышать свободно из-за корсета социальных обязательств, то хотя бы мои ноги должны чувствовать свободу движений. Центр тяжести сегодня был смещен - слишком много мыслей, слишком мало сна. Я чувствовала себя как клинок с нарушенной балансировкой: вроде бы острый, но в руке лежит неверно.

Виноградники в это время суток напоминают застывшее войско. Туман стелется между рядами лоз, скрывая их очертания, превращая стройные шеренги в призрачные баррикады. Воздух был влажным и холодным, он пах мелом, мокрой хвоей и тем особенным металлическим ароматом, который источает земля перед тем, как окончательно проснуться. Это запах терруара - слово, которое мой отец произносил с придыханием, как имя божества, и которое Леон Барро считал просто переменной в формуле прибыли.

Я шла по склону, чувствуя, как роса пропитывает ботинки. Моя спина была прямой - профессиональная деформация. Отец всегда говорил: Стефания, если ты позволишь плечам опуститься, противник поймет, что ты устала. А в нашем мире усталость - это приглашение к атаке. Я не была усталой. Я была в состоянии низкой боевой готовности.

Когда я увидела силуэт в тумане, мой пульс не участился, но мышцы предплечий непроизвольно сократились, готовясь к воображаемому выпад. Леон стоял в десятом ряду, там, где почва была особенно каменистой. Он не заметил моего приближения, или сделал вид, что не заметил. Он стоял спиной ко мне, и я невольно оценила его стойку. Ноги на ширине плеч, идеальный баланс, никакой сутулости, несмотря на ранний час. Он не выглядел как человек, который провел бессонную ночь. Он выглядел как владелец, осматривающий свои владения.

Я остановилась на дистанции в три шага. Это зона безопасности. Ближе - и ты уже в радиусе поражения. Дальше - и твой голос может звучать неуверенно из-за ветра.

- Ты портишь свои туфли, Леон. Эта грязь не отчищается даже в лучших химчистках Парижа, - сказала я, вкладывая в голос ровно столько иронии, чтобы это не выглядело как забота.

Он не обернулся сразу. Сначала он медленно выпрямился. В его движениях была какая-то хищная плавность, манера человека, который знает, что время работает на него. Когда он повернулся, я увидела, что его пальцы испачканы в земле. Темная, жирная глина забила под ногти, марая манжеты его безупречной рубашки.

- Туфли - это расходный материал, Стефания. В отличие от почвы, - его голос был сухим и глубоким, он резал утреннюю тишину, как скальпель. - Ты знала, что здесь уровень pH выше, чем на нижних склонах?

Я замерла. Это было не то, чего я ожидала. Я ждала циничного комментария о стоимости гектара или жалобы на холод. Но он говорил о химии почвы. Мой внутренний критик, говоривший голосом отца, недовольно хмыкнул: Не давай ему захватить инициативу.

- Здесь известняковый пласт выходит ближе к поверхности. Это дает нашим винам ту самую минеральность и стальной стержень, который ты, вероятно, примешь за дефект фильтрации, - я сделала полшага вперед, сокращая дистанцию. - Но для того, чтобы это понять,

недостаточно просто прочитать отчет агрономов. Нужно понимать, как лоза борется за выживание в этом камне.

Леон посмотрел на меня. Его глаза были цвета холодного эспрессо - никакого тепла, только концентрация. Он вдруг опустился на одно колено. Это не было похоже на жест смирения. Это был жест исследователя. Он взял горсть земли, поднес ее к лицу и, к моему полному оцепенению, коснулся ее кончиком языка.

Моя челюсть непроизвольно сжалась. Это был жест настоящего винодела, старой школы, тех людей, которые чувствовали содержание железа и калия на вкус. Мой дед так делал. Отец - уже нет, он предпочитал лаборатории. Видеть, как этот лохотронный корпоративный стервятник пробует мою землю на вкус, было физически невыносимо. Это было интимно и отвратительно одновременно.

- Слишком много железа, - произнес он, поднимаясь и отряхивая руки. - И калия не хватает. Ты планируешь продолжать это так называемое органическое земледелие, или мы наконец введем нормальную систему орошения с минеральными добавками?

- Орошение? - я почувствовала, как во мне закипает холодная ярость. - Леон, это не ферма по выращиванию гидропонного салата. Это терруар категории Гран Крю. Здесь лоза должна страдать. Если ты начнешь кормить ее из ложечки водой с добавками, она расслабится. Корни уйдут в верхние слои, и через пять лет мы получим компот вместо вина. Ты хочешь убить структуру ради объема?

- Я хочу получить стабильный результат, - он сократил расстояние между нами, входя в мою зону комфорта. - Твоя философия страдания хороша для поэтов и банкротов. Мой отец любил повторять, что лучшая лоза - та, которая приносит прибыль, а не та, которая красиво умирает от жажды на камнях.

- Твой отец смыслил в вине столько же, сколько я в квантовой физике, - отрезала я, выпрямляя спину так, что позвонки тихо хрустнули. - Он покупал этикетки, а не содержание. Если ты поставишь здесь систему капельного полива, я лично перережу все шланги. Это уничтожит иерархию вкуса. Мы потеряем танины, мы потеряем потенциал к выдержке. Ты превратишь наше имя в масс-маркет.

Леон молчал, глядя на меня сверху вниз. Его спокойствие бесило больше, чем если бы он кричал. Он изучал меня как сложный механизм, у которого обнаружилась лишняя деталь.

- Ты говоришь как человек, у которого есть выбор, - тихо сказал он. - Но давай будем честными: твой выбор закончился в тот день, когда счета твоего отца были заблокированы. Сейчас ты - бренд-амбассадор, Стефания. Твоя задача - улыбаться на приемах и рассказывать сказки про минеральность. Технические решения принимаю я.

- Я не товар в твоём инвентарном списке, Леон. И эта земля - не строчка в отчете. Она помнит больше, чем ты можешь себе представить.

Я чувствовала его присутствие кожей. От него пахло дорогим парфюмом с нотами кедра и этой свежеразрытой землей. Это сочетание было дезориентирующим. Мое тело запоминало его ритм дыхания, его манеру стоять, чуть сместив вес на правую ногу. Если бы у меня в руке была рапира, я бы знала, куда бить. Но сейчас моим единственным оружием были слова, и они казались мне тупыми тренировочными палками.

- Она помнит только одно, - Леон сделал еще шаг, теперь мы стояли почти вплотную. - Как ее предавали. Твой отец заложил эти виноградники трижды. Он выжимал из них все, чтобы оплатить свои долги и твои уроки фехтования в Париже. Не надо строить из себя защитницу святыни. Ты такая же соучастница этого распада, как и все остальные. Ты просто предпочитаешь эстетичную упаковку для своего эгоизма.

Удар пришелся точно под дых. Я не съежилась, нет. Я замерла, превращаясь в статую. Внутри меня голос отца сухо произнес: Защита четвертая, переход в контратаку. Но контрата-

ковать было нечем. Он был прав. Мои счета, мои платья, мои поездки - все это было оплачено этой землей, которую отец медленно убивал своим неумением вести дела.

- Мой эгоизм хотя бы имеет вкус, - прошептала я, глядя ему прямо в глаза. - А твой - пахнет только типографской краской свежих банкнот. Ты ненавидишь это место, Леон. Я вижу это по тому, как ты морщишься от тумана. Зачем тебе все это? Зачем тебе я, если ты можешь просто купить любой другой актив?

Он не отвел взгляд. На мгновение его маска циника дрогнула, и я увидела что-то другое. Не тепло, нет. Скорее, старую, хорошо задокументированную ярость.

- Ты думаешь, ты одна здесь жертва обстоятельств? - он усмехнулся, но в этой усмешке не было радости. - Я ненавижу это место не потому, что оно скучное или грязное. Я ненавижу его все свое детство. Пока ты играла в принцессу виноградников, мой дед привозил меня сюда и заставлял смотреть на ваши поместья. Он говорил: Смотри, Леон. Это то, что мы заберем. Не потому, что нам нужно вино. А потому, что они считают себя лучше нас. Он кормил меня этой враждой на завтрак, обед и ужин.

Я почувствовала, как дистанция между нами внезапно исчезла, хотя мы не сдвинулись с места. Это была дистанция общего проклятия. Мы оба были заложниками амбиций мертвых или разорившихся стариков.

- Значит, это просто месть? - спросила я, чувствуя, как холодный воздух пробирается под куртку. - Ты купил меня, чтобы окончательно доказать деду, что ты победил?

- Я купил тебя, потому что ты - единственная часть этой сделки, которая стоит того, чтобы за нее бороться, - его голос стал еще тише, почти неразличимым на фоне шума ветра в листве. - Землю можно удобрить. Заводы можно перестроить. Но твою породу, твою способность стоять прямо, когда все рушится... это нельзя купить на аукционе. Это можно только присвоить.

- Присвоить? - я горько рассмеялась. - Ты путаешь владение с контролем. Ты можешь владеть моими акциями, моим временем и даже моим именем. Но ты никогда не будешь контролировать то, что я чувствую.

- Мне не нужны твои чувства, Стефания. Мне нужна твоя лояльность. И твое понимание того, что мы теперь в одной лодке. Если мы не договоримся об орошении, через три года этот терруар превратится в сухостой. Рынок меняется. Глобальное потепление - это не миф из газет, это реальность, которая убьет твои виноградники, если ты будешь продолжать играть в традиции.

- Традиции - это то, почему наше вино стоит пятьсот евро за бутылку, а твое - пятнадцать, - я снова перешла на территорию бизнеса, здесь было безопаснее. - Ты хочешь технологичности? Хорошо. Давай обсудим датчики влажности почвы и анализ спутниковых снимков. Но никакого принудительного полива. Мы будем использовать подвои, устойчивые к засухе. Мы будем менять плотность посадки. Мы будем работать головой, а не насосами.

Леон на мгновение задумался. Он снова посмотрел на свои испачканные руки, затем на меня.

- У тебя есть план? - спросил он.

- У меня есть стратегия выживания. В фехтовании это называется активная защита. Ты не просто ждешь удара, ты создаешь условия, при которых противник сам наткнется на твой клинок.

- И кто в этой схеме противник? - он приподнял бровь. - Природа? Рынок? Или я?

- Сейчас - природа. С рынком я как-нибудь договорюсь. А ты... ты - это внешнее управление, с которым мне приходится считаться.

Он вдруг протянул руку и коснулся моей щеки. Его пальцы были холодными и все еще пахли землей. Я не отстранилась. Мое тело замерло, анализируя этот контакт как потенциальную угрозу, но мышцы не дали команду на отступление. Это был странный момент: туман,

запах сырости, двое людей, которые ненавидят друг друга, стоящие посреди земли, которая их обоих переживет.

- Знаешь, почему я на самом деле ненавижу это место? - спросил он, убирая руку. - Не из-за деда. А из-за того, что здесь всегда было слишком тихо. В моем мире тишина означает, что кто-то готовит засаду. А здесь тишина должна означать покой. Я никогда не понимал, как можно доверять месту, которое ничего не требует взамен.

- Земля требует всего, Леон. Просто она делает это без лишнего шума. Она забирает твоё время, твои силы, твою молодость. А взамен даёт только перебродивший сок. Если ты считаешь, что это честный обмен, значит, ты ещё больший безумец, чем мой отец.

Он усмехнулся, на этот раз почти по-настоящему.

- Возможно. Мы оба здесь не по своей воле, Стефания. Но раз уж мы оказались в этом клинче, давай хотя бы не мешать друг другу дышать. Твои подвои против засухи... подготовь отчет к завтраку. Я хочу видеть цифры, а не метафоры о страдающей лозе.

- Цифры будут. Но не жди, что они тебе понравятся. Честность в виноделии стоит дорого.

- Я могу себе это позволить, - бросил он через плечо, уже направляясь к тропинке, ведущей к дому.

Я осталась стоять среди рядов. Туман начал рассеиваться, открывая далекие очертания гор. Солнце еще не взошло, но небо уже приобрело тот специфический оттенок серого, который предвещает ясный день. Я посмотрела на свои руки. Они дрожали. Совсем чуть-чуть, едва заметно для постороннего глаза, но для меня эта дрожь была признаком системного сбоя.

Леон Барро не был просто дельцом. Он был кем-то гораздо более опасным - человеком, который понимал цену того, что он разрушает. Его жест с землей... это был не спектакль. Он действительно чувствовал вкус терруара. И это пугало меня больше, чем его угрозы или его деньги. Если он понимает землю, значит, он сможет понять и меня. А я не могла позволить ему заглянуть за мой защитный блок.

Я вспомнила слова своего тренера по фехтованию: Самый опасный противник - не тот, кто сильнее, а тот, кто знает твой следующий шаг раньше тебя. Леон не просто знал мои шаги, он, кажется, сам писал сценарий этого поединка.

Я нагнулась и тоже коснулась земли. Холодная, влажная, равнодушная. Она не знала о долгах, о брачных контрактах, о фамильной гордости. Ей было все равно, кто будет владеть ею в следующем сезоне. Она просто ждала тепла.

Мой отец всегда говорил, что виноградники - это наша кровь. Глядя на то, как Леон Барро уходит по склону, я впервые подумала, что кровь может быть не только связью, но и приговором. Мы были прикованы друг к другу этой почвой, этим железом и известняком. Наша сделка была не просто юридическим документом, она была физиологическим актом. Мы выросли в этот терруар, и теперь любой попытка одного из нас вырваться приведет к тому, что другой истечет кровью.

Я медленно пошла вслед за ним, стараясь попадать в его следы на влажной траве. Это была странная игра - следовать за тем, кого хочешь уничтожить. Но в фехтовании иногда нужно позволить противнику вести, чтобы в нужный момент использовать его же инерцию против него самого.

Когда я подошла к дому, Леон уже стоял на террасе. Он курил, глядя на просыпающуюся долину. Увидев меня, он не шевельнулся, только выпустил облако дыма, которое тут же растворилось в утреннем воздухе.

- Ты забыла это, - сказал он, когда я поднялась по ступеням.

На перилах лежало мое кольцо. Тот самый кусок льда, который я оставила на тумбочке. Как он оказался у него? Он заходил в мою спальню, пока я одевалась? Или он нашел его позже? Мысль о том, что он касался моих личных вещей, вызвала у меня приступ тошноты, смешанной с необъяснимым любопытством.

- Я не забыла. Я просто дала пальцу отдохнуть, - я взяла кольцо, чувствуя, как его металл нагрелся на солнце.

- В нашем бизнесе отдых - это роскошь, которую мы не можем себе позволить, Стефания. Надень его. Сегодня приедут юристы из Лиона. Мы должны выглядеть как пара, которая верит в то, что делает.

- Я надену его, Леон. Но не надейся, что это сделает нашу ложь правдой.

- Правда - это то, что написано в контракте. Все остальное - лирика для дегустационных залов. Иди переоденься. От тебя пахнет землей и поражением.

Он развернулся и ушел в дом, не дожидаясь ответа. Я осталась на террасе, сжимая кольцо в кулаке так сильно, что грани бриллианта впились в кожу. Он был прав - от меня пахло землей. Но он ошибался насчет поражения. Это был не конец боя. Это был только первый раунд, и я только что узнала, что у моего противника нет слабых мест, на которые я рассчитывала.

Я посмотрела на виноградники. Они теперь казались мне не войском, а огромным зеркалом. И в этом зеркале я видела женщину, которая медленно превращается в то, что всегда презирала - в инструмент в чужих руках. Но инструмент может быть острым. И он может сломаться в самый неподходящий для мастера момент.

Я надела кольцо. Оно снова стало холодным.

Завтрак прошел в гробовой тишине. Леон читал финансовые сводки на планшете, я методично резала круассан, превращая его в гору крошек. Мой внутренний голос продолжал анализировать его движения. Он пил кофе без сахара, короткими глотками. Его внимание было сосредоточено, но не напряжено. Это была поза человека, который полностью контролирует ситуацию.

- Твой отец звонил утром, - сказал он, не поднимая глаз от экрана. - Он хочет встретиться.

- И что ты ответил? - я замерла с ножом в руке.

- Что его время теперь принадлежит мне, так же как и его поместье. Я разрешил ему приехать в пятницу. Надеюсь, ты подготовишь его к тому, что я не намерен обсуждать возврат активов.

- Ты жестокий человек, Леон.

- Я эффективный, Стефания. Жестокость требует эмоций. У меня их нет. Есть только целесообразность.

Я посмотрела на него и вдруг поняла, что он не лжет. В нем действительно не было той страсти разрушения, которую я ему приписывала. Была только ледяная пустота расчета. И это было гораздо страшнее. Против ненависти можно бороться. Против алгоритма - нет.

- В пятницу я буду готова, - сказала я, вставая из-за стола. - Но не думай, что мой отец так легко сдастся. Он может быть банкротом, но он все еще Барро.

- Вот именно поэтому я и купил вас обоих, - Леон наконец поднял глаза. В них промелькнула тень чего-то, похожего на скуку. - Потому что бренд Барро работает лучше, когда он находится под надежным управлением.

Я вышла из столовой, чувствуя, как в горле встает ком. Мой центр тяжести снова сместился. Я шла по коридору своего родового дома, который мне больше не принадлежал, и чувствовала себя призраком. Но даже призраки могут оставлять следы.

Я заперлась в кабинете и открыла ноутбук. Если Леон хотел цифр, он их получит. Но я включу в этот отчет такие переменные, о которых его корпоративные аналитики даже не догадываются. Я заставлю его считаться с этой землей, даже если мне придется сжечь ее дотла вместе с собой.

Мои пальцы летали по клавишам. Внутренний критик молчал. Теперь говорил винодел. Тот, кто знает, что за каждым великим вином стоит великая катастрофа. И наша с Леоном катастрофа обещала быть выдающейся. С хорошим телом, долгой выдержкой и горьким послевкусием, которое не смоеет ни одно шампанское в мире.

Я посмотрела в окно. На виноградниках вовсю работали люди. Жизнь продолжалась, несмотря на то, что в главном доме происходила медленная казнь старого мира. Я почувствовала странный прилив сил. Это был адреналин, тот самый, который помогал мне выигрывать поединки на последней секунде.

Леон Барро думал, что он купил виноградник. Он не понимал, что он купил вулкан, который только что начал просыпаться. И я была тем самым подземным огнем, который он так опрометчиво решил присвоить.

Я начала писать: Стратегия устойчивого развития терруара на период 2024-2030. Пункт первый: Отказ от искусственного орошения как фактор сохранения идентичности бренда.

Мои губы тронула холодная улыбка. За нашу прекрасную, лживую жизнь, Леон. Ты даже не представляешь, как дорого она тебе обойдется.

К обеду туман окончательно рассеялся, обнажив каждую трещину на старых стенах поместья. Я видела Леона из окна - он ходил по двору с телефоном у уха, раздавая указания. Его движения были резкими, властными. Он уже начал менять это место под себя. Но земля под его ногами все еще принадлежала мне - по праву памяти, по праву боли, по праву вкуса, который он только что попробовал на кончике своего языка.

Мы были связаны. Плотнее, чем я хотела признавать. Как лоза и подвой. Мы могли ненавидеть друг друга, но наше выживание теперь было общим делом. И в этом клинче я не собиралась быть той, кто первый отведет клинок.

Я снова посмотрела на кольцо. Оно сверкало в лучах полуденного солнца, холодное и неоспоримое. Мой трофей. Мои кандалы. Мой щит.

Я вернулась к работе. Впереди был долгий день, и еще более долгая жизнь в тени человека, который решил, что может владеть вкусом терруара. Он ошибался. Вкусом нельзя владеть. Его можно только прочувствовать. И я собиралась устроить ему такую дегустацию, которую он не забудет до конца своих дней.

Внутренний голос отца на этот раз промолчал. Возможно, он тоже ждал, чем закончится этот выпад. А я знала одно: в фехтовании, как и в виноделии, самое важное - это выдержка. И у меня ее было гораздо больше, чем Леон Барро мог себе представить.

ГЛАВА 8: Параметры сделки

Кухня Леона Барро выглядела как операционная, в которой вместо скальпелей использовали дизайнерские ножи и вакуумные упаковщики. Все поверхности из серого полированного бетона, холодные настолько, что, кажется, прикоснись к ним лбом - и мысли мгновенно кристаллизуются, превращаясь в аккуратные кубики льда. Никакого запаха еды. Только стерильный аромат дорогого чистящего средства и едва уловимый шлейф его парфюма - горький апельсин, ветивер и что-то металлическое, напоминающее запах свежезаточенного клинка.

Он сидел за островом, спина прямая, плечи развернуты. Его центр тяжести идеально выверен. Если бы мы сейчас стояли на дорожке, я бы знала, что он не пойдет в атаку первым. Он будет ждать моего выпада, чтобы поймать на противохвате. Мой отец всегда говорил: Стефания, никогда не смотри в глаза противнику, смотри на его грудную клетку, там рождается движение. Но Леон Барро ломал эту схему. Его дыхание было настолько ровным, что грудная клетка казалась неподвижной плитой.

На бетонной столешнице лежал контракт. Пятьдесят листов плотной бумаги, скрепленных тяжелым зажимом. Пятьдесят пунктов нашей общей несвободы. Пачка документов выглядела массивной, как техническая карта великого вина, где расписан каждый грамм диоксида серы и каждая минута мацерации. Только здесь вместо сахара и кислоты измерялись границы моего терпения и цена моего молчания.

- Читай внимательно, - сказал он, не оборачиваясь ко мне.

Его голос был как выдержанный брют - сухой, колючий, бьющий в небо без предупреждения. Он не предлагал мне присесть. В этом пространстве я была не гостьей и даже не невестой, а активом, который проходит аудит.

Я подошла ближе, чувствуя кожей спины холод оконного стекла. Мои пальцы коснулись края бумаги. Текстура была приятной, дорогой. Такая бумага не терпит дешевых чернил. Я начала читать, пропуская юридическую шелуху про стороны и обязательства. Мой внутренний критик, обладающий баритоном отца в его лучшие годы, тут же включился: Держи дистанцию, Сеша. Он сокращает ее не ради близости, а ради удара.

Пункт четыре: Стороны обязуются соблюдать режим конфиденциальности в отношении любых аспектов совместного проживания.

Пункт семь: Публичные выходы осуществляются по предварительному согласованию не менее чем за сорок восемь часов.

Пункт двенадцать: Финансовое обеспечение Стефании де Вальер ограничено ежемесячным бюджетом на представительские расходы...

Я усмехнулась, чувствуя, как в горле скапливается желчь. Представительские расходы. Как будто я - это фасад здания, которое он купил по дешевке и теперь обязан подкрашивать, чтобы соседи не жаловались на упадок района.

- Ты забыл вписать пункт о том, сколько раз в неделю я должна улыбаться твоим акционерам, Леон, - произнесла я, не отрывая взгляда от текста. - Или это входит в стандартный пакет услуг?

Он медленно повернул голову. Его взгляд был неподвижным. Леон не тратил энергию на лишнюю мимику. Он знал, что тишина работает лучше любого аргумента.

- В четырнадцатом пункте указано твое участие в благотворительных ужинах и презентациях новых релизов, - спокойно ответил он. - Улыбка подразумевается по умолчанию. Ты же профессионал, Стефания. Де Вальеры всегда славились своим умением держать лицо, даже когда их подвалы затапливало плесенью.

Это был укол в плечо. Точный, быстрый, болезненный. Он напомнил мне о том, как отец стоял перед репортерами в тот день, когда банк наложил арест на виноградники. У него дро-

жали руки, но он поправлял запонки так, словно готовился к приему у министра. Это достоинство банкрота всегда казалось мне самым жалким зрелищем на свете.

Я перелистнула страницу. Мое тело работало в режиме низкой боевой готовности. Мышцы бедер напряжены, стопы плотно прижаты к полу. Я искала уязвимость в этом тексте, как ищут дефект в вине - избыточную летучую кислотность или привкус пробки.

- Пункт тридцать два, - я зачитала вслух. - Распределение жилого пространства. Спальни сторон являются приватными зонами.

- Логично, - бросил он.

- Недостаточно подробно, - я взяла ручку, лежащую рядом. Это был тяжелый Монблан, холодный и весомый. - Я добавлю подпункт. Вход в мою спальню без предварительного стука и моего явного согласия запрещен в любое время суток. Даже если дом будет гореть, Леон, сначала постучи.

Я ожидала сопротивления. Ожидала, что он начнет говорить о супружеском долге или о том, что в его доме нет закрытых дверей. Но он просто смотрел, как я вписываю эти слова своим размашистым, острым почерком. Мои буквы были похожи на зазубрины пилы.

- Ты боишься, что я не удержусь? - в его голосе проскользнула тень иронии, такая тонкая, что ее можно было принять за галлюцинацию.

- Я боюсь нарушения границ. У меня на них аллергия с тех пор, как судебные приставы начали описывать мебель в моем детском саду.

Я закончила писать и протянула ему ручку. Наши пальцы не соприкоснулись. Мы соблюдали дистанцию так тщательно, словно между нами была натянута колючая проволока под током.

Леон взял контракт, перевернул последнюю страницу и расписался, не глядя на мои правки. Его подпись была короткой, как приговор. Он швырнул ручку на стол. Она покатилась, издавая сухой, стучащий звук по бетону, и остановилась у самого края.

- Готово, - сказал он. - Пятьдесят один пункт. Теперь мы официально партнеры по несчастью.

- Это не брак, Леон. Это пакт о ненападении. С четко прочерченными демилитаризованными зонами.

- Называй это как хочешь. Пока это спасает твои виноградники от продажи с молотка, ты можешь считать это хоть научной диссертацией.

Я смотрела на него и видела не человека, а сложную структуру, которую мне предстояло дешифровать. Он был как вино из региона с плохим терруаром, которое, вопреки всему, получилось великим. В нем была сила, но не было тепла. В нем была структура, но не было души. Мой отец всегда говорил, что вино без души - это просто спиртосодержащий раствор с танинами. Леон Барро был самым дорогим в мире спиртосодержащим раствором.

Он поднялся со стула. Его движение было плавным, без замаха. В фехтовании это называется скрытым началом атаки.

- Завтра утром приедут грузчики, - сообщил он, глядя куда-то поверх моей головы. - Твои вещи перевезут в поместье.

- В какое поместье? - я нахмурилась. - Мы разве не остаемся здесь?

- Этот дом выставлен на продажу. Мы переезжаем в общий дом. Тот, который я купил в прошлом месяце. Он ближе к производству и лучше подходит для нашего... легендирования.

- И сколько там спален, Леон? В этом твоём новом проекте?

Он посмотрел на меня в упор. В его глазах не было ни злости, ни азарта. Только холодный расчет гроссмейстера, который уже видит мат в три хода.

- Там нет гостевых комнат, Стефания. И планировка довольно... специфическая. Это историческое здание, перепланировка запрещена законом. Так что твоя поправка о стуке в дверь будет очень кстати. Нам придется делить одно крыло.

Я почувствовала, как по позвоночнику пробежал холод. Это не был страх, это было осознание того, что я пропустила выпад. Я так сосредоточилась на тексте контракта, что забыла о физическом пространстве.

- Ты намеренно это сделал, - я выпрямила спину до боли в лопатках. - Ты нашел дом, где мы будем сталкиваться локтями каждую минуту.

- Я нашел дом, который выглядит как родовое гнездо, - отрезал он. - Рынок должен верить, что мы не просто спим в разных кроватях под одной крышей, а строим империю. А империя не строится в разных концах города.

- Мы не будем строить империю. Мы будем просто выживать.

- Разница только в масштабе терминологии, - он подошел к окну и замер, глядя на город, который уже начинал тонуть в вечерних сумерках. - Завтра в восемь утра. Будь готова. И не бери с собой лишний хлам. Только то, что соответствует твоему новому статусу.

Я хотела что-то ответить. Что-то резкое, бьющее под дых, напоминающее ему о том, что мой статус не покупается вместе с домом. Но слова застряли в горле. Внутренний голос отца сухо произнес: Анализируй потери, Сеша. Потери были очевидны: моя автономия таяла, как лед в бокале дешевого шардоне.

Я развернулась и пошла к выходу, стараясь, чтобы мой шаг был твердым. Мои туфли стучали по бетону, и этот звук казался мне ритмом метронома, отсчитывающего последние часы моей прежней жизни.

Когда я уже была у двери, Леон произнес, не оборачиваясь:

- И еще одно. В том доме отличный погреб. Но ключи будут у меня.

Я замерла, рука на ручке двери. Это был последний выпад. Самый болезненный. Лишить винодела доступа к погребу - это все равно что лишить фехтовальщика зрения.

- Мы договоримся о дегустациях, - бросила я, не оборачиваясь. - Или я просто выбью замок. У меня отличная координация, ты же знаешь.

Я вышла, не дожидаясь ответа.

Вечерний воздух снаружи показался мне слишком влажным, слишком живым после стерильной кухни Леона. Я села в машину и несколько минут просто смотрела на свои руки. Они не дрожали. Это была хорошая новость. Плохая новость заключалась в том, что я начинала привыкать к этому состоянию постоянного клинча.

Мы были как две лозы, посаженные слишком близко на скудной почве. Мы будем бороться за каждый глоток воды, за каждый луч солнца, сплетаясь корнями так плотно, что в конце концов станет непонятно, где заканчивается моя гордость и начинается его расчет.

Я завела мотор. Впереди была ночь в пустом доме, который мне больше не принадлежал, и утро в доме, который никогда не станет моим.

Дорога до моего поместья заняла меньше времени, чем обычно. Город словно расступался, не желая задерживать меня в этом промежуточном состоянии между "было" и "стало". Я ехала мимо виноградников, которые в сумерках казались застывшим войском. Ряды лоз уходили в бесконечность, их черные силуэты на фоне темно-синего неба напоминали графику, нарисованную тушью.

Это была моя земля. Моя боль. Мой единственный аргумент в споре с Богом и Леоном Барро.

Войдя в дом, я первым делом направилась в кабинет отца. Там до сих пор пахло старой кожей, табаком и пылью - запах увядания, который невозможно выветрить. Я села в его кресло. Оно было слишком велико для меня, я буквально тонула в нем, чувствуя себя ребенком, который примеряет доспехи великана.

На столе лежала папка с отчетами о состоянии почвы. Я знала их наизусть, но все равно открыла. Фосфор, калий, азот. Уровень кислотности. Содержание гумуса. Эти цифры были понятнее, чем пункты контракта. Почва не умеет лгать. Она либо дает жизнь, либо отвергает

ее. Леон Барро был почвой с высоким содержанием известняка - холодной, твердой, требующей колоссальных усилий для того, чтобы на ней хоть что-то проросло.

- Ты совершаешь ошибку, - произнес голос отца в моей голове. Он звучал так отчетливо, что я невольно оглянулась на дверь. - Тыходишь в ближний бой без защиты.

- У меня нет выбора, папа, - прошептала я в пустоту кабинета. - Или ближний бой, или капитуляция. Ты сам учил меня, что проигрыш в атаке почетнее, чем трусость в обороне.

Я вспомнила свою последнюю тренировку перед тем, как бросить фехтование. Мне было девятнадцать. Отец стоял у края дорожки, скрестив руки на груди. Я сражалась с парнем, который был выше и сильнее меня. Он давил, он просто вытеснял меня за линию, используя свой вес. Я злилась, я пыталась пробить его защиту грубой силой, и каждый раз получала встречный удар.

- Стефания! - крикнул тогда отец. - Перестань бороться с его массой. Используй его инерцию. Позволь ему думать, что он побеждает, и в тот момент, когда он расслабится, сократи дистанцию до минимума.

В тот день я выиграла. Я позволила ему загнать меня в угол, а потом, когда он замахнулся для финального удара, я просто нырнула под его руку. Это был риск, физиологический предел моих возможностей. Мое тело тогда сработало как пружина.

Сейчас Леон Барро был тем самым противником. Он давил массой своих денег, своих контрактов, своей ледяной уверенности. И мой переезд в его дом - это и был тот самый маневр. Я вхожу в его личное пространство не как жертва, а как вирус. Я буду изучать его привычки, его слабости, его ночные кошмары. Я стану частью его интерьера, пока не пойму, как этот интерьер разрушить.

Я поднялась в свою спальню и начала собирать вещи. Это было странное занятие. Что нужно брать с собой на войну, которая замаскирована под медовый месяц?

Я открыла шкаф. Шелковые платья, которые я носила на дегустации. Кашемировые свитеры цвета мокрого асфальта. Мои старые фехтовальные брюки - я не надевала их годами, но почему-то сейчас они казались мне важнее, чем вечерние наряды. Я бросила их в чемодан первыми.

Потом я пошла в ванную и начала сгребать с полок свои кремы и флаконы. Мои движения были резкими. Я случайно задела флакон с духами, и он со звоном упал в раковину. Не разбился, но звук был такой, словно что-то треснуло внутри меня.

Я замерла, глядя на свое отражение в зеркале. Бледная кожа, глаза, в которых застыла холодная ярость. Я не выглядела как женщина, которая готовится к свадьбе. Я выглядела как человек, который готовится к длительной осаде. Моя спина была прямой, как натянутая струна. Физическая память подсказывала: если ты сейчас расслабишься, ты упадешь и больше не встанешь.

В два часа ночи я закончила. Три чемодана. Все, что осталось от Стефании де Вальер, свободной женщины. Теперь я была Стефанией Барро в проекте.

Я легла на кровать, не раздеваясь. Сон не приходил. Вместо него приходили образы нового дома, о котором говорил Леон. Историческое здание. Нет гостевых комнат. Одно крыло на двоих.

Это была ловушка, сконструированная с эстетическим совершенством. Он хотел видеть мой слом в режиме реального времени. Он хотел наблюдать, как я буду завтракать, как я буду ходить по коридорам, как я буду пытаться сохранить остатки приватности за дверью, в которую он будет стучать - или не будет.

Я представила его шаги. Леон ходил почти бесшумно, но я знала, что смогу отличить его походку от любой другой. У него был тяжелый шаг человека, который привык владеть землей, по которой он идет. Каждое его движение было наполнено осознанием собственного превосходства.

Мое тело отозвалось на эти мысли странным напряжением. Это не было влечение, скорее инстинкт самосохранения. Когда хищник находится рядом, все чувства обостряются. Ты начинаешь слышать движение воздуха, чувствовать изменение температуры.

Завтра мне придется делить с ним не только фамилию, но и воздух.

В восемь утра, как он и обещал, у ворот поместья стоял черный фургон и его машина. Леон не вышел из салона. Он сидел за рулем, глядя в лобовое стекло, словно я была просто очередным пунктом в его расписании между утренним кофе и совещанием директоров.

Грузчики работали быстро и молча. Они выносили мои чемоданы так, словно это были коробки с архивными документами. Я стояла на крыльце, кутаясь в тонкое пальто. Утренний туман лежал на виноградниках, как белое сатиновое одеяло.

- Прощайся, Стеша, - голос отца был сухим. - Земля остается, а ты уходишь. Сделай так, чтобы она тебя ждала.

Я коснулась ладонью каменной колонны крыльца. Камень был влажным и холодным.

- Я вернусь, - прошептала я. - Я вернусь хозяйкой, а не заложницей.

Я спустилась по ступеням и подошла к машине Леона. Он опустил стекло. Его лицо в утреннем свете казалось вырезанным из слоновой кости - безупречным и непроницаемым.

- Садись, - сказал он. - Мы опаздываем.

- Куда? - я села на пассажирское сиденье, чувствуя запах его кожаного салона.

- У нас встреча с архитектором. В новом доме. Ты же хотела обсудить границы? Вот и обсудишь их на чертежах.

Он тронул машину с места. Мы ехали по гравийной дорожке, и звук камней под колесами казался мне аплодисментами на моих похоронах.

Новый дом находился в долине, скрытой от посторонних глаз густыми зарослями столетних дубов. Это было здание из серого камня, с высокими узкими окнами и тяжелой дубовой дверью. Оно выглядело как крепость, которую переделали под жилье, но забыли убрать атмосферу каземата.

- Твой вкус в архитектуре так же консервативен, как и в бизнесе, Леон, - заметила я, выходя из машины.

- Это здание принадлежало твоим предкам триста лет назад, - спокойно ответил он, доставая ключи. - Потом они его проиграли в карты или пропили, история умалчивает. Я просто вернул его в семью. Технически.

Это был удар под дых. Он не просто купил дом, он купил мою историю и преподнес мне ее как клетку.

Мы вошли внутрь. Холл был огромен, с полами из темного дерева и массивной лестницей, уходящей вверх. В воздухе стоял запах свежей краски и старого камня.

- Твое крыло - на втором этаже, направо, - Леон указал рукой на лестницу. - Мое - налево. В центре - библиотека и общая гостиная.

Я начала подниматься по лестнице, чувствуя, как каждый шаг отдается в коленях. Мое тело было в состоянии предельной концентрации. Я оценивала высоту ступеней, ширину перил, углы обзора. Это была новая площадка для фехтования.

Когда мы зашли в предназначенную мне часть дома, я замерла. Это была огромная комната с эркером, выходящим на реку. Но самое главное - дверь. Между моей спальней и его кабинетом была двойная дверь, массивная, с тяжелыми бронзовыми ручками.

- Здесь нет замка, Леон, - я обернулась к нему.

Он стоял в дверном проеме, прислонившись к косяку. Его поза была расслабленной, но я видела, как напряжены его предплечья.

- Замки - это для тех, кто не доверяет своим контрактам, Стефания. Ты сама вписала пункт о стуке. Вот и проверим твою веру в юридическую силу слова.

Он подошел ближе. Дистанция сократилась до критической. Я чувствовала тепло, исходящее от его тела, и это тепло было самым пугающим в этой комнате. Он был реальным. Он не был просто строчкой в документе или голосом по телефону.

Леон протянул руку и коснулся моей щеки. Его пальцы были холодными, но прикосновение обожгло меня, как ледяной металл на морозе. Это не был жест нежности. Это был жест маркировки. Так винодел проверяет зрелость ягоды, слегка сжимая ее пальцами.

- Добро пожаловать домой, жена, - произнес он так тихо, что я скорее почувствовала вибрацию его голоса, чем услышала слова.

Я не отвела взгляд. Я выпрямила спину, чувствуя, как позвоночник превращается в стальной стержень.

- Это не дом, Леон. Это поле боя. И я советую тебе не снимать доспехи даже во сне.

Он усмехнулся - впервые я видела на его лице нечто, похожее на искреннюю эмоцию. Это был азарт охотника, который обнаружил, что добыча собирается отбиваться.

- Я никогда не сплю, Стефания. Это вредно для бизнеса.

Он развернулся и вышел, закрыв за собой дверь. Звук закрывшейся двери был сухим и окончательным, как щелчок затвора.

Я осталась одна в огромной комнате, наполненной чужими вещами и моей собственной яростью. Я подошла к окну. Внизу, у реки, туман начал рассеиваться, открывая вид на виноградники, которые теперь принадлежали человеку, стоящему за этой дверью.

Мой внутренний критик молчал. Возможно, даже отец не знал, что делать в ситуации, когда противник захватил твою крепость и предложил тебе в ней поужинать.

Я посмотрела на свои руки. Они были спокойны. Я подошла к чемодану, достала свои фехтовальные брюки и аккуратно положила их на кровать. Это был мой флаг. Моя декларация независимости.

Вечер обещал быть долгим. Предстоял первый совместный ужин, который, судя по всему, станет первой пробой сил в этом замкнутом пространстве. Я знала, что он будет использовать вино как инструмент давления. Он выставит на стол что-то редкое, что-то, что я обязана буду оценить, признавая его вкус и его право собственности.

Но он забыл об одном. Вино - это не только вкус. Это еще и послевкусие. И я собиралась сделать так, чтобы послевкусие от этого брака преследовало его до конца жизни.

Я начала распаковывать вещи, методично заполняя шкафы своей одеждой. Каждое платье, повешенное на вешалку, ощущалось как занятая позиция. Моя косметика в ванной, мои книги на полке - я метила территорию, создавая свой собственный терруар внутри его стерильного мира.

Когда я дошла до последнего чемодана, на дне я обнаружила старую рапиру. Я не помнила, как она там оказалась - возможно, я положила ее в порыве бессознательного желания защититься. Я вытащила ее из чехла. Клинок тускло блеснул в свете ламп.

Я сделала выпад в сторону пустой стены. Движение было безупречным. Мышцы помнили все: наклон корпуса, разворот кисти, перенос веса.

- Защита в шестой позиции, Стефания, - прошептала я сама себе. - И никогда не показывай, что тебе больно.

В дверь постучали. Три коротких, размеренных удара.

- Ужин через пятнадцать минут, - раздался голос Леона за дверью. - Не опаздывай. Я открыл бутылку Шато Марго девяносто шестого года. Надеюсь, твой нос сегодня в форме.

Я посмотрела на дверь. Пункт тридцать два работал. Он постучал. Это была маленькая победа, крошечный клочок земли, который я отвоевала.

- Мой нос всегда в форме, Леон, - ответила я, глядя на свое отражение в зеркале. - Вопрос в том, готов ли твой погреб к моим оценкам.

Я положила рапиру на кровать рядом с фехтовальными брюками и пошла переодеваться. Для этого вечера мне нужно было что-то особенное. Что-то, что будет выглядеть как вечернее платье, но ощущаться как кольчуга.

Я выбрала черное платье из плотного шелка с открытой спиной. Оно облегло тело, не стесняя движений. В нем я почувствовала себя маневренной.

Спускаясь по лестнице, я слышала, как в столовой звенят приборы. Этот звук был похож на звон скрещенных клинков. Наше общее выживание только что вступило в фазу активных переговоров. И я была готова к каждому пункту этой сделки.

В столовой горели свечи. Леон сидел во главе длинного стола, и в свете огня его лицо казалось еще более жестким. Перед ним стояли два бокала и декантер, в котором дышало вино. Цвет был глубоким, почти черным - цвет крови и старого золота.

- Садись, - он указал на стул напротив. - Нам нужно обсудить завтрашнюю пресс-конференцию.

Я села, чувствуя, как аромат вина наполняет пространство. Это был великий год. Сложный, танинный, с бесконечным потенциалом.

- Сначала дегустация, Леон, - я взяла бокал. - Я не подписываю контракты и не обсуждаю стратегию на пустой желудок и без понимания того, что мы пьем.

Он посмотрел на меня, и в его глазах я увидела уважение, смешанное с раздражением. Это был идеальный коктейль.

- Хорошо, Стефания. Дегустируй. Но помни: у этого вина очень долгое послевкусие. Как и у нашего соглашения.

Я поднесла бокал к губам. Вино было холодным, но в нем скрывалась мощь вулкана. Я сделала глоток, позволяя жидкости распределиться по всему небу.

- Слишком много дуба, Леон, - сказала я, глядя ему прямо в глаза. - Вино пытается казаться сильнее, чем оно есть на самом деле. Ему не хватает честности. Прямо как нашему союзу.

Он молча поднял свой бокал. Мы чокнулись, и звук столкнувшегося хрусталя прозвучал как сигнал к началу первого раунда.

Битва за терруар началась официально. И я не собиралась уступать ни пяди этой земли. Даже если эта земля теперь

ГЛАВА 9: Нарушение баланса

Воздух в этой спальне пах свежим деревом и чем-то стерильным, как в операционной перед началом сложной процедуры. Мои туфли на тонком каблучке тонули в ворсе ковра, который был слишком мягким, слишком податливым - такая поверхность не дает опоры для выпада, она крадет твою скорость, превращая любое движение в вязкую имитацию жизни. Я стояла в дверях, чувствуя, как внутри меня медленно, по миллиметру, закипает ледяная ярость. Это была не та ярость, от которой кричат. Это была сухая, расчетливая злость, какая бывает, когда противник наносит укол вне рамок этикета, а судья делает вид, что ничего не заметил.

Я прошла вглубь комнаты. Огромная кровать, застеленная темно-серым бельем, напоминала гранитную плиту. Ни одной складки. Леон любит порядок, который граничит с патологией. Для него мир - это чертеж, где каждая линия обязана быть прямой. Но настоящая катастрофа ждала меня за дверцами гардеробной.

Когда я открыла створку, у меня свело челюсть. Мои вещи. Мои шелковые блузки, которые я выбирала с таким трудом, мои кашемировые свитеры, мои брюки с идеальными стрелками - все они были развешаны вперемешку с его тяжелыми костюмами и крахмальными рубашками. Мой гардероб больше не принадлежал мне. Он был ассимилирован. Мой нежно-голубой шелк соприкасался с его грубой шерстью цвета антрацита. Это выглядело как акт тихой агрессии. Как оккупация территории, которую я считала своим последним рубежом.

Я коснулась рукава своей блузки. Ткань казалась чужой. В фехтовании это называется потеря дистанции. Если противник подошел слишком близко, ты не можешь маневрировать. Ты либо идешь в клинч, либо отступаешь, рискуя вылететь за пределы дорожки. Леон не просто перевез мои вещи. Он стер границы. Он перемешал наши жизни так, как перемешивают сорта винограда в дешевом купаже, чтобы скрыть недостатки плохого урожая.

В голове тут же включился голос отца. Стефания, контроль - это не то, что ты имеешь, это то, что ты создаешь каждую секунду. Если ты позволила кому-то переставить твою мебель, ты позволила ему переписать твою биографию. Отец всегда говорил это, когда мы проверяли погреб. Каждая бочка должна стоять на своем месте. Каждая бутылка должна знать свой ряд. Порядок - это единственное, что отделяет нас от хаоса банкротства.

Я начала хватать вешалки. Резко, дергано. Металл звякал о металл, и этот звук отдавался в моем затылке. Я сбрасывала одежду на пол, потом начала стаскивать коробки, которые еще не успели распаковать до конца. Мне нужно было физическое препятствие. Мне нужна была баррикада. Я тащила тяжелые кофры, чувствуя, как напрягаются мышцы спины. Правое плечо - старая травма после юниорского чемпионата в Лионе - отозвалось тупой, привычной болью. Тогда я пропустила встречный выпад, потому что на секунду залюбовалась тем, как свет играет на маске соперницы. Боль - хороший учитель. Она напоминает, что ты еще жива и что ты все еще в игре.

Я громоздила коробки одну на другую прямо посреди комнаты, разделяя пространство на две неравные части. Моя зона. Его зона. Демаркационная линия прошла по ворсистому ковру. Я знала, что это выглядит по-детски. Я знала, что это истерика, облеченная в форму логистического абсурда. Но в этот момент мне было плевать. Я чувствовала, как мой центр тяжести, сместившийся после подписания контракта, начинает медленно возвращаться на место.

- Ты решила заняться дизайном интерьеров или просто проверяешь прочность картона?

Голос Леона разрезал тишину комнаты, как скальпель. Я не вздрогнула. Я знала, что он там. Я чувствовала его присутствие кожей спины еще за минуту до того, как он заговорил. У него была манера передвигаться почти бесшумно, несмотря на его рост и вес. Он всегда

распределял массу тела так идеально, что его шаги не выдавали намерений. Это была походка человека, который привык охотиться, а не договариваться.

Я медленно выпрямилась. Позвоночник хрустнул. Я развернулась, стараясь сохранять лицо непроницаемым, как этикетка элитного вина. Леон стоял в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку. Его пиджак был расстегнут, галстук чуть ослаблен, но в этой мнимой небрежности было больше угрозы, чем в полной амуниции. Он смотрел на меня своим фирменным взглядом - холодным, аналитическим, лишенным даже намека на сочувствие.

- Мои вещи не должны лежать рядом с твоими, Леон, - сказала я, голос прозвучал суше, чем я планировала. - Это вопрос гигиены. Иерархии. Называй как хочешь.

- Гигиены? - он слегка приподнял бровь. - Мы женаты, Стефания. По крайней мере, на бумаге, которая стоит больше, чем все виноградники твоего отца вместе взятые. Полагаю, совместное хранение хлопка и шелка - это меньшая из твоих проблем.

- На бумаге мы партнеры по сделке, - я сделала шаг к нему, но остановилась у своей баррикады из коробок. - Партнеры не перебирают чужое белье без разрешения. Ты нарушил условия.

- Какое именно условие? - он прошел в комнату, и я почувствовала волну его парфюма - сандал, кожа и что-то металлическое. - Пункт о суверенитете вешалок? Я его пропустил. Наверное, был слишком занят, спасая твое имя от окончательного забвения в списке неплатежеспособных должников.

- Ты не спас мое имя. Ты его купил. Это разные вещи.

Я смотрела на него, оценивая его стойку. Он стоял слишком уверенно. Ноги чуть шире плеч, руки в карманах брюк. Он контролировал это пространство. Он был владельцем этого замка, а я была трофеем, который он зачем-то решил поселить в своей спальне. В его глазах не было желаний сломать меня физически, он хотел чего-то более изощренного. Он хотел, чтобы я сама признала свое поражение. Чтобы я добровольно сложила оружие и сказала: Да, Леон, ты победил, делай со мной что хочешь.

Ни за что.

- Тебе не нравится, как я разложил вещи? - он сделал еще шаг. Теперь нас разделяла только стопка коробок с моей обувью. - Можешь переложить их обратно. Можешь даже выкинуть их в окно, если тебе станет легче. Но это не изменит того факта, что ты здесь. И что эта кровать - общая.

- Я не буду спать в одной постели с человеком, который считает меня строчкой в налоговой декларации.

Леон усмехнулся. Это была не добрая улыбка, а короткий оскал хищника, который забавляется с добычей. Он медленно обошел мою баррикаду, и я невольно сделала полшага назад. Моя спина уперлась в холодную дверцу шкафа. Ловушка. Я сама загнала себя в угол, пытаюсь построить крепость.

- Ты слишком много значения придаешь символам, Стефания. Кровать, одежда, вино... Это все внешняя атрибутика. Суть в том, что ты проиграла. Ты пришла ко мне с протянутой рукой, задрапированной в фамильную гордость. Я дал тебе то, что ты просила. Теперь я устанавливаю правила игры.

- Правила игры не включают в себя аннексию моего личного пространства.

- Твое личное пространство закончилось там, где ты поставила свою подпись под контрактом, - его голос стал тише, и от этого он звучал еще опаснее. - Ты хотела безопасности? Получай. Но безопасность всегда имеет цену. И твоя цена - это отсутствие выбора.

Он стоял так близко, что я видела крошечный шрам у него над бровью. Раньше я его не замечала. Интересно, откуда он? Драка в юности? Или результат какой-то другой, более сложной сделки? Его дыхание коснулось моего лица. Оно пахло тем самым вином, которое мы пили внизу. Терпким, мощным, с привкусом земли и дуба.

Мое тело отреагировало вопреки моей воле. Мышечная память подсказала: опасная близость, нужно разорвать дистанцию. Но отступать было некуда. Я выпрямила спину, чувствуя, как каждый позвонок встает на место. Я не позволю ему увидеть, что мне страшно. Страх - это дефект вкуса. Это пробка в бутылке дорогого вина, которая портит всё содержимое.

- Ты можешь заставить меня жить здесь, Леон. Ты можешь заставить меня носить кольцо, которое весит больше, чем моя совесть. Но ты не можешь заставить меня подчиняться в мелочах. Я переложу эти вещи. И я не лягу в эту кровать.

Леон посмотрел на мои нагроможденные коробки, потом на меня. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на скуку, смешанную с легким любопытством. Так смотрят на сложный механизм, который внезапно начал давать сбои.

- Знаешь, Стефания, в чем твоя главная проблема? Ты думаешь, что жизнь - это фехтовальный поединок. Ты ждешь команды К бою, ждешь, что будут судьи и правила. Но здесь нет судей. И правил тоже нет. Есть только результат.

Он протянул руку. Я замерла, ожидая удара или прикосновения, но он просто взял одну из моих коробок и с грохотом швырнул ее на кровать.

- Если тебе так дорога твоя независимость, спи на коробках. Спи на полу. Спи стоя, как лошадь, если твоя гордость для тебя важнее комфорта. Мне плевать. Я не собираюсь уговаривать тебя быть разумной. Но запомни: в этом доме всё принадлежит мне. Включая воздух, которым ты сейчас так возмущенно дышишь.

Он развернулся и пошел к выходу. Его движения были ленивыми и уверенными. Он не оглядывался. Он знал, что оставил за собой выжженную землю.

- Леон! - окликнула я его.

Он остановился, не оборачиваясь.

- Это вино, которое мы пили... - я сглотнула, чувствуя сухость в горле. - Ты был прав. У него слишком долгое послевкусие. Оно отдает горечью.

- Это не вино горькое, Стефания, - бросил он через плечо. - Это твоя реальность. Привыкай к вкусу.

Дверь за ним закрылась с негромким, но окончательным щелчком. Я осталась одна в окружении разбросанной одежды и картонных стен своей импровизированной крепости. Колени внезапно стали слабыми, как будто из них вынули стержни. Я опустилась на пол прямо там, где стояла, среди шелка и шерсти.

В комнате стало тихо, так тихо, что я слышала собственное сердцебиение. Оно было неровным, сбитым. Мой баланс был нарушен. Я чувствовала себя так, словно меня вытолкнули на лед в балетных туфлях. Каждый раз, когда я пыталась занять устойчивую позицию, Леон менял наклон поверхности.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали. Это было недопустимо. Фехтовальщица с дрожащими руками - это труп. Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль помогла сосредоточиться.

Отец всегда говорил, что банкротство начинается не с пустых счетов, а с потери достоинства. Когда ты начинаешь соглашаться на меньшее, чем заслуживаешь. Когда ты позволяешь обстоятельствам диктовать тебе, кто ты есть. Я видела, как он ломался. Это происходило медленно. Сначала он перестал носить дорогие часы. Потом начал сутулиться. А в конце он просто перестал смотреть людям в глаза. Он стал тенью самого себя, призраком в собственном доме, который ему больше не принадлежал.

Я не буду такой. Я не стану тенью в доме Леона.

Я поднялась и начала разбирать баррикаду. Но не для того, чтобы вернуть вещи в шкаф. Я начала методично перекладывать одежду из коробок обратно, но по-своему. Я создавала свой собственный порядок внутри его системы. Это был тихий саботаж. Если он хотел, чтобы я была здесь, он получит мое присутствие, но на моих условиях.

Я вытащила его рубашки из центральной секции и перевесила их в самый край. Свои платья я расположила так, чтобы они создавали яркое пятно, своего рода визуальный шум в его монохромном мире. Это была мелкая месть, но в нашей ситуации мелочи были единственным доступным мне оружием.

Пока я работала, я думала о том, что он сказал. Спи на полу. Он действительно думал, что может меня этим задеть? Я проводила ночи в тренировочных лагерях, где кровати были жестче, чем этот ковер. Я спала в аэропортах, ожидая рейсов на соревнования. Физический дискомфорт был для меня привычной средой. Леон ошибался, если думал, что роскошь этого особняка сделала меня мягкой.

Я подошла к окну. За стеклом расстилались виноградники. В лунном свете они казались серебряными нитями, прошивающими землю. Эта земля была моей. По праву крови, по праву памяти. Леон мог владеть документами, но он никогда не поймет эту землю так, как я. Он не знает, как пахнет почва после первого дождя в сентябре. Он не чувствует, как лоза вибрирует под пальцами, когда в ней просыпается сок. Для него это активы. Для меня это пульс.

Мой взгляд упал на столик у окна, где стоял графин с водой и два стакана. На подносе лежала записка, написанная размашистым, мужским почерком. Завтра в семь утра мы едем на винодельню. Будь готова. Без опозданий.

Никаких просьб. Никаких пожалуйста. Только приказы.

Я скомкала записку и бросила ее в корзину. В семь утра. Значит, у меня есть несколько часов, чтобы восстановить силы.

Я посмотрела на огромную кровать. Она выглядела как поле боя после сражения. Я стянула тяжелое покрывало и бросила его на пол в углу, подальше от его стороны. Я нашла в одной из коробок свой старый спортивный костюм - потертый, с эмблемой клуба, которую уже почти не было видно. В нем я чувствовала себя защищенной. Это была моя броня.

Я легла на покрывало, расстеленное на полу. Жестко. Холодно. Идеально.

Мое тело постепенно расслаблялось. Мышцы, привыкшие к нагрузкам, благодарно принимали твердую поверхность. Я закрыла глаза, и перед моим внутренним взором поплыли образы. Блеск рапиры. Звон стали. Холодные глаза Леона.

Он думает, что захватил мою территорию. Он думает, что я сломлена, потому что сплю на полу в своей собственной спальне. Но он не понимает одной простой вещи. В фехтовании иногда нужно отступить, чтобы подготовить почву для решающей атаки. Иногда нужно позволить противнику думать, что он ведет бой, чтобы в нужный момент поймать его на ошибке.

Леон самоуверен. Он считает, что изучил меня. Он видит во мне разоренную аристократку, которая цепляется за остатки былого величия. Он не видит во мне бойца. И это будет его главной ошибкой.

Я чувствовала, как сон медленно накрывает меня, но мой разум продолжал работать, анализируя каждое его слово, каждое движение. Я искала его центр тяжести. Я искала ту точку, нажав на которую, я смогу вывести его из равновесия. У каждого человека есть такая точка. Даже у таких машин, как Леон.

Его травма - недоверие. Он не верит в искренность, потому что сам привык все покупать. Он ждет от меня манипуляций, ждет, что я буду соблазнять его или умолять. Он готов к нападению, но он не готов к честности. Прямо как то вино.

Я сделала глубокий вдох. Воздух все еще пах им. Этот запах раздражал, он проникал в мои легкие, напоминая о моем поражении. Но завтра будет новый день. Завтра мы поедем на винодельню, и там, на моей территории, правила игры могут измениться.

Где-то в глубине дома послышались шаги. Леон. Он прошел мимо двери моей спальни. Я затаила дыхание, слушая, как звук его шагов затихает в коридоре. Он не зашел. Он не стал проверять, выполнила ли я его указание. Ему действительно было плевать, где я сплю. Или он просто был слишком уверен в своей власти надо мной.

Я перевернулась на бок, подложив руку под голову. Пол был холодным, но это был честный холод. В нем не было фальши этого дома, не было приторной вежливости контрактов.

Перед тем как окончательно провалиться в сон, я вспомнила свой последний бой. Я тогда проиграла с позорным счетом. Мой тренер сказал мне тогда: Стефания, ты проиграла не потому, что она была сильнее. Ты проиграла, потому что ты начала защищать то, чего у тебя уже не было. Ты защищала свой статус, а нужно было защищать свою жизнь.

Теперь я понимала, что он имел в виду. Я больше не защищаю имя своего отца. Я больше не защищаю фамильное серебро или эти виноградники как собственность. Я защищаю себя. Свое право оставаться собой даже в этом золоченом плену.

И если для этого мне нужно спать на полу и строить баррикады из коробок - я буду это делать.

Я заснула, когда первые лучи рассвета начали окрашивать небо в цвет выдохшегося розе. Это был цвет усталости и неопределенности, но в нем уже проглядывала твердость нового дня.

Проснулась я от резкого звука. Кто-то настойчиво стучал в дверь. Я вскочила, мгновенно приходя в состояние боевой готовности. Тело отозвалось ломотой, но я проигнорировала ее.

- Семь утра, Стефания. Машина ждет.

Голос Леона за дверью звучал бодро. Слишком бодро для человека, который, скорее всего, тоже не спал пол ночи.

Я подошла к двери и открыла ее. Я была в своем старом спортивном костюме, с растрепанными волосами и, вероятно, с отпечатком ковра на щеке. Но я стояла прямо. Мой подбородок был поднят.

Леон окинул меня взглядом. Его глаза задержались на покрывале на полу, на моих разбросанных вещах. На секунду в его взгляде что-то изменилось. Это не было сочувствие. Это было... узнавание? Как будто он увидел в этой картине что-то знакомое из своего собственного прошлого.

- Ты выглядишь ужасно, - сказал он, но в его тоне не было издевки.

- Зато я чувствую себя прекрасно, - соврала я. - Дай мне пять минут.

- У тебя есть три. Я не люблю ждать.

Он развернулся и пошел к лестнице. Я закрыла дверь и прислонилась к ней лбом. Три минуты. В фехтовании это целая вечность. За три минуты можно выиграть бой или потерять всё.

Я быстро умылась ледяной водой, стянула волосы в тугий узел. Никакого макияжа. Никаких украшений. Сегодня мне не нужно было казаться красивой. Мне нужно было быть эффективной.

Когда я спустилась вниз, Леон уже сидел в машине. Он читал что-то в планшете, и свет экрана делал его лицо похожим на маску из античного театра. Холодную, неподвижную, вечную.

Я села на заднее сиденье, сохраняя максимально возможную дистанцию.

- Готова к осмотру своих владений? - спросил он, не поднимая глаз от экрана.

- Это не мои владения. Это твои активы, Леон. Давай называть вещи своими именами.

- Как скажешь, - он наконец посмотрел на меня. - Но помни: сегодня мы играем в одну команду. Перед рабочими, перед управляющим, перед всем миром мы - идеальная пара, решившая возродить легенду. Любое проявление твоей... индивидуальности будет стоить нам денег.

- Деньги - это единственное, что тебя волнует.

- Деньги - это единственный объективный способ измерения успеха, Стефания. Все остальное - лирика для бедных.

Машина тронулась, плавно скользя по гравийной дорожке. Я смотрела в окно на удаляющийся дом. Он выглядел как тюрьма, даже если это была самая дорогая тюрьма в стране.

Мы ехали молча. Тишина между нами была плотной, почти осязаемой. Это была не та тишина, которая объединяет, а та, которая разделяет, как стена из пуленепробиваемого стекла. Я чувствовала его присутствие каждым нервным окончанием. Его запах, его дыхание, его тяжелую энергетику.

Я пыталась сосредоточиться на предстоящей встрече на винодельне. Мне нужно было проверить состояние лоз после заморозков, посмотреть отчеты по ферментации. Мне нужно было вернуться в свой мир, где всё было понятно и логично. Где вино не лгало, в отличие от людей.

Но мой взгляд то и дело возвращался к Леону. Он сидел совершенно неподвижно, погруженный в свои цифры. В какой-то момент он поднял руку, чтобы поправить воротник рубашки, и я заметила, что его пальцы слегка напряжены. Значит, он тоже не так спокоен, как хочет казаться. Это открытие придало мне сил.

Он не робот. Он человек. Со своими страхами, со своими травмами. И если я смогу найти к ним доступ, я смогу перехватить инициативу.

- Леон, - сказала я, когда мы уже подъезжали к воротам винодельни.

- Что? - он не отрывался от планшета.

- Почему ты выбрал именно нас? Были десятки других хозяйств, более успешных, более покладистых. Почему ты ввязался в эту войну с моей семьей?

Он замолчал. Планшет в его руках медленно опустился на колени. Он посмотрел в окно, где за рядами виноградников вставало солнце.

- Потому что только вы сопротивлялись, - тихо сказал он. - Все остальные продались сразу, как только я назвал цену. Вы были единственными, кто ценил свою землю больше, чем свои счета.

- И ты решил это уничтожить?

- Нет, Стефания. Я решил это присвоить. Есть большая разница.

Он открыл дверь машины и вышел, не дожидаясь ответа. Я смотрела ему в спину, чувствуя, как внутри меня что-то обрывается. Он присвоил не только землю. Он присвоил мою жизнь, мою борьбу, мою гордость.

Я вышла из машины, чувствуя под ногами родную землю. Она была прохладной и влажной. Я закрыла глаза на секунду, впитывая этот запах - запах дома, который перестал быть моим.

- Идем, - бросил Леон. - У нас много работы.

Я последовала за ним, стараясь держать спину прямой. Битва за терруар продолжалась. И я знала, что этот раунд будет самым сложным. Потому что теперь враг был не снаружи. Он был внутри. Он был частью моей жизни, частью моей спальни, частью моего будущего.

И самое страшное было в том, что я начинала привыкать к его присутствию. Как привыкают к постоянной боли в плече после старой травмы. Ты перестаешь ее замечать, пока не сделаешь резкое движение.

Я сделала это движение. Я вошла в здание винодельни следом за ним, готовая к новому выпад. Баланс был нарушен, но я всё еще была на дорожке. А значит, бой продолжался.

Впереди был длинный день. День, когда мне предстояло играть роль счастливой невесты и профессионального винодела одновременно. День, когда каждый мой шаг будет оцениваться сотнями глаз.

Но я была готова. Я была дочерью своего отца и внучкой своих дедов. Я была Стефанией, и у меня всё еще была моя рапира, даже если она была невидимой.

- Посмотрим, кто из нас лучше дегустирует реальность, Леон, - прошептала я себе под нос, переступая порог.

Он обернулся, как будто услышал мои слова. Его глаза сузились, в них промелькнула искра - то ли вызова, то ли странного, извращенного одобрения.

Мы вошли в прохладу погребов, и тяжелые дубовые двери захлопнулись за нами, отрезая нас от остального мира. Здесь, среди бочек и пыльных бутылок, началась наша настоящая история. История, у которой не могло быть счастливого финала, но у которой обещало быть очень долгое и сложное послевкусие.

Я поправила невидимую маску.

- Вперед, - сказала я. - Покажи мне, что ты успел здесь испортить за мое отсутствие.

Леон усмехнулся, и на этот раз в его улыбке было что-то почти человеческое.

- С удовольствием, Стефания. С удовольствием.

Глава 10: Глухое эхо

Шелк платья лип к бедрам, и я чувствовала себя так, словно надела на охоту не вечерний наряд, а вторую кожу, слишком тонкую для защиты. Это был благотворительный вечер в пользу фонда, о существовании которого половина присутствующих забудет к моменту подачи десерта. Зал пах воском, тяжелыми духами с нотами уда и тем самым специфическим ароматом старых денег, который невозможно подделать. Это запах уверенности в завтрашнем дне, запах людей, чьи фамилии не вычеркивали из списков Forbes за одну ночь.

Я стояла у колонны, стараясь сохранять то, что отец называл - вертикальной осью. В фехтовании это основа. Если твой центр тяжести смещен хотя бы на сантиметр, ты - мишень. Мой позвоночник превратился в стальной прут, и я кожей чувствовала, как лопатки упираются в холодный мрамор. Расстояние. Дистанция. Это единственное, что имело значение.

- Стефания, дорогая, ты ли это? - Голос Катрины прозвучал как скрежет ножа по тарелке из тонкого фарфора.

Я медленно повернула голову. Катрина и Елена. Две тени моего прошлого, когда мы вместе выбирали лошадей для конных прогулок и обсуждали, чей шато в этом году выдал лучший винтаж. Сейчас они смотрели на меня с тем жадным любопытством, с каким разглядывают место крупной аварии: страшно, противно, но невозможно отвести взгляд.

- Катрина. Елена, - я кивнула, не меняя выражения лица. - Вижу, твой ювелир все еще предпочитает количество качеству. Это кольцо скоро начнет мешать тебе дышать.

Елена нервно поправила россыпь бриллиантов на шее, а Катрина прищурилась. В ее глазах плескалось плохо скрытое торжество. Они знали. Все в этом зале знали, что дом моей семьи пошел с молотка, а я теперь - всего лишь приложение к человеку, который выстроил свою империю на обломках подобных нам.

- Мы так переживали, когда услышали о банкротстве твоего отца, - протянула Елена, прижимая ладонь к груди. - Это было так... внезапно. Столько лет безупречной репутации, и вдруг - пшик. Как он? Говорят, он совсем перестал выходить в свет.

- Мой отец занимается реструктуризацией своих приоритетов, - отрезала я. Мой голос звучал сухо, как старый херес, в котором не осталось ни грамма сахара. - И в список этих приоритетов явно не входят пустые разговоры на благотворительных фуршетах.

Внутри меня все сжалось. Физиологическая реакция на угрозу: мышцы пресса напряжены, дыхание поверхностное. Я чувствовала, как пульсирует жилка на шее. Мой внутренний критик - голос отца - шептал: Держи блок. Не дай им увидеть, что клинок коснулся твоей куртки.

- А этот твой... Леон, - Катрина понизила голос, наклоняясь ко мне. От нее пахло переспелым персиком и шампанским низкой фильтрации. - Говорят, он невероятно суров в бизнесе. Как тебе удастся с ним сосуществовать? Это ведь, должно быть, так унижительно - быть частью сделки. Мы все понимаем, Стеф. Тебе пришлось пойти на жертвы, чтобы сохранить хоть что-то.

- Ты путаешь жертву со стратегическим партнерством, Катрина, - я сделала глоток вина из своего бокала. Ошибка. Слишком много танинов, вяжущих язык. Дешевое пойло, замаскированное под элитное вино для благотворительности. - Но я понимаю твоё замешательство. Для того чтобы понимать стратегию, нужно иметь не только счет в банке, но и когнитивные способности выше среднего.

Я видела, как пятна гнева проступают на ее тщательно напудренных щеках. Но они не уходили. Они хотели крови. Они хотели услышать, как я признаюсь, что по ночам плачу в подушку в доме Леона, оплакивая свою потерянную свободу. Они хотели почувствовать свое превосходство над поверженной принцессой виноградников.

- И все же, - не унималась Елена, - Леон такой... специфический человек. Выглядит как хищник, который забрел в оперу. Говорят, он выкупил твоё семейное поместье только для того, чтобы устроить там склад для своих логистических нужд. Это правда? Боже, как это жестоко.

Я почувствовала, как пальцы, сжимающие ножку бокала, побелели. Мой центр тяжести поплыл. Это был выпад прямо в сердце, без защиты, без предупреждения. Я открыла рот, чтобы выдать очередную колкую тираду о рыночной стоимости земли и логистических цепочках - моя привычная броня из цифр и терминов, - но слова застряли в горле.

И тут я почувствовала его.

Холод за спиной сменился плотным, почти осязаемым теплом. Я не оборачивалась, но моя кожа считала его присутствие раньше, чем глаза. Это был Леон. Его шаги - тяжелые, размеренные, лишённые суеты - я узнала бы из тысячи. Он не шел, он занимал пространство, вытесняя из него всех остальных.

Тяжелая ладонь легла мне на талию. Не мягко, не ласково, а властно, фиксируя меня на месте. Это был жест собственника, настолько явный, что у Катрины и Елены округлились глаза. Его пальцы через тонкий шелк платья казались раскаленными. Я непроизвольно выпрямилась еще сильнее, чувствуя, как его грудь касается моих лопаток. Мы стали единым монолитом.

- Дамы, - голос Леона был низким, лишённым каких-либо эмоций, кроме легкого, едва уловимого презрения. - Я надеюсь, моя жена не слишком утомила вас рассказами о тонкостях ферментации? Стефания иногда забывает, что не все обладают ее уровнем интеллекта.

Он не улыбался. Его лицо было высечено из гранита, глаза - два холодных озера, в которых не отражалось ничего, кроме холодного расчета.

- О, нет, мистер... Леон, - заикнулась Катрина, делая полшага назад. Ее спесь испарилась мгновенно. - Мы просто обсуждали... поместье.

- Поместье находится под моим личным контролем, - Леон чуть сильнее сжал мою талию, притягивая к себе. - И планы на него касаются исключительно нашей семьи. Если вас так интересует недвижимость, я могу прислать вам визитку моего брокера по ликвидации нерентабельных активов. Слышал, у ваших мужей сейчас не лучшие времена на бирже.

Пауза затянулась. Она была тяжелой, как свинец. Леон умел использовать тишину как оружие, заставляя людей чувствовать себя маленькими и незначительными. Катрина и Елена переглянулись, что-то невнятно пролепетали про начало аукциона и поспешно ретировались, почти переходя на бег.

Я стояла, не шевелясь, пока они не скрылись в толпе. Мое тело все еще было в состоянии боевой готовности, мышцы дрожали от перенапряжения. Как только они отошли достаточно далеко, я резко дернулась, сбрасывая его руку со своей талии.

- Не смей этого делать, - прошипела я, разворачиваясь к нему.

Леон медленно опустил руку. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глубине зрачков мелькнула искра - то самое извращенное одобрение, которое я ненавидела больше всего.

- Чего именно? - спросил он. Его темп речи был замедленным, изматывающим. - Защищать то, что принадлежит мне?

- Я не твоя собственность, Леон! - я сделала шаг к нему, входя в его личное пространство, нарушая все правила дистанции. - Я не нуждаюсь в твоём рыцарстве. Ты выставил меня слабой. Ты пришел и просто... растоптал их, как будто я сама не могла с ними справиться. Ты лишил меня права на мой собственный бой.

- Твой бой превращался в избивание младенца, Стефания, - он наклонился к моему уху, и я почувствовала запах его парфюма - кожа, табак и что-то металлическое. - Ты тратишь слишком много энергии на мусор. В фехтовании это называется лишними движениями. Ты должна была закончить это одним ударом, а не разводить дискуссии о качестве колье.

- Ты ничего не понимаешь в фехтовании, - я чувствовала, как гнев закипает в груди, вытесняя страх и унижение. - И ты ничего не понимаешь во мне. Мне не нужно, чтобы меня

спасали. Особенно ты. Особенно после того, как ты сам стал причиной того, что мне приходится стоять здесь и выслушивать эти соболезнования.

- Я дал тебе стабильность, - отрезал он, и его голос стал еще тише, что было признаком крайней степени раздражения. - Я дал тебе возможность стоять здесь с высоко поднятой головой, а не просить милостыню у этих гиен. Если тебе не нравится цена, которую ты платишь - это твои проблемы. Но на людях ты будешь моей женой. Сильной, недосыгаемой и защищенной.

Он развернулся и пошел прочь, оставив меня одну в круге света от хрустальной люстры. Я смотрела ему в спину - широкие плечи, безупречный крой пиджака, походка хищника, который точно знает, где находится его добыча. Я ненавидела его. Я ненавидела его за то, что он был прав. И еще больше я ненавидела себя за то, что в ту секунду, когда его рука легла на мою талию, я почувствовала секундное, позорное облегчение. Словно на мгновение мне разрешили опустить рапиру.

Я залпом допила остатки вина. Оно было кислым. Дефект вкуса - избыточная летучая кислотность. Как и вся эта ночь.

Я пошла к бару, надеясь найти что-то более крепкое, чем этот благотворительный компот. Мне нужно было смыть вкус этого разговора. Мимо проходили люди, улыбались, кивали, но теперь в их глазах был страх. Леон пометил территорию. Теперь я была неприкосновенна, но эта неприкосновенность ощущалась как тюремная камера с золотыми решетками.

- Стефания? - раздался мужской голос сбоку.

Я обернулась. Передо мной стоял Марк Моретти. Старый приятель моего отца, один из тех, кто годами кормился с наших виноградников, поставляя удобрения и технику. Он выглядел постаревшим и каким-то... помятым, несмотря на дорогой смокинг.

- Марк, - я выдавила улыбку. - Не ожидала тебя здесь увидеть.

- Я тоже не ожидал, что доживу до того дня, когда фамилия де Мартино станет приставкой к Леону Варди, - он горько усмехнулся и сделал большой глоток виски. - Хотя, надо отдать ему должное, парень умеет играть в долгу.

Я нахмурилась. Что-то в его тоне заставило мои внутренние датчики опасности взвиться.

- О чем ты говоришь, Марк? Леон выкупил активы, когда отец уже не мог справиться. Это была жесткая, но законная сделка.

Моретти посмотрел на меня с жалостью, от которой мне захотелось ударить его по лицу.

- Жесткая? О да. Законная? Безусловно. Но ты всегда была умной девочкой, Стеф. Неужели ты думаешь, что крах твоего отца произошел сам по себе? Что те три банка одновременно отозвали кредиты просто из-за плохого урожая в одном сезоне?

Мое сердце пропустило удар, но я тут же перевела это в физическое ощущение - спазм диафрагмы. Контроль. Главное - контроль.

- Рынок волатилен, Марк. Ты сам это знаешь.

- Рынок волатилен, когда им не управляют, - он подошел ближе, обдав меня запахом спиртного и дешевого табака. - Твой отец был горд. Он не видел, что происходит под его носом. А Варди... он начал скупать долги твоего отца еще за два года до официального банкротства. Через подставные фирмы, через оффшоры. Он потихоньку затягивал петлю, Стефания. Он ждал, когда долг станет критическим, чтобы нанести один удар.

Мир вокруг меня начал медленно вращаться. Звуки скрипок, смех гостей, звон бокалов - все превратилось в белый шум.

- Этого не может быть, - мой голос прозвучал чужо и плоско. - Он не знал нас тогда.

- Он знал землю, - отрезал Моретти. - Он знал терруар. Ему не нужны были вы, ему нужны были виноградники и имя. И он получил их за бесценок. Он выкупил основные долговые обязательства еще до того, как твой отец понял, что тонет. Леон Варди не спасал твою семью, Стефания. Он был тем, кто выбил из-под вашего отца стул, а потом милостиво предложил тебе веревку, чтобы ты не упала слишком больно.

Я смотрела на Марка и видела, как в его глазах отражается моя собственная гибель. Вся моя интеллектуальная защита, все мои расчеты и попытки оправдать свое положение "стратегическим партнерством" рушились. Если это правда, то каждый день, проведенный в доме Леона, каждое его прикосновение, каждая попытка "защитить" меня была актом высшего цинизма.

- Зачем ты мне это говоришь? - спросила я, и мой голос дрогнул. Это была ошибка. Нельзя показывать слабость противнику.

- Потому что твой отец был моим другом, - Марк отвел взгляд. - И потому что мне тошно смотреть, как ты играешь роль счастливой жены человека, который уничтожил твой дом. Будь осторожна, Стефания. Он не просто хищник. Он коллекционер. И ты - самый ценный экземпляр в его коллекции руин.

Он ушел, оставив меня стоять посреди зала. Я чувствовала себя так, словно мне в грудь вогнали рапиру по самую гарду. Без защиты. Без возможности сделать рипост.

Я оглядела зал. Где-то там, среди этого блестящего стада, находился Леон. Человек, который просчитал мою жизнь на годы вперед. Который наблюдал за агонией моего отца, попивая дорогое вино и ожидая момента, когда можно будет забрать все.

Я вспомнила нашу первую встречу после банкротства. Его спокойствие. Его предложение. Он тогда сказал, что "ценит наследие". Теперь я понимала, что он имел в виду. Он ценил его как трофей. Как голову оленя на стене своего кабинета.

Я пошла к выходу, почти не видя дороги. Люди расступались, чувствуя исходящую от меня волну холодной ярости. Мой позвоночник все еще был прямым, но теперь это была не сталь, а лед, готовый треснуть в любую секунду.

Я нашла его на террасе. Он стоял у перил, глядя на ночной город. В руке он держал бокал с темным напитком - вероятно, коньяком. Его силуэт на фоне огней казался монументальным и пугающе стабильным.

- Мы уходим, - сказала я, подходя к нему сзади.

Он не обернулся. Только чуть наклонил голову, прислушиваясь к моему тону.

- Аукцион еще не закончился, Стефания. Мы должны присутствовать при финальном лоте.

- Мне плевать на аукцион, Леон. Мне плевать на этот фонд и на всех этих людей. Мы уходим сейчас, или я уйду сама и вызову такси. И поверь мне, завтрашние заголовки о том, что жена Леона Варди сбежала с благотворительного вечера в слезах, тебе не понравятся.

Он медленно повернулся. Его глаза сканировали мое лицо с пугающей точностью. Он искал причину моей вспышки, анализировал мой центр тяжести, мою дистанцию.

- Что случилось? - голос был тихим, но в нем прорезались стальные нотки. - Те две идиотки снова что-то сказали?

- Нет, Леон. На этот раз дело не в идиотках. Дело в тебе.

Я смотрела на него и видела не спасителя, не мужа, не даже врага. Я видела бухгалтера смерти, который методично вычеркивал мою семью из списка живых.

- Мы уходим, - повторила я, чеканя каждое слово. - Дома мы поговорим. И если ты совершишь мне хоть в чем-то, клянусь, я найду способ уничтожить то, что ты так старательно скупал.

Он молчал долго. Так долго, что я успела сосчитать удары своего сердца - девяносто два в минуту. Слишком быстро. Нужно замедлиться.

- Хорошо, - наконец сказал он. Он поставил бокал на парапет. - Если ты так хочешь испортить этот вечер, давай сделаем это в приватной обстановке.

Он пошел к выходу, даже не взглянув на меня. Я следовала за ним, чувствуя, как внутри меня рождается что-то новое. Это не был страх. Это была холодная, расчетливая ярость спортсмена, который понял, что судья подкуплен, а противник играет краплеными картами.

Мы сели в машину. Прохлада кожаного салона обычно успокаивала меня, но сейчас она казалась удушающей. Леон молчал, глядя в окно на пролетающие мимо огни. Водитель вел машину плавно, но я чувствовала каждую неровность дороги своим телом, как будто у меня не осталось кожи.

- Марк Моретти был сегодня на вечере, - сказала я, когда мы выехали на шоссе.

Леон даже не вздрогнул. Его профиль оставался неподвижным.

- Я видел его в списках гостей. Беспольный человек, который живет прошлыми заслугами.

- Он сказал мне интересную вещь, Леон. Он сказал, что ты скупил долги моего отца за два года до того, как мы узнали о проблемах. Через оффшоры.

Я замолчала, ожидая его реакции. Оправданий, отрицания, гнева. Но он только медленно повернул ко мне голову. В тусклом свете уличных фонарей его глаза казались черными провалами.

- Моретти всегда был болтлив, - спокойно произнес он. - Это его главная слабость. Именно поэтому его бизнес сейчас стоит на грани банкротства.

- Значит, это правда? - я почувствовала, как в горле встал ком. - Ты не просто пришел, когда все рухнуло. Ты сам это обрушил. Ты подстраивал ситуации, ты манипулировал банками... Ты убивал винодельню медленно, чтобы потом забрать ее за гроши.

Леон вздохнул. Этот звук был таким обыденным, таким человеческим, что мне захотелось закричать.

- Бизнес - это не фехтование, Стефания. Здесь нет правил о благородстве и честных поединках. Есть активы и есть те, кто не умеет ими распоряжаться. Твой отец был романтиком. Он верил в традиции и честное слово. В современном мире это - смертный приговор.

- И ты привел этот приговор в исполнение, - я прижалась спиной к двери машины, стараясь быть как можно дальше от него. Дистанция. Мне нужна была максимальная дистанция. - Ты смотрел мне в глаза, когда мы подписывали брачный контракт, и знал, что ты - причина, по которой я стою перед тобой на коленях.

- Ты никогда не стояла на коленях, - он вдруг подался вперед, сокращая расстояние между нами. Его голос стал жестким, вибрирующим. - Ты стояла с прямой спиной, даже когда у тебя ничего не осталось. И именно поэтому я предложил тебе эту сделку. Мне не нужна была сломленная кукла. Мне нужна была ты. Со всей твоей гордостью, с твоим знанием вина, с твоей чертовой рапирой в руках.

- Чтобы что? - я задыхалась от его близости. - Чтобы пополнить свою коллекцию? Моретти прав, я для тебя просто очередной актив. Самый дорогой лот на твоём личном аукционе.

- Если бы ты была просто активом, я бы выкинул тебя через месяц после свадьбы, - он схватил меня за подбородок, заставляя смотреть на него. Его пальцы были холодными и твердыми. - Я купил долги твоего отца, потому что знал: если этого не сделаю я, это сделает кто-то другой. Кто-то, кто вырубил бы виноградники под застройку отелей или превратил бы поместье в тематический парк для туристов. Я сохранил твое наследие, Стефания. В той единственной форме, в которой оно могло выжить.

Я дернула головой, освобождаясь от его хватки.

- Ты сохранил его для себя! Ты не спаситель, Леон. Ты захватчик, который надел маску благодетеля. Ты заставил меня чувствовать себя обязанной тебе. Ты заставил меня искать в тебе защиту, зная, что ты сам - та угроза, от которой я бегу.

- И что ты сделаешь теперь? - он откинулся на спинку сиденья, снова становясь непроницаемым. - Уйдешь? У тебя нет ничего. Твое имя принадлежит мне. Твой дом принадлежит мне. Даже вино, которое ты пьешь утром, оплачено мной. Ты в клинче, Стефания. И если ты попытаешься разорвать его сейчас, ты только поранишься.

Он был прав. Каждое его слово попадало точно в цель. Моя экономическая и социальная свобода была иллюзией, мастерски выстроенной декорацией. Я была в ловушке, которую сама помогла построить, доверившись своей потребности в безопасности.

Я отвернулась к окну. Мы въезжали в ворота поместья. Того самого, которое когда-то пахло землей и трудом поколений моей семьи, а теперь пахло только его властью.

Машина остановилась. Леон вышел первым, не дожидаясь водителя. Он открыл мою дверь и протянул руку.

Я посмотрела на его ладонь. Широкая, с четкими линиями, рука человека, который привык брать то, что хочет. Рука, которая защитила меня сегодня от подруг, и рука, которая задушила дело жизни моего отца.

Я проигнорировала его жест и вышла сама. Мои ноги коснулись гравия - того самого гравия, по которому я бегала в детстве. Теперь он звучал иначе. Каждое мое движение отдавалось в ушах как глухое эхо.

- Это еще не конец, Леон, - сказала я, останавливаясь перед ним. Мы стояли на ступенях дома, под светом фонарей. Два фехтовальщика, замершие перед началом последнего раунда.

- Я и не говорил, что это конец, - он слегка склонил голову. - Это только середина партии. И советую тебе начать играть по-настоящему, Стефания. Потому что я не собираюсь поддаваться.

Я прошла мимо него в дом, чувствуя, как холод ночного воздуха пробирается под шелк платья. Внутри было тихо. Отец учил меня, что в фехтовании самое опасное - это не стремительная атака, а момент, когда противник замирает, готовя контратаку.

Я вошла в свою комнату и закрыла дверь на замок. Руки дрожали. Я подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. На шее все еще виднелся след от его пальцев - легкое покраснение, которое скоро исчезнет, но память о нем останется навсегда.

Я начала медленно расстегивать платье. Шелк скользнул к ногам, оставляя меня обнаженной перед собственным отражением. Я видела каждую мышцу, каждый шрам. Я была бойцом. И если Леон Варди думал, что он купил меня вместе с долгами отца, он совершил самую большую ошибку в своей жизни.

Он купил форму. Но содержание... содержание всегда было моим.

Я легла в кровать, но сон не приходил. Я слышала его шаги в коридоре. Тяжелые, размеренные. Он остановился у моей двери. Я задержала дыхание, чувствуя, как сердце бьется о ребра. Секунда, две, десять.

Затем шаги удалились.

Я закрыла глаза. Глухое эхо нашего разговора продолжало звучать в голове. Теперь я знала правду. И эта правда была как кислота в вине - она разрушала структуру, но делала вкус незабываемо резким.

Завтра я начну свою игру. Я изучу его империю так же тщательно, как он изучал наши долги. Я найду его уязвимое место. Потому что у каждого хищника есть точка, в которую можно нанести один, решающий удар.

Дистанция. Баланс. Центр тяжести.

Я уснула только под утро, когда первые лучи солнца коснулись виноградников, которые больше не принадлежали мне по документам, но которые я никогда не перестану считать своими. И в моем сне я снова держала в руках рапиру, и ее клинок был направлен точно в сердце человека, который называл себя моим мужем.

Проснувшись, я обнаружила на прикроватной тумбочке бокал вина и записку.

"Урожай 2012 года. Твой любимый. Попробуй его сейчас, Стефания. В нем есть та самая горечь, которую ты так ценишь".

Я взяла бокал. Вино было темным, почти черным. Я сделала глоток. Оно было идеальным. Сложным, многогранным, с долгим послевкусием кожи и черных ягод. И в этом была высшая форма его издевательства - он знал мой вкус лучше, чем я сама.

Я вылила вино в раковину.

- Посмотрим, Леон, - прошептала я, глядя на то, как красные капли исчезают в сливе. - Посмотрим, кто из нас лучше дегустирует реальность.

Мой внутренний критик - голос отца - на этот раз молчал. Ему нечего было сказать. Битва за честь семьи закончилась поражением, но моя личная битва только начиналась. И на этот раз я не собиралась защищаться.

Я собиралась атаковать.

Флеш. Быстрая, непредсказуемая атака с потерей равновесия, где ставка - всё или ничего. Я знала этот прием. Я тренировала его годами. И теперь пришло время применить его в жизни.

Я оделась в строгий костюм, затянула волосы в тугий узел. Мое лицо было маской. Я была готова выйти из своей комнаты и встретить его за завтраком. Встретить его как равного врага, а не как спасенную жертву.

Леон сидел в столовой, просматривая отчеты на планшете. Когда я вошла, он поднял взгляд. В нем не было ни капли раскаяния или тени вчерашнего разговора.

- Завтрак подан, - сказал он, возвращаясь к цифрам. - У нас плотный график сегодня.

- У нас нет никакого графика, Леон, - я села напротив него, не прикасаясь к еде. - У меня есть свой план. И первое, что в него входит - это полный аудит всех твоих сделок, касающихся винодельни де Мартино.

Он медленно отложил планшет. На его губах заиграла едва заметная, почти призрачная улыбка.

- Аудит? Ты думаешь, я позволю тебе рыться в моих книгах?

- Ты позволишь, - я наклонилась вперед, чувствуя ту самую вертикальную ось, о которой говорил отец. - Потому что если ты этого не сделаешь, я завтра же подам на развод и публично заявлю о твоих махинациях с долгами. Твоя репутация "чистого" инвесто

Глава 11. Анализ дефектов

Леон продолжал смотреть на меня, и в этом взгляде не было ничего от того мужчины, который вчера в темноте коридора казался почти человеческим. Сейчас он напоминал идеально настроенный механизм, лишенный лишних деталей. Его молчание затягивалось, становясь густым, как нефилтрованное сусло. Я чувствовала, как по спине пробегает холодный ток - привычное ощущение перед началом поединка, когда противник замирает в низкой стойке, а ты пытаешься угадать направление первого выпада. Мои пальцы непроизвольно сжались, словно сжимали рукоять рапиры. Центр тяжести сместился чуть вперед, на подушечки стоп. Я была готова к атаке.

- Махинациях? - Леон наконец произнес это слово так, будто пробовал на вкус дешевый столовый уксус. - Стефания, твоя страсть к драматическим эффектам начинает утомлять. Ты правда думаешь, что развод в нынешних обстоятельствах вернет тебе хоть один гектар этой земли? Ты останешься с долгами, которые твой отец копил годами, и с фамилией, которая сейчас котируется на рынке чуть ниже, чем пустые бутылки.

Он не повышал голоса. Это была его излюбленная тактика - говорить тихо, заставляя меня напрягаться, чтобы услышать приговор. Но я не собиралась сдаваться. В фехтовании это называется "второе намерение" - ложная атака, чтобы спровоцировать врага на ответное действие и поймать его на контратаке.

- Речь не о гектарах, Леон. Речь о том, что твое имя - это твой единственный актив, который дороже моих виноградников. Если я открою рот, инвесторы в Лондоне и Париже начнут задавать вопросы. А ты ведь так любишь прозрачность, не так ли? Поэтому мы сейчас пойдём вниз. В подвал. И мы проведем этот день так, как положено владельцам поместья де Мартино. Ты хотел быть частью этой легенды? Будь ею. Но по моим правилам.

Я встала, не дожидаясь его ответа. Моя спина была прямой, как стальной клинок. Я чувствовала, как позвонки выстраиваются в идеальную вертикаль. В этом была моя единственная защита - физическая форма, которую невозможно было отобрать никаким банкротством. Леон медленно поднялся вслед за мной. Его шаги за спиной звучали тяжело, размеренно. Он не спешил. Он шел за мной так, словно уже знал финал этой партии, но из любопытства позволял мне сделать еще несколько ходов.

Мы спустились в святая святых поместья. В погребах пахло сырым известняком, старым дубом и тем особенным, едва уловимым ароматом грибка, который виноделы называют "благородным", если он не переходит границы. Здесь воздух всегда был на несколько градусов холоднее, чем наверху, и я кожей почувствовала, как по рукам пошли мурашки. Но я не вздрогнула. Я подошла к длинному дубовому столу, на котором уже были подготовлены бокалы и несколько бутылок, обернутых в плотную черную бумагу.

- Сегодня мы займемся анализом дефектов, - сказала я, указывая на первый бокал. - Ты ведь считаешь себя экспертом, Леон? Ты считаешь, что можешь управлять этим местом, просто глядя в свои таблицы в Excel? Вино не подчиняется цифрам. Оно подчиняется химии, случаю и честности. Давай проверим твою честность.

Я налила в первый бокал немного темно-рубиновой жидкости. Вино двигалось лениво, оставляя на стенках маслянистые следы - "ножки". Леон подошел вплотную. Я чувствовала исходящий от него жар, который резко контрастировал с холодом подвала. Он стоял слишком близко, нарушая мою дистанцию, мой "фехтовальный радиус". Я сделала едва заметный шаг назад, сохраняя равновесие.

- Слепая дегустация? - он усмехнулся, глядя на бокал, но не прикасаясь к нему. - Ты хочешь поиграть в сомелье, пока твоя империя превращается в пыль? Это твой способ аудита?

- Это мой способ понять, с кем я имею дело, - отрезала я. - Пей. Или признай, что ты просто стервятник, который не отличает каберне от чернил.

Он взял бокал. Его пальцы, длинные и сухие, уверенно обхватили ножку. Он не стал вращать вино, как это делают дилетанты, пытающиеся произвести впечатление. Он просто поднес его к носу, замер на секунду, а затем сделал небольшой глоток. Я внимательно наблюдала за его лицом. Каждая мышца, каждое мимолетное движение глаз - я считывала его, как перед началом боя. Леон был непроницаем. Его челюсть была плотно сжата, скулы резко выделялись в тусклом свете ламп.

- 2017 год. Мерло с небольшим добавлением франкана. Почва - глина и известняк. Но есть нюанс, - он посмотрел мне прямо в глаза. - Вино уставшее. Оно провело слишком много времени в старых бочках, которые уже не дают структуры, а только крадут фруктовость. Оно как твое упрямство, Стефания. Красивое снаружи, но внутри - пустота и разочарование.

Я почувствовала, как внутри меня что-то оборвалось. Он был прав. Это было вино из той партии, которую отец пытался спасти, но в итоге просто бросил в подвале, забыв о ней в разгар судебных исков. Но я не подала виду.

- Плохо, Леон. Это был 2018-й. Ошибка в один год в нашем деле - это пропасть. Но давай продолжим. Следующий образец.

Я налила во второй бокал вино, которое приготовила заранее. Это был мой "троянский конь". Дешевое вино из супермаркета, которое я вчера вечером перелила в старую бутылку де Мартино. Я добавила туда каплю танинового порошка и немного винной кислоты, чтобы имитировать структуру выдержанного вина. Это была идеальная подделка, способная обмануть даже опытного закупщика. Я хотела увидеть, как он будет рассуждать о "терруаре" и "душе земли", попивая бурду за пять евро. Мне нужно было это маленькое унижение, эта победа над его самоуверенностью.

Леон взял второй бокал. Он долго смотрел на цвет, поднося его к свету. Я затаила дыхание. Мое тело было напряжено до предела, как натянутая струна. Каждая мышца бедра, голени, предплечья была в тонусе. Я ждала его проигрыша.

Он вдохнул аромат. Его брови едва заметно дрогнули. Он сделал глоток, подержал вино во рту, пропуская через него воздух - характерный звук "всхлипывания", который всегда раздражал меня в профессиональных дегустаторах. А потом произошло то, чего я не ожидала.

Леон подошел к раковине в углу и резким движением вылил содержимое бокала. Звук удара жидкости о нержавеющую сталь прозвучал как пощечина.

- Что ты делаешь? - мой голос сорвался, потеряв ту стальную уверенность, которую я так тщательно выстраивала.

- Перестань играть в игры, которые тебе не по зубам, Стефания, - он поставил пустой бокал на стол с таким стуком, что я испугалась, не треснет ли хрусталь. - Это мусор. В нем нет баланса, в нем нет истории. Это имитация. Ты добавила кислоту, чтобы скрыть отсутствие тела, но забыла, что послевкусие невозможно подделать. Оно короткое и горькое, как твоя попытка меня обмануть. Ты думала, я не отличу виноградник, за который плачу миллионы, от этой дряни?

Я замерла. Мой план рухнул. В фехтовании это называется "провал" - когда ты делаешь выпад, надеясь поразить цель, но противник просто отступает, и ты летишь вперед, теряя равновесие, открытая для любого удара. Леон стоял передо мной, и его присутствие заполняло все пространство подвала. Он не был просто инвестором. Он действительно понимал. И это пугало меня больше, чем его цифры и отчеты.

- Ты хочешь аудит? - он сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию до критической. Теперь я чувствовала запах его парфюма - горький цитрус и холодное дерево. - Давай проведем настоящий аудит. Твой отец обанкротился не потому, что рынок изменился. Он обанкротился, потому что начал врать. Себе, партнерам, вину. Он начал смешивать хорошее с посредствен-

ным, надеясь, что никто не заметит. Он думал, что этикетка де Мартино скроет любые огрехи. Ты делаешь то же самое. Ты пытаешься выдать свою гордость за силу, а свою трусость за стратегию.

- Я не трусиха! - я выкрикнула это ему в лицо, забыв о самообладании. Мои руки дрожали, и я спрятала их за спину, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Физическая боль помогла мне сфокусироваться.

- Тогда почему ты до сих пор не посмотрела в отчеты, которые я оставил тебе неделю назад? - Леон говорил спокойно, но в этом спокойствии была мощь океанского прилива. - Почему ты бегаешь по подвалам с поддельными бутылками вместо того, чтобы признать: ты не знаешь, как спасти это место? Тебе страшно, Стефания. Тебе страшно, что если ты перестанешь держать рапиру, ты окажешься просто девушкой в пустом доме, у которой нет ничего, кроме долгов и призраков.

Его слова били точно в цель. Он находил мои самые уязвимые места с пугающей точностью опытного хирурга или мастера клинка. Я чувствовала, как моя внутренняя вертикаль начинает крошиться. Это было физическое ощущение разрушения - как будто кости превращались в песок. Я видела его лицо - холодные глаза, плотно сжатые губы - и понимала, что он видит меня насквозь. Моя маска дала трещину.

- Ты ничего не знаешь о моем отце, - прошептала я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. - Ты видишь только цифры. Ты не видел, как он плакал над каждой лозой, которую пришлось выкорчевать из-за болезни. Ты не знаешь, что значит чувствовать эту землю как часть своего тела.

- Земля не чувствует тебя, Стефания. Ей плевать на твои слезы и твои рапиры. Ей нужен уход, инвестиции и трезвый расчет. То, чего у тебя нет. И то, что есть у меня.

Он подошел еще ближе. Теперь между нами не было даже дюйма свободного пространства. Я чувствовала его дыхание на своем лбу. Мое тело, привыкшее к защите, сейчас кричало о необходимости бегства или нападения, но я замерла. Это был клинч. Положение, в котором ни один из бойцов не может нанести удар, но оба находятся в максимальном напряжении.

- Я вижу тебя насквозь, так же легко, как это дешевое вино, - прошептал он, и его голос вибрировал где-то у меня внутри. - Ты вся состоишь из дефектов, Стефания. Но в отличие от этого вина, твои дефекты делают тебя интересной. Твоя ярость, твоя глупая, бессмысленная гордость... это то, что еще держит это место на плаву. Но не надейся, что я буду играть в твои игры.

Он резко отвернулся и направился к выходу из погреба. Его уход был стремительным и окончательным. Я осталась стоять у стола, среди пустых бокалов и запаха пролитого вина. Мои ноги подкашивались. Я опустила на холодный каменный пол, игнорируя то, как грязь пачкает мои светлые брюки.

В голове пульсировала одна мысль: он не просто захватчик. Он зеркало. И то, что я в нем увидела, напугало меня до глубины души. Я видела не наследницу великого рода, а напуганного ребенка, который размахивает палкой, воображая, что это меч.

Я посмотрела на раковину, куда он вылил вино. Там еще остались капли той ярко-красной жидкости. Она выглядела как кровь на хирургическом столе. Леон прав - я пыталась подделать реальность, потому что настоящая реальность была мне не по силам.

Я вспомнила свой последний турнир. Мне было девятнадцать. Финал чемпионата страны. Я вела в счете, оставалось нанести один укол. Мой противник был вымотан, его движения стали тяжелыми. Я видела его открытое плечо. Это был легкий балл. Но в тот момент я вдруг подумала о том, что скажет отец, когда я выиграю. Я представила его лицо, его скупую похвалу. И эта мысль, эта потребность в одобрении, сделала меня слабой. Я помедлила всего долю секунды. Мой противник сделал вольт, ушел с линии атаки и нанес мне встречный укол. Я

проиграла. Не потому, что была хуже подготовлена, а потому, что на мгновение перестала быть бойцом и стала дочерью.

Сейчас в этом подвале история повторялась. Я снова пыталась что-то доказать, вместо того чтобы просто действовать. Леон не был моим отцом. Он не ждал от меня побед, он ждал от меня эффективности. И моя "агрессивная интеллектуализация", как я сама ее называла, разбилась о его холодный цинизм.

Я поднялась с пола, опираясь на край дубового стола. Дерево было шершавым и надежным. Мне нужно было вернуть себе центр тяжести. Я закрыла глаза и начала глубоко дышать, концентрируясь на том, как воздух наполняет легкие и выходит наружу. Один. Два. Три. С каждым выдохом я выбрасывала из себя остатки того унижения, которое только что испытала.

Если Леон хочет войны на уничтожение, он ее получит. Но я больше не буду использовать дешевые трюки. Если он видит меня насквозь, значит, мне нечего скрывать. И в этом была странная, пугающая свобода.

Я вышла из погреба, шурясь от яркого света, пробивающегося сквозь окна коридора. Леон был в кабинете - я слышала мерный стук клавиш его ноутбука. Этот звук теперь воспринимался мной как удары метронома, отсчитывающего время до нашей следующей схватки.

Я вошла в кабинет без стука. Он даже не поднял головы.

- Я хочу видеть книги, Леон. Все. Начиная с того дня, когда ты купил первый долг моего отца. И я хочу видеть твой план реструктуризации. Без купюр.

Он перестал печатать. Его пальцы замерли над клавиатурой. Он медленно поднял взгляд, и в его глазах я увидела нечто новое. Это не было уважение - до него было еще далеко. Это был интерес. Так смотрят на клинок, который внезапно прошел сквозь защиту.

- План лежит во второй папке справа, - сказал он, возвращаясь к работе. - Но предупреждаю, Стефания: тебе не понравится то, что ты там увидишь. Там нет места для легенд. Только для выживания.

- Легенды создаются теми, кто выжил, - ответила я, забирая папку.

Мои пальцы коснулись плотной кожи переплета. В этот момент я почувствовала, что дистанция между нами изменилась. Мы больше не были охотником и жертвой. Мы были двумя фехтовальщиками, которые наконец сошлись в клинче и теперь решали, кто первый отступит, чтобы нанести решающий удар.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как внутри меня восстанавливается та самая вертикальная ось. Отец всегда говорил, что самое опасное в бою - это не сила противника, а твоя собственная жалость к себе. Я больше не жалела себя. Я анализировала дефекты своей защиты. И первый дефект был в том, что я до сих пор считала Леона врагом.

Враг - это тот, кто хочет тебя уничтожить. Леон хотел чего-то другого. Он хотел, чтобы я стала такой же функциональной, как он сам. Он хотел выжать из меня все лишнее, все наносное, как он выжимал сок из винограда. Он проводил мою дегустацию, и я только что поняла, что провалила ее не из-за дешевого вина. Я провалила ее, потому что сама была недостаточно качественным материалом.

Я села на террасе, открыла папку и погрузилась в цифры. Они были сухими, жесткими, беспощадными. Графики падения доходности, списки неоплаченных счетов, отчеты о состоянии почвы, которые говорили о катастрофическом истощении. Мой отец действительно лгал. Он брал кредиты, чтобы покрыть старые долги, он закупал дешевые удобрения, которые убивали экосистему виноградника, он экономил на персонале, из-за чего урожай собирали слишком поздно или слишком рано.

Каждая страница была как удар рапирой в незащищенное тело моей памяти. Мой идеальный отец, мой герой, мой учитель - он был просто человеком, который не справился с грузом собственного имени. И Леон знал это. Он изучил каждый его промах, каждую слабость.

Я чувствовала, как к горлу подкатывает комок, но я сглотнула его. Никаких слез. Только анализ. Я начала делать пометки на полях. Здесь можно сократить расходы на логистику. Здесь нужно полностью менять систему орошения. Здесь... здесь Леон ошибается. Он хочет продать южный склон под застройку, потому что считает его бесперспективным. Но он не знает, что там под слоем глины находится пласт известняка, который идеально подходит для шардоне. Если мы высадим там новые лозы...

Я так увлеклась, что не заметила, как солнце начало клониться к закату. Тень от кипарисов удлинилась, накрывая террасу прохладой. Я услышала шаги. Леон вышел из дома и остановился у перил, глядя на виноградники.

- Ты все еще здесь, - констатировал он.

- Я дошла до раздела о продаже южного склона, - я закрыла папку и посмотрела на него. - Ты совершаешь ошибку, Леон. Ту самую, в которой обвинял моего отца. Ты смотришь на поверхность, но не видишь того, что под ней.

Он медленно повернулся ко мне. В сумерках его лицо казалось высеченным из камня.

- И что же там под ней, Стефания? Кроме долгов и плохой репутации?

- Там будущее, которое ты не можешь просчитать в своих таблицах. И если ты дашь мне неделю, я докажу тебе это. Не бутылками из подвала, а реальными данными. Но мне нужен доступ к лаборатории и архивам метеослужбы за последние десять лет.

Леон молчал. Я видела, как он взвешивает мои слова. Он не искал в них подвоха, он искал в них ценность. В этом была его сила - он был готов изменить свое мнение, если факты были убедительными.

- Неделя, - наконец сказал он. - У тебя есть семь дней, чтобы убедить меня не продавать этот склон. Но если ты провалишься, ты лично подпишешь документы о продаже. И больше никаких разговоров об аудите и махинациях. Мы закончим эту сделку на моих условиях.

- Согласна, - я встала и протянула ему руку.

Это был жест не примирения, а договора. Его ладонь была сухой и твердой. Когда наши руки соприкоснулись, я почувствовала короткий, почти болезненный разряд статического электричества. Леон не сразу отпустил мою руку. Он смотрел на меня с тем самым выражением, которое я не могла разгадать.

- Знаешь, Стефания, - тихо произнес он, - твой отец всегда говорил, что ты - его лучший проект. Теперь я начинаю понимать, что он имел в виду. Ты не просто винодел. Ты - оружие, которое он создал для защиты своего наследия. Жаль только, что он забыл научить тебя, что оружие без цели - это просто кусок металла.

Он отпустил мою руку и ушел в дом, оставив меня одну в сгущающихся сумерках. Я смотрела на свои пальцы, которые все еще хранили тепло его кожи. Мое тело больше не было в состоянии боевой готовности. Оно было тяжелым, уставшим, но в этой тяжести была новая уверенность.

Я не была оружием. Я была виноделом. И этот виноградник был не моим наследием, а моей ответственностью. Леон думал, что видит меня насквозь, но он видел только то, что я позволяла ему видеть. Он видел дефекты, но не видел структуры.

Я вернулась в подвал. Мне нужно было забрать ту самую бутылку дешевого вина, которую он вылил. Я подняла ее со стола и посмотрела на этикетку. "Шато де Мартино". Мой отец приклеил ее сам, своей рукой. Это была его последняя ложь. И моя первая правда.

Я вышла на улицу и швырнула бутылку в мусорный бак. Звук разбитого стекла прозвучал как финальный аккорд старой мелодии. Завтра начнется новая партия. И на этот раз я буду играть не по правилам своего отца и не по правилам Леона. Я буду играть по правилам земли.

Я чувствовала, как внутри меня растет что-то новое - холодное, расчетливое и абсолютно беспощадное. Это была не ярость, а ясность. Та самая ясность, которая приходит к фехтовальщику в момент решающей атаки, когда мир вокруг замирает, и остается только точка укола.

Леон думает, что он захватчик. Он думает, что контролирует форму нашего союза. Но форма ничего не значит без содержания. Он купил стены, он купил землю, он купил мое имя. Но он еще не купил мою лояльность. И он никогда не поймет, что в этой игре побеждает не тот, у кого больше денег, а тот, кто готов идти до конца.

Я поднялась в свою комнату и легла на кровать, не раздеваясь. Мои мышцы ныли от напряжения, но это была приятная боль. Мышечная память подсказывала мне: я на правильном пути. Дистанция сокращена, противник открыт, и у меня есть ровно семь дней, чтобы нанести удар, который он не сможет парировать.

Леон сказал, что видит мои дефекты. Что ж, пришло время показать ему, что в виноделии некоторые дефекты со временем превращаются в уникальные особенности вкуса. Те самые, за которые коллекционеры готовы отдавать целые состояния. И моя гордость, которую он считал глупостью, скоро станет его самым ценным приобретением. Или его самым сокрушительным поражением.

Я закрыла глаза, и последним, что я увидела перед сном, было лицо Леона в тусклом свете погреба. Его взгляд, полный холодного расчета, и та едва заметная, почти призрачная улыбка, которая говорила о том, что он тоже ждет этой битвы. Мы были прижаты друг к другу слишком плотно, чтобы один из нас мог выйти из этого круга невредимым. И это было именно то, что мне сейчас требовалось. Безопасность, в которой не нужно держать рапиру? Нет, Леон, ты ошибся. Мне нужна была война, в которой я наконец смогу проиграть и не быть при этом уничтоженной. И ты - единственный, кто может мне ее дать.

Глава 12: Прямой выпад

Бетонный пол тренажерного зала в подвальном помещении особняка всегда оставался на пару градусов холоднее, чем воздух. Это была идеальная температура для того, чтобы не давать мыслям расплываться в липкую кашу. Я чувствовала эту прохладу через тонкую подошву фехтовальных туфель. Левая нога сзади, правая впереди, центр тяжести смещен ровно настолько, чтобы в любую секунду превратить статику в стремительное ускорение. В моей руке была рапира - не декоративная игрушка со стены кабинета, а рабочая сталь, привыкшая к поту и резким щелчкам о чужой клинок. Вес оружия ощущался как продолжение костей предплечья. Баланс идеален, как у бутылки хорошо выдержанного каберне совиньон, где содержание алкоголя и плотность танинов находятся в абсолютном равновесии.

Мой отец всегда говорил, что фехтование - это шахматы на скорости сто километров в час. Он говорил это, когда мы еще были владельцами поместья, а не его временными арендаторами в ожидании окончательного приговора. Сейчас его голос в моей голове звучал суше обычного. Локоть ближе к корпусу, Стефания. Не давай ему пространства для маневра. Ты открываешь четвертый сектор, как последняя дилетантка. Я сделала выпад. Манекен, обтянутый плотной кожей, глухо отозвался на удар острия. Если бы на нем была электрокуртка, лампочка бы вспыхнула красным. Очко в мою пользу. Но манекен не умеет давать сдачи, он не умеет менять ритм и подавлять на противоходе. Манекен - это мое нынешнее состояние. Статичное, предсказуемое, ожидающее удара судьбы.

Я сделала глубокий вдох. Воздух отдавал запахом старого железа и талька. Это был запах моей личной безопасности. Здесь, в этом круге света под единственной мощной лампой, мир сужался до дистанции вытянутой руки. Никаких банковских счетов, никаких контрактов, никакой фамильной гордости, которую растаскивают по кускам стервятники из кредитных отделов. Только сталь и мое умение ею управлять. Я снова вошла в ритм. Раз-два, батман, перевод, укол. Мои мышцы помнили это лучше, чем таблицу умножения. Это была мышечная память поражений и побед, выжженная годами тренировок еще до того, как наше имя стало синонимом грандиозного краха.

Когда отец обанкротился, я не плакала. Я стояла в фехтовальном зале клуба и смотрела на свое отражение в зеркале, выпрямив спину так, будто в позвоночник мне вставили стальной штырь. Я видела, как по телевизору показывают наши виноградники, описывая их как активы, подлежащие реализации. Репортерша с фальшиво-сочувствующим лицом говорила о конце династии. В тот день я поняла, что статус - это просто этикетка на бутылке. Ее можно сорвать, можно переклеить, можно облить грязью. Но содержимое - то, что внутри - изменить нельзя. Если вино превратилось в уксус, никакая золотая фольга его не спасет. И если ты боец, ты останешься им даже в рваном трико.

Я услышала его раньше, чем увидела. Шаги Леона были тяжелыми, но удивительно размеренными. Он не крался, он просто шел, как человек, который точно знает, что эта территория принадлежит ему по праву подписи под договором купли-продажи. Моя кожа на спине отозвалась мелкой дрожью, считывая вибрацию пола. Он остановился в тени, за границей светового круга. Я не обернулась. Я знала, что он смотрит на мои лопатки, на то, как плотно сидит на мне тренировочный костюм, на то, как я сжимаю рукоять рапиры.

- У тебя неплохая техника, Стефания, - его голос прозвучал низко, вибрируя в пустом зале. - Но ты слишком напряжена. В фехтовании, как и в бизнесе, избыточное напряжение ведет к потере гибкости.

Я сделала еще один выпад, намеренно игнорируя его присутствие. Сталь со свистом рассекла воздух.

- Мое напряжение - это мой контроль, Леон, - ответила я, не поворачивая головы. - А гибкость часто путают с отсутствием хребта. Тебе ли не знать.

Я почувствовала, как он двинулся. Медленно, по касательной, заходя с фланга. Он оценивал мой баланс, мой центр тяжести. Я ощущала себя как вино на дегустации перед строгим критиком. Он искал дефекты: избыточную кислотность в моем тоне, горечь в моих движениях, недостаток плотности в моей защите. Леон подошел к стойке с оружием. Послышался сухой металлический лязг - он выбирал рапиру.

- Посмотрим, насколько твой контроль эффективен в реальных условиях, - сказал он. - Или ты предпочитаешь сражаться с тем, кто не может тебе ответить?

Я наконец повернулась. Он стоял в простой черной футболке, которая подчеркивала его массивные плечи. В его руках рапира выглядела почти неуместно - слишком изящный инструмент для такого человека. Леон напоминал мне тяжелый пресс для винограда: мощный, неумолимый, созданный для того, чтобы давить. Но в его глазах была та самая холодная искра расчета, которая делала его опаснее любого пресса. Он не собирался меня просто давить. Он собирался меня изучать.

- Ты умеешь держать оружие, Леон? Или думаешь, что рапира - это просто длинная ручка для подписания чеков? - я позволила иронии просочиться в голос, как капле танина, которая должна придать вкусу необходимую терпкость.

Он усмехнулся. Это была не улыбка, а просто короткое движение углов губ, лишенное тепла.

- В моем мире, Стефания, нас учат защищать то, что мы захватили. И иногда для этого требуются более архаичные методы, чем юридические претензии. Ан гард.

Я встала в позицию. Дистанция между нами была около трех метров. Это была безопасная зона, но я чувствовала, как воздух между нами уплотняется, приобретая структуру густого, нефильтрованного сусла. Леон двигался не так, как классические фехтовальщики. В его позе не было легкости, но была пугающая устойчивость. Он стоял как скала, которую невозможно сдвинуть с места, не разрушив при этом все вокруг.

Мы начали движение по кругу. Мои туфли бесшумно скользили по бетону, его шаги отдавались глухим эхом. Первый контакт клинков произошел внезапно. Тонкий звон стали разрезал тишину, отозвавшись в моих пальцах мелкой вибрацией. Леон не атаковал. Он просто прощупывал мою защиту, нанося короткие, сухие удары по моему клинку. Это был батман - попытка вывести мое оружие из линии, найти брешь, заставить меня открыться.

Я парировала. Мои движения были короткими и экономичными. Я не собиралась тратить силы на широкие жесты. В виноделии есть понятие микрооксидации - дозированного введения кислорода для смягчения вина. Леон сейчас делал то же самое: он дозировал давление, проверяя, когда я начну окисляться, когда моя выдержка даст сбой.

- Твой отец учил тебя? - спросил он, совершая плавный перевод рапиры. - Он всегда был приверженцем классической школы. Слишком предсказуемой для современного рынка.

- Мой отец учил меня, что в защите нет места эмоциям, - я сделала резкий выпад, целясь в его правое плечо. Леон легко ушел в сторону, погасив инерцию моего удара мягким движением кисти. - И что предсказуемость - это лишь форма дисциплины.

- Дисциплина без адаптивности - это прямой путь в архив, - он внезапно сократил дистанцию. Его клинок скользнул по моему, создавая неприятный скрежещущий звук. - Ты держись за свои принципы, как за старые лозы, которые уже не дают урожая. Ты боишься их выкорчевать, потому что тогда под ногами останется только голая земля.

Его слова били точнее, чем сталь. Я почувствовала, как внутри закипает раздражение - та самая летучая кислотность, которая может испортить даже самый лучший винтаж. Он бил в мое уязвимое место: в страх остаться никем без этого поместья, без этого имени, которое он так буднично купил.

Я перешла в контратаку. Серия быстрых уколов, перевод, финт. Я двигалась быстрее него, я была легче, я была острее. Но Леон не отступал. Он принимал мои удары на сильную часть клинка, гася их мощью своего предплечья. Он двигался как танк, медленно, но неотвратно занимая пространство зала. Я видела его глаза через сетку маски - нет, мы были без масок. Это было опасно, это было непрофессионально, но это было честно. Я видела его зрачки, холодные и неподвижные, фиксирующие каждое мое микродвижение.

- Ты злишься, Стефания, - констатировал он, перехватывая мою очередную атаку жестким парадом. - Твой центр тяжести сместился вперед. Ты ищешь удара, а не победы. Это ошибка новичка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.